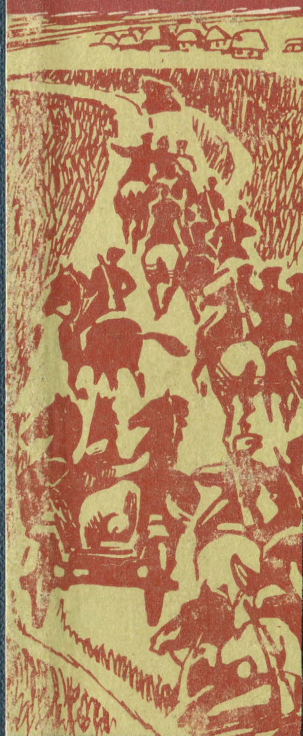

ПРИМАКОВ

И. Дубинский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 2
(445)

МОСКВА
1968

И. Дубинский

ПРИМАКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

9(C)22
Д79

*Протекли над Украиной
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды...*

Э. Багряцкий

1. Встреча в „Княжьем дворе“

Ровно сорок лет назад Виталий Примаков вернулся из Китая. Разыскал он меня в общежитии Академии имени Фрунзе на Волхонке, вблизи памятного многим москвичам Храма Христа-спасителя.

Надо прямо сказать — этот божий уголок привлекал к себе больше «идолопоклонников», нежели верующих. В любое время года, в любое время суток на скамейках просторной храмовой эспланады ворковали поклонники «идола» любви.

Думаю, поторопились со сносом этой, может, и не столь высокохудожественной, как весьма своеобразной монументальной приметы старой Москвы. Потом там вырыли плавательный бассейн.

По эспланаде, на которой высился несуществующий уже ныне храм, мы пошли к Примакову в гостиницу «Княжий двор». Это был очень респектабельный и очень тихий отель в одном из тихих переулков Волхонки, как раз напротив Музея изобразительных искусств. Просторные апартаменты бывшего «Княжьего двора» ныне заняты Министерством электроприборов.

В своем весьма скромном, но уютном номере Виталий Маркович усадил меня в кресло, протянул пачку тогдашней новинки — сигарет. Сам устроился на высоком подоконнике и, разжегши хорошо мне знакомую походную трубку, распахнул створки небольшого окна. Стал пускать дым на улицу. Распечатал я подаренную мне пачку лишь спустя полтора года... с досады. Это когда нас с Примаковым, собравшихся в дальний путь, неожиданно разлучили... Но об этом после.

С сияющим лицом, сверкающим взором, переполненный необычными впечатлениями, мой старший товарищ и высокочтимый боевой руководитель времен гражданской войны говорил о своих творческих планах. И тут же досадовал: не успел остыть от одного пекла, а в перспективе уже новое — очевидно, опять Азия.

Виталий снял полуботинки. Упершись спиной в один откос окна, а ногами в другой, он лукаво усмехнулся:

— А я увлекся...

Я повел плечом. Нашел чем меня удивить. Нашему Виталию — организатору и боевому вожаку украинской конницы — оказывали внимание не только кайзеровско-гетманские власти, назначившие летом 1918 года награду в миллион карбованцев за его голову... Скромного роста, но коренастый, с нежным, одухотворенным лицом мыслителя и каким-то особенным рисунком всегда беспокойных ноздрей, с теплым взглядом наблюдательных серо-зеленых глаз, он пользовался всеобщей симпатией. Кое-что значили и форма кавалериста, два боевых ордена Красного Знамени и значок депутата ЦИК СССР.

Примаков раскрыл карты. Оказывается, он увлекся Фэном — маршалом Фэн Юй-сяном, от которого недавно вернулся и приезда которого в Москву с нетерпением ждет. Ждет и хочет встретить его с почестями. К этому он готовит живущих в Москве своих соратников.

Если мы питаем слабость к человеку, то склонны, не замечая его минусов, преувеличивать его достоинства. Может, нечто подобное было и в данном случае. Но то, что сообщил Виталий Маркович, ломало все установившиеся представления.

Конечно, Фэн не принадлежал ни к коммунистам, ни к социалистам. Но и не был он милитаристом на содержании у Токио, Лондона, Нью-Йорка, каких насчитывала тогда во множестве Поднебесная империя.

— Прежде всего он демократ. — Мой собеседник многозначительно прищурил глаза. — Маршал Фэн разделяет многие принципы доктора Сунь Ят-сена. Считается с гоминьданом.

Ну, в какой-то мере считается и со мной. Хотя я и намного моложе его... Уважает нашу страну.

После небольшой паузы Примаков продолжал:

— Он, Фэн, возглавляет не обычные вооруженные силы, каких много в Поднебесной империи, а одну из Национальных армий. Притом самую старшую из них. От солдата до маршала там ненавидят вековых угнетателей страны — мировых акул, как мы их называем, а китайские борцы за правое дело зовут их канонерщиками, всю английскую, японскую, американскую военщину... И подогревает эту ненависть общая ситуация в стране, клокотание масс, активность революционных сил. Им служит примером наша Революция. Много значат и наши победы над своими и иноземными канонерщиками... Это факт!

Рассказчик на некоторое время остановился. В Храме Христа зазвонили к вечерне.

— Правда, не без колебаний, но Фэн выдал нам атамана Анненкова. Этого палача трудящихся я мог доверить лишь Зюке. Он и доставил атамана в Москву. В двухместном купе сибирского экспресса Миша провел с бешеным волком Семи-речья почти полмесяца... Подвиг...

Да! Анненкова потом судили в Семиречье всенародно. Но, помню, Михаил Зюка, коммунист с 1912 года, царский узник, участник январского (1918 года) восстания в Киеве, а потом боевой начальник артиллерии червонного казачества, сдав Анненкова на Лубянке, ввалился к нам в общежитие с посиневшим лицом. Полез сразу на мою койку и проспал, ни разу не шевельнувшись, целые сутки. А потом уже рассказал о своей необычной миссии.

А кстати, наш Михаил, — продолжал Виталий, — оказался и прекрасным конником. В Тяньцзиньской операции он возглавлял советников при конном корпусе. По примеру наших зимних рейдов девятнадцатого года фэновская кавалерия, созданная и обученная усилиями Зюки, совершила тяжчайший семидневный переход по зимнему бездорожью Жэхэ. Как тайфун, обрушилась она на мукденских милитаристов и вышибла их лихим ударом из Чэнде. А до этого китайская конница являлась, по сути, ездящей пехотой и не была способна к самостоятельным действиям. Удар фэновской конницы подготовил ситуацию для удара на Тяньцзинь. Но... не все, видать, генералы Национальной армии так уж ненавидели канонерщиков. И бывший советник японский майор Мацумура не дремал... понадобилось две недели, чтобы выбить из Тяньцзиня мукденцев.

И то под сильным нажимом маршала, он от начала до конца одобрил мой план Тяньцзиньской операции...

Биография этого человека довольно пестрая и романтическая... Даже для страны, где по непостижимым капризам судьбы вчерашний кули может стать мандарином, а заядлый хунхуз с пустынных сопок — генералом. Его отец, в прошлом кровельщик, стал армейским капитаном, а сын долго служил простым солдатом, писарем. Потом выдвинулся в ротные. За участие в восстании десятого года он попал в тюрьму на всю жизнь. А спустя год более широкое восстание раскрыло перед ним ворота нанкинской тюрьмы. Юань Шикай сделал его командиром полка своей гвардии...

О маршале Фэне Примаков говорил еще долго и очень тепло. С его именем связывал ближайшее будущее Китая. Китай нового и обновленного. А потом с тем же пылом начал восторгаться Эгоном Эрвином Кишем. Этот немецкий очеркист много путешествовал. Отчетами о его дальних странствиях тогда увлекались многие. Рассказал Виталий о знакомстве с драматургом Третьяковым, который в ту пору работал в Пекине и усиленно трудился над пьесой «Рычи, Китай» для театра Мейерхольда. Третьяков все нажимал на Виталия, стыдил его вовсю: почему тот, человек с такой необычной биографией, ничего не пишет. Потомки этого не поймут...

Тут Примаков соскочил с подоконника, расправил отекавшие ноги, полез в свой незапертый иноземный чемодан. Достал с его дна пачку густо исписанных листков, поднес их к моим глазам, а сам не без внутреннего волнения, словно боясь чужого, недоброго уха, прошептал:

— Это мое. Осталось уже немного... Как говорят французы — вернисаж, финиссаж, полиссаж... Подшлифую — и в Ленинград, в издательство «Прибой». Там ждут. И пусть наших товарищей не удивит — не будет там моего имени. Будет другое. Так надо...

Кто из пишущих не испытал жгучей потребности прочесть написанное и еще не опубликованное близкому человеку? Этого хотелось и моему собеседнику. Но тут он обнаружил, что в рукописи чего-то не хватало. Виталий снова порылся в своих вещах. Нашел еще несколько листков и вместе с ними извлек со дна чемодана одну вещицу. Это была из плотной кожи монгольская, окованная свинцовыми пряжками, монетница. Протянул ее мне.

Примаков, бросив взгляд на чемодан, сказал, что купил подарков для всех, для матери, к которой он, возможно, поедет вместе с маршалом Фэном. Жаловался только на «чертового

Ионьку», свою правую руку по червонному казачеству, который, назло царским жандармам, гонявшим его по тюрьмам и ссылкам, носит брюки только из жандармского сукна. И Виталий извлек на свет божий отрез дорогой синей ткани с едва заметным переливом нежной седины.

Пока шла гражданская война, попадались еще остатки белой роскоши... А теперь пришлось излазить пол-Пекина. Туровский же, заместитель командующего войсками Харьковского военного округа, и в 1936 году ухитрялся шить брюки из необыкновенного жандармского сукна...

Вот Виталий нашел нужное место в своих записках. Сел против меня в другое кресло и начал читать с чувством:

— «Демократизм Фэн Юй-сяна разрушал представления о китайском генерале, облеченном неограниченной властью (право на жизнь и на смерть). Китайский народ привык видеть своих генералов за тройной охраной, на большом расстоянии, и привык относиться к ним с чувством неприязни и страха... Маршал проводил в школе иногда целый день, а иногда вместе со студентами принимал министров, сановников. Непосредственная близость к маршалу создавала у слушателей чувство непосредственного участия в больших делах государства и заставляла гордиться своей ролью избранного войска».

Как создавалась та новая по духу Калганская офицерская школа? Под влиянием советников проникшись глубоким уважением к Красной Армии, китайский маршал заявил, что он строгим приказом введет у себя ряд новшеств. А Примаков, зная, что Фэн христианин, напомнил ему слова из священного писания: «Нельзя в старые мехи лить новое вино». Можно приказом ввести в рацион и хлеб вместо риса, но тот, кто привык к рису... Проводить с душой новые идеи могут лишь новые люди». Вот тогда и была создана Калганская школа...

И не только она. Прослышав, что для приезжающих в советские города селян имеются Дома крестьянина, Фэн повелел построить таковые и в подвластных ему городах.

Примакову, вожаку червонных казаков, довелось в гражданскую войну повидать многое, но его потрясла та деловитость и бесстрастность, а также систематичность, с которыми в Китае и даже на подконтрольной маршалу-демократу территории проводились казни. Человек на виду у народа опускался на колени, деловито клал голову на колоду, а палач не торопясь длинным мечом отсекал ее. Пытались и «гуманизировать» процедуру: заменили мечи маузерами...

Там же, в «Княжьем дворе», знаменитый рейдист вспомнил

об одном диспуте с Фэном. Как-то Виталий Маркович поведал маршалу высказывание одного большевистского оратора: «Для успеха на фронте и в тылу надо побольше ораторов и поменьше милиционеров». Фэну это очень понравилось. И, будучи весьма начитанным человеком, не захотел остаться в долгу. Он вспомнил изречение древнего философа, хвалившего того богдыхана, который допускает жестокость для блага народа, и осуждавшего того правителя, у которого жестокость признается благом народа.

— Конечно, — подчеркнул мой собеседник, — Фэн не плакал над трупами казненных, подобно Филиппу Второму испанскому, и не заказывал по ним молебнов, подобно Ивану Грозному, но притча об ораторах и милиционерах кое-что дала. Чаше и чаще стали выезжать студенты военной школы в войска, меньше бросались в глаза маузеристы...

А маршал, ссылаясь на одного богдыхана-философа из древнейшей династии Тан, с лукавой усмешкой на крупном лице сказал своему старшему советнику: «Да! Гиганты пользуются доводами, пигмеи — палкой...»

Будучи настоящим диалектиком, Виталий Маркович пытался трезво оценить те глубокие процессы, которые взбудоражили прославшие века китайские массы. Вспомнил он Бернарда Шоу. Явились к нему друзья, назвали сорок томов, объяснявших причины падения Римской империи. А он им: «Я это выражу всего лишь четырьмя словами: Рим перерос своих владык!» Вот и Китай начал перерастать своих старых, тронутых глубокой эрозией повелителей. Ищет новых вождей. Завтра, нет сомнения, будут социалисты, коммунисты, а нынче — вот они, такие, как Фэн...

Тепло отзывается о китайском маршале-христианине и бывшая переводчица В. В. Вишнякова-Акимова в своей весьма интересной книге «Два года в восставшем Китае»*. «Что-то в нем было привлекательное, и я поняла, почему Примаков так ему симпатизировал».

Мемуаристка хорошо говорит о начальнике Калганской группы инструкторов, подчеркивая, что он был одним из немногих советников, пополнивших нашу китаеведческую литературу. Она имела в виду «Записки волонтера»**, выдержки из которых читал их автор в гостинице «Княжий двор».

Кое-что находим мы в книге Вишняковой и о славном соратнике Примакова по черниговскому большевистскому под-

* Москва, изд-во «Наука», 1965.

** Лейтенант Аллен, Записки волонтера (Гражданская война в Китае). Ленинград, изд-во «Прибой», 1926.

полью, червонному казачеству и Китаю. Она вспоминает, что из всех советников один Михаил Зюка вступал в рукопашные драки с белогвардейцами в Пекине и даже с английскими полицейскими посольского квартала. Завидев под вечер его слегка приземистую фигуру с кавалерийской походной враскачку, они спешили покинуть пост и переждать грозу за углом.

Вот почему Примаков поручил именно Зюке — бывшему начальнику грозной артиллерии червонного казачества, доставить пойманного белогвардейского волка Анненкова из Калгана в Москву. Тому Зюке, который в бою, заметив малейшее волнение своих пушкарей, разувался и продолжал как ни в чем не бывало командовать: «Батар-р-рея, огонь!»

— Между прочим, наш старый политкаторжанин, — вспомнил тогда, в «Князьем дворе», Виталий, — показал себя мастером и изысканной эпистолярики. В своей работе я привожу и доклад Зюки старшему советнику. В нем ярко обрисована и караванная верблюжья тропа через пустыню Жэхэ. Там есть и о сушеном мясе, которым питались китайские всадники, и о ждавших впереди на всех стоянках и привалах верблюдах с вьюками провианта для людей и с бобами для лошадей, о ночевках, которые проводились на двадцатиградусном морозе в чистом поле, где, чтоб лучше согреться, люди и кони лежали вповалку. И о стычках с хунхузами, которые потом присоединились к авангарду полковника Яна, бывшего хунхуза, чтобы вместе идти против мукденцев. Заканчивает он так свое послание: «Это письмо я пишу из богдыханских покоев, а за окном у меня цветут розы и журчит фонтан... Примите мой привет и не откажите прислать хорошего табака для моей трубки...» Ясно — наш неунывающий пушкарь всюду верен себе...

После Китая Михаил Осипович Зюка десять лет командовал стрелковыми дивизиями в Забайкалье, Ленинграде. До августа 1936 года он возглавлял 25-ю Чапаевскую дивизию.

Восстановлено доброе имя Михаила Зюки. И не так давно пришло письмо из Кривого Рога. «Я, Зюк Валентин Михайлович, каменщик СУ-8, долго мучился желанием написать Вам хорошее благодарственное письмо... Мне было 11 лет, когда я остался без родителей. У меня нет фотографии отца. И только упрямая мальчишеская память сохраняет до сих пор дорогой образ. Работаю на стройках Кривбасса, воспитываю сына Сережку. Много читаю, увлекаюсь живописью, кино. Хочется воспитать деду достойного внука. С криворожским приветом Ваш Валентин. 11/IV 1964 года».

Наши киевские ветераны послали Валентину фотографию его отца.

Сунув на дно чемодана наброски будущей книги, Примаков снова разжег трубку, стал шагать взад и вперед по вытянутой в длину комнате.

— Вот, два года назад, — продолжал он, — после краткой учебы в академии послали меня в Петроград. Сделали начальником Высшей кавалерийской школы. Повез я как-то своих питомцев на линкор «Марат». Многое нас там поразило. А вот одного не могу забыть и поныне. Морских сигналов, да, да, прошу не улыбаться, сигналов. На боевых кораблях они есть — обычные, повседневные. То и дело призывают моряков к действию или же к покою. Но имеют они и необычный, особый сигнал — это колокол громкого боя. Своим всепотрясающим гулом он настраивает сердца на высший регистр отваги и самопожертвования. Пред тем набатным гласом умолкают все прочие голоса, забываются обычная суэта, все мелочи жизни. Колокол громкого боя очищает простор для больших дел и для великих свершений...

Передохнув и перезарядив трубку новой порцией душистого табака, Примаков продолжал:

— И мы — команда большого корабля. Сквозь грозы и штормы он везет нас к далеким, неизведанным, благодатным берегам. На нем многое множество прекрасных людей. Без их усилий мы бы не сдвинулись с места. Но... есть и другие. Не такая уж большая когорта, а без них было бы вовсе худо. Особенно в грозовую, штормовую пору. Это они, люди колокола громкого боя, еще с седых времен общинного строя своим набатным гулом, своей титанической энергией и незаурядным умом, своей дальновидностью призывают людей к большим подвигам и великим свершениям. Вот в моих глазах и маршал Фэн... Пока без примесей в лигатуре и без трещин.

«Какой чудесный образ!» — подумал я. Ведь таким колоколом громкого и чистого боя представляется мне и сам он, герой моего повествования, — Виталий Маркович Примаков, старший сын учителя из села Шуманы на Черниговщине, царский узник, воспитанник и зять Михаила Коцюбинского.

Восхищаться-то Примаков восхищался Фэном, но... в своей книге «Записки волонтера» запишет: «...я и Эванс обменялись впечатлениями о маршале. Он нам показался человеком бесспорно выдающимся. Очевидно, судьба Национальной армии находится в надежных руках. Но он не социалист. Куда же эти руки повернут Национальную армию? На этот трудный вопрос мы не могли дать себе ответа».

И еще — невзирая на прекрасную оценку, данную китайскому военачальнику, автор «Записок волонтера», в душе кото-

рого победил голос разума, а не эмоций, в нескольких словах дал истинный портрет командующего Первой Национальной армией Китая: «Фэн Юй-сян так и не решился вступить в гоминьдан и поручить ему сформировать правительство. На его политике остался отпечаток неуверенности и реакционных колебаний».

О Гонте, Зализняке и других народных героях складывались песни уже после их смерти. О вожаке червонных казаков богатый фольклор появился еще при его жизни. Под аккомпанемент своих почерневших от времени бандур на базарных майданах Украины слепые лирники пели: «Ой, Примаке, душа голоди, лицар ти залізний, погроцив без міри, щоту ворогів Вітчизни!» В изданные много лет назад фольклорные сборники вошли песни о Примакове и о его славных бойцах.

Недавно бригада ветеранов червонного казачества выезжала в древний город Любеч и дальше — в село Шуманы, на родину Примакова. Вслед за ветеранами на поросший бурьянами и лебедой пустырь, где когда-то стояла добротная усадьба Примаковых, явились школьники, труженики Шуманов. Закипела работа. Чтя светлую память своего выдающегося земляка, люди высадили на пустыре парк, а от него — аллею к сквозному тракту. Привели в порядок фамильные могилы.

Народ чтит и чтит Примакова как выдающегося своего воина и воеводу, как талантливого военачальника и легендарного героя, но мало знает его как литератора. А ведь пером сделано им немало.

Есть такая книга — «Этапы большого пути». Ей нет и пяти лет. Выпущена она Воениздатом в 1963 году. В ней о великих наших испытаниях и великой нашей победе в гражданской войне повествуют ее бессмертные герои и полководцы. Повествуют на свежую память и по свежим следам. Один раздел в той книге содержит рассказы Примакова.

Его очерк «Борьба за Советскую власть на Украине», состоящий из глав «Первый период гражданской войны», «Партизанская война», «Освобождение Украины», «Борьба за Правобережную Украину», впервые пришел к читателю через страницы сборника «Пять лет Красной Армии», изданного в Москве в 1923 году.

Статью «Путь неувядаемой славы», в которой автор пишет, что первой боевой школой червонного казачества был 1918 год — «Год гнева и мести», — опубликовала «Правда»

4 декабря 1934 года в связи с награждением червоного казачества высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Вошедшую в «Этапы большого пути» статью «Три рейда» дала по тому же поводу «Красная звезда» 20 ноября 1934 года.

Четвертая, изобилующая множеством литературных находок, работа Виталия Марковича «Червонцы» увидела свет в 1934 году на страницах альманаха «С Маяковским». Это новеллы, показывающие во всем его блеске повседневный героизм воинов примаковского конного корпуса: «Начальное обучение», «Симферопольцы», «Самусь», «Песня», «Варенье», «Таньки» и «Фокус».

Вслед за «Червонцами» идет очерк «Смертью героев» — о тех, кто отдал жизнь за дело рабочих и крестьян, за великое дело Ленина. Впервые он был опубликован в сборнике «Червонное казачество», изданном в Харькове, тогдашней столице Украины, в 1923 году.

И шестая работа Примакова из сборника «Этапы большого пути», под названием «Смелость города берет», печаталась в книге «Червонное казачество».

Все это о гражданской войне. Но Виталий Примаков рядом своих интереснейших книг рассказал нам также о том, что было и после гражданской войны.

2. История и география

Уходил в прошлое богатый событиями XIX век. Среди сказочных просторов Черниговского Полесья затерялось забытое богом и людьми захудалое село Шуманы. Невесело там встречали приближение Нового года. Невесело, как и в соседнем селе Выхвостове, которое позже вместе с грозной «Fata morgana» Михаила Коцюбинского войдет в бессмертие.

А на восточной окраине Шуманов, отмеченной гигантскими осокорьями, в добротном хуторе местного учителя веселились вовсю. Там шумные рождественские дни совпали с крестинами. У хозяина хутора родился ребенок. И не дочь, не казачка, а голосистый казак.

Изрядно подвыпивший батюшка полнозвучно чмокал счастливого учителя и все порывался облобызать «драгоценнейшие персты» красавицы учительши.

— Святая купель совпала со святым рождеством... Се воля всевышнего... Только вскормите его, высокомудрая матушка

наша Варвара Николаевна, а там... В духовной семинарии у меня благотворствующая длань...

— Нет, батюшка, — млела от счастья молодая мать, — мы нашего Витюшу отдадим в гимназию...

— И то благо, — басило шумановское духовенство, — и там, то бишь в гимназиях, готовят достойных слуг государевых. Как и господу богу, и царю-батюшке також потребны добрые слуги...

Поп не зря низкопоклонствовал. Ломились, переполненные добром, просторные каморы хозяина. От своего отца, смекалистого панского приказчика, Марко Григорьевич унаследовал приличный надел. Круглый год не пустовали засеки шумановского учителя, и круглый год звенели в его хате голоса сыновей-казаков. Именно из таких вот сугубо благополучных хат позже, когда разгорелось пламя гражданской войны, и шли хлопцы под жовто-блакитные знамена лжеборцов за Украину. Одни рвались туда, горя священной ненавистью к таким, как Марко Гуца и Гафийка. А другие — одурманенные высокопарными призывами лжепророков и «курносых Мефистофелей»...

А вот хлопцы, все парни из крепкого хутора Примаковых, пошли совсем по иному пути. Сбылась мечта учительши из Шуманов — ее первенец попал в казенную гимназию. Но, вопреки мнению шумановского батюшки, гимназии готовили не только царевых слуг, но и его могильщиков...

Стал царским могильщиком и первенец Примаковых. Не царским слугой, а именно царским могильщиком. С самых юных лет он посвятил себя борьбе с неправдой. Может, и не сознавая своей роли, молодая Варвара Николаевна готовила почву для этого. Именно — не отец, а мать. Отец оставался учителем, и только. Хотя он потом и станет одной из первых жертв разгоревшихся вокруг страстей... Добрая душа, Варвара Николаевна не кичилась своими достоинствами, не сторонилась людей. Сердобольная женщина не закрывала глаза на человеческую горе. Этому она учила и всех своих детей.

С шумной шумановской детворой Виталий углублялся в загадочные чащи лесов, надрывал свой звонкий голос на зеркальных просторах Днепра, по которому его дед Гриць гонял плоты для панских строек. С шумановскими мальчишками первенец учителя пас лошадей и коров, обжигался у полевых костров ароматной, только что извлеченной из горячей золы картошкой, там же слушал волнующие рассказы о братьях-разбойниках и о героических походах бесстрашных запорожцев.

Искал он и заколдованные клады в далеких урочищах и, откликаясь на глухо доносившиеся с Дальнего Востока вести, самозабвенно играл с ребятами в русско-японскую войну.

Юная душа зрела под влиянием материнской чуткости, людской отзывчивости, чистоты детской дружбы. С высокими думами о красоте родного края, о его пышных лесах, широких заливных лугах, о его трепетных рассветах и неповторимых закатах, о поросших камышами серебряных озерах, о голосистых птицах, с которыми состязались голоса шумановских девчат-полешанок, Виталий, не без душевной тревоги, покинул отчий дом.

Его практическое знакомство с географией началось в 1909 году с Чернигова — этого старинного города. А там, на окраине Северянской улицы, как и дома на окраине Шуманов, приютилась заслоненная высокими осокорями усадьба. Пламенные сердца ее обитателей, как и чуткое сердце горячо любящей матери, будут постоянно направлять молодого Виталия на стезю истины и добра, которая в ту пору могла стать для него лишь стезей борца. И не только борца...

Итак, первая географическая точка — Чернигов. Это и было пределом мечтаний непритязательных родителей бойкого и пытливого шумановского паренька. Ну, а прочие точки на географической карте? Прочие намечала сама жизнь...

Своим крутым нравом Виталий пошел не в отца и, конечно, не в мать. Мягкая, в сущности, его душа не терпела несправедливости. Против нее он бросался в бой сломя голову. В минуту мгновенных вспышек отступало благоразумие, разгоралась ярость. И тогда только мать с ее природной мягкостью творила волшебство. Она одна умела вернуть сыну душевное равновесие. В школе легко воспламенявшегося Виталия прозвали «Печенегом».

Пробовали его «укротить» гимназические начальники по методике тех недоброй памяти времен, но от крутой руки он делался еще круче. Вот тут творила чудеса лучший друг юности Оксана. И без слов. Она садилась за рояль. И ничто так не смягчало юношу, как исполняемая ею песня Шопена «Если б я солнышком...».

«Воспитывался до 8 лет дома, — позже, по просьбе армейских историков, писал о себе Примаков. — Рано, под руководством отца-казака, жившего на хуторе и учительствовавшего в народной школе, научился ездить верхом и стрелять из ружья. В 10 лет получил от отца подарок — двуствольное охотничье ружье и с тех пор уже считался взрослым.

Рос под большим влиянием деда — потомка запорожского казака...

Благодаря тому, что семья состояла из одних мужчин, — женщин, кроме матери и прислуги, в доме не было, — мы все, пять братьев, воспитаны были довольно сурово.

Одна лишь мать, кроткая и религиозная женщина, смягчала наши характеры своим влиянием».

3. Украинский „Буревестник“

Необычно хорош был октябрь 1911 года. Вернулось лето, «бабье лето», с ласковым солнцем и благодатным теплом.

Но об осени, о неминуемой поре увядания, всеми цветами радуги возвещали густые леса и перелески, рощи и кустарники, со всех сторон окружавшие тихий Чернигов.

Склоны Болдиной горы давно уже вырядились в пестрый праздничный убор, отмеченный легким золотом пирамидальных тополей и тяжелой багрово-рыжей медью красного дуба. В эту яркую палитру вкраплялись лимонные тона акаций, густая охра вязов, бураковые отливы дикой груши, кумач осин, оранжево-шафранная раскраска боярышника и табачные оттенки татарского клена.

Мягкий октябрьский закат обволакивал мерцающим сиянием тонкие березы — чудесные шандалы из чеканного серебра, щедро увешанные золотыми жетонами.

Скромная усадьба, приютившаяся на тенистой улице сонного городка — Северянской, позолоченная лучами заходящего солнца, оглашалась радостным визгом детворы.

Но вот скрипнула калитка — вернулся с Болдиной горы хозяин. Прежде чем вступить во двор, оглянулся, снял шляпу. Вдали, как обычно, маячил спутник, полицейский агент — «топтун», не спускавший всевидящих глаз с «опасного сочинителя».

Угрюмое лицо Михаила Михайловича, еще издали услышавшего детские голоса, вмиг посветлело. Писатель любил всех этих и крикливых, и застенчивых, и боязливых, и порывистых малышей, приходивших к его детям. Он на них смотрел как на самое счастливое поколение, которому дано будет совершить все не совершенное донныне.

А молодежь, заметив отца, с радостным криком «татко!» кинулась ему навстречу. Опередил всех самый младший, недавно вернувшийся с отцом из Крыма болезненного вида

Роман *. Взял из рук отца светлую шляпу и инкрустированную серебром палку — память Капри.

Поднявшись на широкую веранду, густо обвитую диким виноградом, Михаил Михайлович расстегнул верхнюю пуговицу серого пальто-реглана.

Усевшись в плетеное кресло, носовым платком он вытер вспотевший лоб, а затем и пышные, аккуратно расчесанные темные усы.

Ежегодные поездки к Средиземному морю не поправили здоровья писателя. Но его неодолимо тянуло в ту далекую страну.

О чем-то оживленно споря, к веранде приблизились старший сын писателя Юрий и его друг Виталий Примаков.

Не по годам вытянувшийся, голубоглазый, как и мать, Юрий тонким станом походил на отца. Виталий, моложе Юрия на год, был значительно ниже его. Но, сизмалства втянутый в физический труд, Виталий выгодно отличался от своего товарища ладным телосложением. Крепыш, умевший пускать в ход и бойкое слово и бойкий кулак, с широкими плечами и развитой грудью, не дававший спуску гимназическим верзилам — любителям притеснять малышей, он пользовался заслуженными симпатиями всего класса.

— Здоровеньки булы, хлопцы! Как успехи, brave мушкетеры? — справившись уже с одышкой, спросил Михаил Михайлович. — Небось опять досадили наставникам, хранящим юность вашу?

— Да, сегодня педелям было жарко! — с плохо скрываемой радостью выпалил Юрий.

С малых лет юноша привык видеть в отце старшего друга, к которому можно в любое время прийти и со всеми печальями и со всеми радостями.

— А что случилось, Юрко? — поинтересовался Коцюбинский, пристально всматриваясь в озорное лицо сына.

— Крамола, татко, крамола! И где? На стенах актового зала!

— Прокламация? — с тревогой и радостью в голосе спросил писатель. — Что, опять «Долой царя!»?

— Нет, только несколько строк: «Буря! Скоро грянет буря!»

А Виталий, чуть волнуясь, с горячностью продекламировал:

— Это смелый Буревестник гордо реет между молний...

* В 1921 году Роман Коцюбинский вступил в червонное казачество.

— Вот и все! — поправив форменную рубашку и чуть передвинув вверх лакированный гимназический ремень, сказал Юрий. — О царе ни слова. А переполоху!..

Скрипнула дверь, и на веранде, с мензуркой в руках, появилась Оксана. Широкоплечая, плотная, в коричневой юбке и кофточке из теплой шотландки, с вьющимися, повязанными темно-вишневой лентой каштановыми волосами, она, чем-то озабоченная, казалась старше своих тринадцати лет. Тепло улынувшись отцу, Оксана заставила его выпить лекарство. Тряхнув локонами, ушла в дом.

Необычная молчаливость и замкнутость словоохотливой и по-мальчишески бойкой Оксаны удивили Михаила Михайловича.

— Что случилось? — спросил он, пряча в карман носовой платок. — И в женской гимназии тревожно?

— Нет, у них тишь и гладь да божья благодать! — ответил Юрий и, посмотрев на дверь, за которой скрылась сестра, перевел встревоженный взгляд на друга. Виталий, насупившись, уселся на приступку, подпер сжатым кулаком подбородок. — Зато у нас потрясли сегодня старшеклассников. И с особым пристрастием Ионю Туровского, Ивана Варлыгу, Николая Григоренко.

— Их таскали к Еленевскому и к Зинину, — угрюмо подтвердил Виталий. — Эта пара вороных поработала сегодня на славу!

Коцюбинский поморщился. Недоброй славой пользовался в городе директор гимназии — действительный статский советник Еленевский, атлетического сложения красавец, кумир светских дам и верная опора самодержавия. Под стать ему был и инспектор, гроза гимназистов, — статский советник Зинин, латинист, истязавший учеников двойками, холостяк, посещавший по субботам дома платной «любви». От «пары вороных» не отставала и «пара гнедых» — математик Булыга и учитель закона божия поп Величьовский, все эти наставники, «хранившие юность» черниговских гимназистов.

А таких, как классный наставник Буров, не дававший в обиду учеников, звавший их к истине и добру, Еленевский долго в гимназии не держал.

— Что ж, — потирая руки, улыбнулся Михаил Михайлович, — наша молодежь видит знамение времени не в «Ключах счастья» Вербицкой, не в «Санине» Арцыбашева, а в «Буревестнике»... Расчудесно!..

За своего первенца Михаил Михайлович был спокоен. Его не пугала мысль о том, что дети, пренебрегши родительским

воспитанием, вырастут эгоистами-себялюбцами, для которых собственное благополучие может стать превыше гражданского долга. И он и мать Юрия — Вера Иустиновна, оба занятые большим общественным делом, внимательно следили за ростом и развитием детей, пристально изучали и их наклонности и их друзей. Они радовались в душе, обнаружив, что, начиная с первого класса гимназии, Юрий искал товарищей не среди избалованных сынков черниговской знати. Он тянулся к серьезным, вдумчивым мальчикам.

Юрий и его ближайший друг Виталий не долго увлеклись Жюлем Верном и Вальтером Скоттом. Отдав юношескую дань этим авторам, они рано стали интересоваться книгами о восстаниях Спартака, Гарибальди, Емельяна Пугачева, Степана Разина. В тринадцать лет они прочли почти всего Пушкина, Шевченко, Гоголя, Тургенева.

Как и вся передовая молодежь того времени, Юрий и Виталий почитали писателя-бунтаря Максима Горького. Оба хранили широко распространенный литографический снимок автора «Буревестника» — аскетически худого, с волевым блеском умных глаз, с падающими до плеч волосами, в длинной косоворотке, подпоясанной витым шнурком.

И Юрий и его друзья радовались вместе с Оксаной, когда она получила с острова Капри фотокарточку писателя с теплым автографом. В какой-то степени отцовское дарование перешло к дочери. Оксана сама начала писать рассказы, стихи. Автор «Буревестника», ознакомившись с творчеством старшей дочери Коцюбинского, прислал ей на память одну из своих книг и ожерелье из дымчатых темно-сиреневых аметистов.

— Таскали к начальству и нас, подростков, — сорвав золотисто-багровый листок дикого винограда, продолжал Юрий. — Меня, Виталия, Имшенецкого *, Мурынсона *. Учинили допрос похлеще, чем по делу Добычина...

— Что ж им нужно было от вас — юнцов? — с негодованием в голосе спросил Михаил Михайлович.

— Зинин стучал кулаком по столу: «Знаем, откуда ползет зараза — этот дух «Буревестника!» Забыл, дьявол, как Добычин накрыл его шинелью в раздевалке...

— На меня директор не кричал, — сказал Виталий и затем довольно точно изобразил, как Еленевский картинно расчесывает руками окладистую бороду снизу вверх и вправо-налево. — «Вот твой отец, — внушал он мне, — хороший чело-

* Оба погибли во время гражданской войны.

век. Всеми уважаемый. И мы его почитаем. А ты юноша...» — Виталий вдруг осекся.

— Продолжай, хлопче, — подбодрил его Коцюбинский. — Советовал не дружить с Юрием, не ходить в наш дом?..

— Наплевать на все его слова! — порывисто вскочил юноша с приступки и, широко раздувая ноздри, как-то по-взрослому выпалил: — А на что у меня голова на плечах, Михайло Михайлович? Но сегодня этот педель, Зинин, все тюфяки вспорет в интернете...

— Голова на плечах... Это не такая уж плохая штука, — усмехнулся Коцюбинский, неторопливо расстегивая и застегивая тонкими пальцами пуговицы светлого пиджака. — Садись, садись, Виталий. Не горячись, дружище. Вот, дети мои. На нашу долю, долю нашего поколения, выпала очень серьезная эпоха. Но вас ждут еще более интересные времена... времена крепких бурь и великих потрясений...

4. Под знаменем истины и добра

Юрий и Виталий, усевшись на ступеньки крылечка, тесно прильнули друг к другу. Это была не первая задушевная, от сердца к сердцу, беседа, которую вел писатель со старшим сыном и его другом. Затишье, наступившее после революционной бури 1905 года, было непрочным, предгрозовым. Михаил Михайлович с тревогой думал об испытаниях, ожидавших молодежь.

Борьба за дело народа, которая не угасала ни на миг, ждала борцов и вожаков, и их на смену «павшим, в борьбе уставшим» должно было выдвинуть юное, подраставшее поколение. Еще свежи были в памяти людей грозные события 1905 года. Вспышки народного гнева, эти зарницы грядущей грозы, возникали и в самых глухих уголках царской России. Герои Коцюбинского теперь уже не на страницах «*Fata morgana*», а на суровой арене жизни, вооружившись косами, вилами и топорами, двинулись на штурм дворянских гнезд.

Гимназисты через соучеников-провинциалов узнавали и иное — о разгуле карателей в Конотопе, Клинцах, Шостке, Глухове и в других уголках их крестьянской губернии. Тяжелые события того грозного времени — и восстания угнетенных и жестокая расправа с народом — оставили горький, тяжелый осадок в сердцах юношества. А тут черная сотня из «Руси», «Колокола» и «Киевлянина» подняла шум, что им «нужна Великая Россия, а не великие потрясения», и, оплевывая на-

рождавшееся братство по духу, взывала хранить и крепить братство по крови.

Опасность, угрожавшую молодежи, ее нравственным принципам, Михаил Михайлович ощущал не только как честный, связанный навеки с народом художник, но и как отец.

Обращаясь к юношам, писатель сказал:

— Царю нужны верные слуги. Но, вопреки воле начальства, гимназии воспитывают и слуг народа. И они, эти слуги народа, обязаны знать более, чем слуги царя. К чему я это говорю? К тому, чтобы напомнить вам, что ваша пора — это пора ученья... Знаем мы о ваших тайных кружках. Знаем, что каждый выучил назубок гневные речи Демосфена и Сен-Жюста. Знаем, что ваши юные сердца, жаждущие подвигов, полны стремления «глаголом жечь сердца людей». Но всему свое время. Придет и для вас святая пора борьбы... Она не за горами...

— Татко! — порывисто вскочил на ноги Юрий. — Тебя жандармы хватали? Сколько тебе было?

— Восемнадцать!

— А нам по пятнадцать! — с гордостью заявил молодой Примаков, хотя ему и оставалось полных два месяца до четырнадцати. Пятнадцать было одному Юрию.

— Три года разницы, — мягко улыбнулся Михаил Михайлович, поживаясь от вечерней сырости. — А три года теперь кое-что значат. За один год может произойти то, что в иное время не случится и в десять. В одном я уверен, дети мои, вам не придется повторять: «Суждены нам благие порывы, а свершить ничего не дано»...

Слова Коцюбинского оказались пророческими.

Пройдет каких-нибудь семь лет, и один из юношей по воле партии станет командующим советских войск Украины, а другой — строителем и вожаком ее боевой конницы — червоного казачества.

— Отец, а что ты скажешь о генерале Раевском? Под Бородином кто повел под огонь своих мальчиков? — Юрий с укором в больших голубых глазах посмотрел на отца. — А ты? Ты жалеешь нас?

— Что ж, Юрко, генералу Раевскому честь и хвала! Не зря его славил и Пушкин. Но мы же пока не на поле боя. Голубь не вытолкнет из гнезда птенцов с неокрепшими крылышками. Жизнь — это непрерывный поток. Сейчас пора одних, а спустя немного подхватят эстафету другие.

— А мы, Михайло Михайлович, и не знаем даже, кто это преподнес пилюлю начальству! — насупив брови и метнув лу-

кавый взгляд на своего друга, сказал, возвращаясь к прежней теме, необычно хмурый Виталий. — Досадно! Мы можем только догадываться!

— Не побоялись допросов, исключения, а может, и Сибири, — в голосе Юрия явно прозвучали нотки восхищения.

Дети из таких очагов, каким был семейный очаг Коцюбинских, росли в атмосфере революционной романтики. Росли они в то тяжелое время, когда несправедливости, вопиющей кривды, «великой скорби народной» было больше чем достаточно.

Из разговоров старших, из рассказов сверстников юноши узнавали многое. Приезжавшие на каникулы молодые большевики, студенты-питерцы рассказывали о той борьбе, которую вел рабочий класс России.

Много было разговоров о ссыльном студенте-большевике Владимире Селюке. И он и питерские студенты — Короткий, Гриневич, Присядько — создали в Чернигове несколько революционных кружков.

— А проповедь директора и законоучителя! — продолжал Виталий. — Батюшка Величковский говорил: «Буревестники — это антихристы. О них надо сообщать исповеднику». Директор пел свое: «Если вас, малороссов, так уж волнует прошлое, то читайте «Тараса Бульбу» Гоголя...»

Писатель, внимательно слушавший юного гимназиста, с артистическим талантом подражавшего всем интонациям директорской речи, усмехнулся и рассказал детям, что канцелярия губернатора тоже советовала интересоваться «Тарасом Бульбой» и запрещала читать «Мертвые души» того же Гоголя, «Каменяров» Франка, «Мать» Горького. А в самой «Просвете» * ее верховоды, панки и полупанки, охотно рядятся в широкие штаны Тараса Бульбы и не желают проникнуться его широким, народным духом. Самостийная держава сытых хуторян — так им представлялась высшая заповедь национального и социального освобождения. Меж тем раздавались и тогда трезвые голоса, заявлявшие, что нельзя даже широкими, как Черное море, шароварами Тараса Бульбы заслониться от екатеринославских сталеваров и юзовских шахтеров. Но самостийники пели одно: «На нашем возу сидят, наш хлеб едят, нехай нашу песню поют. Работала мастеровщина на москалей, нехай поработает и на нашу державу».

Но это все были шуточки. Не обижались на писателя просвитянские воеводы, когда он им говорил, что нельзя туманить

* «Просвита» — легальные культурнические организации, возникшие на Украине в 1906 году.

мозги молодежи розовым прошлым, отворачиваясь от современности. Но они сопротивлялись, когда он требовал вычеркнуть из просветянских программ Вишниченко и включить Горького. Коцюбинский пытался сделать из «Просвиты» средство просвещения, а панки превратили ее в орудие оболванивания. Он, стоявший под знаменем истины и добра, звал людей вперед, а они — очумелые хуторяне — тянули их назад.

Но восстали они против писателя по-настоящему, когда он, под одобрительные возгласы многих рядовых просветянцев, всерьез заявил, что украинский народ завоеует национальное освобождение не под главенством хуторян, а под руководством шахтеров, молотобойцев, кузнецов. Это было сказано и в «Гата тоггана» образом Марка Гуци. Ведь не зря Горький еще в 1909 году обратил внимание украинского друга на статью «Лев Толстой, как зеркало русской революции». О ее авторе, вскрывавшем философию непротивления злу, Алексей Максимович говорил с особой теплотой.

По доносу хуторян, считавших себя «щирыми украинцами», губернатор выгнал Коцюбинского из «Просвиты»...

5. Обида

...Вдруг совсем рядом, по соседству, внезапно загудели колокола. Михаил Михайлович вздрогнул. Не дремал поп Назаров — настоятель церкви Казанской богородицы. По его указке звонарь, нарушая древние каноны благовеста, предписывавшие легким и светлым вступлением настраивать души верующих на молитвенный лад, обрушивал на уставший за день мир бурю грозных и неистовых звуков.

Михаил Михайлович знал, что лишь в отместку за его гневные книги, за его верную службу трудовому народу слуга царя земного и царя небесного вдобавок к частым обыскам, цензуре, допросам и ежедневной слезке ежевечерне терзает его больную душу этим хлестким, беззастенчивым, противным самому господу богу разнузданным звоном.

— Юрий, неси-ка лопатку. Потрудимся немного под божий благовест, что ли!

Лопата Михаила Михайловича находилась неподалеку — в углу сарая. Юрий притащил ее вместе с граблями, ведрами и садовой лейкой.

Неистовый колокольный звон так же внезапно оборвался, как и внезапно начался. Вмиг стало необычно тихо.

Писатель, взяв лопату, проверил пальцами ее острие. Спус-

тившись по ступенькам веранды, в сопровождении юношей обогнул дом и направился к высокой ели, посаженной им в честь старшей дочери в год ее рождения, сразу же после переезда со Старостриженской улицы в эту усадьбу на Северянской.

Страстный цветовод, прекрасный знаток флоры, Михаил Михайлович считал для себя лучшим отдыхом те часы, которые он отдавал саду и любимым цветам. Зажав в руках лопату, начал рыхлить почву вокруг ели. Мальчики, стараясь опередить друг друга, принесли из больших бочек по два полных ведра дождевой воды. Они застали писателя на садовой скамейке. Правую руку он прижимал к груди.

Всполошившийся Юрий побежал в дом. Виталий притащил с веранды плетеное кресло, пальто Коцюбинского. Укрыв писателя, бережно усадил его. Подошел Юрий с лекарством.

— Ничего, ничего, все будет хорошо, — успокоил сына Михаил Михайлович. Его глаза излучали тепло. — Осталось ждать недолго — недельки две. На Капри встречусь с Алексеем Максимовичем. А воздух Средиземного моря? Вернусь я оттуда окрепшим и телом и душой, честное слово, хлопцы! Да... бастуют не только люди. Сердце тоже... Мои «Гуцулы» дались мне нелегко. Так уж все устроено... Чтобы дать жизнь другому, мы вынуждены брать ее у себя. Чем больше мы даем другим, тем меньше остается самому. Что ж? Человек не вечен, верно человечество. Человек умирает, после него остаются его дела. Вот, дети мои, — писатель с любовью прижал к себе юношей, — после меня останется эта ель — ровесница Оксаны. словно близнецы — обе стройные, милые, ясные...

Виталий, как только зашла речь об Оксане, еще доверчивей придвинулся к Коцюбинскому.

Из раскрытых окон вдруг полились нежные звуки. Оксана, как всегда, приготовив классные уроки, села за инструмент, тот самый, чьих клавишей не раз касались пальцы талантливой музыканта — друга писателя, Николая Витальевича Лысенко.

Какое-то сердечное смятение мешало беспокойным пальцам исполнительницы остановиться на чем-либо одном.

Но вот одна из многих начатых мелодий звучит дольше всех и не только не обрывается внезапно, как все предыдущие, но с каждым мигом набирает все больше и больше теплоты, задушевной выразительности. Михаил Михайлович, с его тонкой музыкальной душой, любил слушать игру старшей дочери даже

тогда, когда она, делая первые шаги, с особым рвением исполняла односложные гаммы и «ганоны». Сейчас доносилась из окна чудесная песня Шопена.

Какой-то мягкой певучестью и лирической теплотой веяло от нежных звуков романса. Юному Виталию казалось, что вместе с мелодией песни звучат в вечернем воздухе и ее слова: «Если б я солнышком на небе сияла...»

Поправив серую, из чертовой кожи, гимназическую рубашу, Виталий поклонился хозяину дома.

— До свидания, Михайло Михайлович... Ухожу...

— Не рано? — удивился хозяин.

— Ухожу... — еще тверже, с сумрачным лицом отрезал Примаков. — Прощайте... Больше я сюда не приду.

Михайлу Михайловичу вспомнился недавний разговор о переполохе в гимназии.

— Что ж, сударь! Неволишь не станем, — со скорбной улыбкой на лице сказал писатель. — Всех благ...

Виталий, склонив низко голову, направился к калитке. Вдруг его обожгла мысль: «А не подумал ли Михаил Михайлович, что это результат внушений Еленевского?» Вернулся.

— Дорогой, милый Михайло Михайлович... Не подумайте только... Это связано не с гимназией... Как бы это сказать?... С одной... с одной особой из вашего дома...

— Тебя обидел кто-нибудь? — всполошился писатель, снова переходя на «ты». — Скажи, Виталий!

— Эх! — безнадежно махнул рукой юноша. — Вы ничего, ничего вы не знаете, Михайло Михайлович... — В волнении повернулся и важно зашагал к выходу.

Юрий, склонившись к уху отца и как бы опасаясь, что его могут услышать в гостиной, откуда все еще доносились звуки рояля, с горечью сказал:

— Они поссорились...

— Вот почему он такой хмурый сегодня, твой друг. И Оксана не в своей тарелке, я это сразу заметил, — оживился как-то Михаил Михайлович. — Давно подозреваю, Юрко, что в лице Оксаны ты имеешь серьезного соперника. Эх, дети, дети! Значит, пора нежных чувств приходит гораздо раньше, нежели пора борьбы. Что ж ты стоишь? Раз душа твоего друга в смятении, беги, беги к нему. Только смотри, Юрко, не спугни у забора «топтуна»-хранителя... Беги, сынок, а я — к Оксанке. Вот пошли дела... Одни посвящают ей пламенные стихи, другие из-за нее порывают с моим домом... Мы, писатели, — с подчеркнутой иронией закончил Коцюбинский, — ищем

сильные характеры, сюжеты... а они так и роятся вокруг нас...

Юрий нагнал друга быстро, у церковной ограды. Виталий не остановился, услышав за спиной знакомые шаги. Терзаемый глубокой думой, он шел по тротуару вдоль высоких заборов Северянской улицы.

— Зря ушел, Виталий, — заговорил Юрий, шагая по сухому вороху опавших листьев.

— «Зря!» Нет, не зря! Я человек прямой... Ты знаешь, как я дорожил этой дружбой... — запальчиво сказал Виталий.

— И она!..

— «Она, она!»!.. Ты слепой, Юрий, но я еще зрячий. Я слышал, как она читала подругам вирши семинаристика Васьки Еланского. «Старинный целует рояль!» Не терплю декадентщины. Михаил Михайлович разнес их, эти стишки, в прах...

— Чудак, Виталий! Что ж, по-твоему, раз ты с ней подружился, то она уже не вправе принимать стихов, если ей их дарят?..

— Почему не вправе? — ответил Виталий. — Пусть принимает на здоровье... Вот что я тебе скажу, Юрко, — отрезал нервно юноша. — Я такую дружбу не признаю... И прошу за мной не ходить.

Дойдя до ближайшего угла, Виталий решительно повернул направо и бодрым шагом двинулся к городской площади. Пересекши ее, взял направление на киевский мост.

— Куда ты в такой поздний час? — воскликнул Юрий. — Тебе же надо к Воскресенской церкви.

Виталий не отвечал. Спустившись с дамбы, не торопясь зашагал к реке...

Продрогший Юрий не отставал.

— Что ж, Виталий, а воскресное собрание кружка? Забыл о реферате — «Речи Цицерона в защиту Республики»?

Примаков, выпрямившись во весь рост, почесал затылок. Растерянно пробормотал:

— Совсем забыл... Дался мне этот Цицерон...

Юрий продолжал:

— Не стыдно ли тебе, дружище? Подумай, стали бы расстраиваться из-за бабы Емельян Пугачев, Гарибальди, Кармелюк?

— «Из-за бабы»? — возмутился Виталий. — Нет, Юрко, не «из-за бабы»... Я разочаровался... Кому теперь верить?! — воскликнул юноша и, присев на корточки, опустил руку в воду.

— Нельзя дружбу превращать в тиранию, — продолжал

Юрий, едва сдерживая лихорадочную дробь зубов. — Брось, Виталий, эти глупости... Пошли...

Виталий долго и упрямо молчал, затем поднялся, вытер мокрую руку носовым платком. Нехотя отдаляясь от реки, недовольно пробурчал:

— Ходят тут всякие по пятам...

Холодные октябрьские сумерки с их тяжелой синеватой мглой надвинулись на широкую пойму извилистой реки. Ее причудливые изломы, словно изогнутые турецкие сабли, терялись вдали у железнодорожного моста. С козелецкой стороны вдруг потянуло крепким ветерком, и сразу же грустно зашуршал пересохший тальник.

Подгоняемые неприветливым осенним ветром и сгустившимся мраком, юноши один вслед другому молча зашагали от Десны к городской площади, отмеченной смутными очертаниями старинного дома Мазепы.

6. Возвращение

Чернигов — это не только радости и восторги... Восторги, вызванные первым пылом настоящей борьбы. Борьбы с угнетением и вековечным злом. Там же юному Виталию пришлось испытать и горечь расплаты. Расплаты, еще больше закалившей боевой дух дерзаний и пока еще неравного единоборства.

Первые и довольно решительные шаги единоборства — это составление и распространение прокламаций — обращений к солдатам черниговского гарнизона.

Недремлющее око в лице постового городского Пилунца сразу же обнаруживает крамолу, хватает крамольников и передает их на расправу строгим и неумолимым блюстителям царских законов — законов военного времени. Это был 1915 год — второй год империалистической войны.

Второе недремлющее око в лице гимназического начальства спустя шесть дней после акции городского Пилунца исключает крамольника Примакова из седьмого класса черниговской гимназии и доносит об этом в высшую инстанцию.

За Черниговом последовал Киев. Но он пришел через густые решетки «Лукьяновки». В семнадцать лет... А после была сибирская тайга — вечная ссылка.

Вспоминая тяжкие годы, совпавшие с тем возрастом, когда формируется человек, Виталий не клял судьбу. «То была моя академия! — говорил он. — Жизнь хороша и в радостях и

в муках, ибо муки — это тоже жизнь. Муки очищают и закаляют дух. Преодоление мук есть радость».

...И снова Чернигов. Но теперь уже революционный. И всюду кумач — символ свободы. Кумач на всех улицах, он и в усадьбе Коцюбинских на Северянской.

Первые дни апреля 1917 года выдались на редкость солнечные и погожие.

Вдоль высоких кустов цветущей сирени, подмявших под себя ветхие плетни, жадно вдыхая сладкие ароматы, шел по Северянской невысокого роста бородатый человек.

Длинная, до колен, стеганка, высокие юфтевые, сапоги, малахай со свисающими до пояса ушами да изрядно потертый, не особенно отягчавший плечи хозяина вещевого мешок красно-речиво свидетельствовали, что человек этот прибыл не из ближних мест.

Миновав церковь Казанской богоматери, он, замедлив шаги, снял малахай. Впереди находилась усадьба, с которой у него было связано много светлых и радостных воспоминаний. А вон и крона высоко вымахнувшей ели. Путник во весь голос продекламировал чуточку измененный им пушкинский стих: «Неволью к этим милым берегам влечет меня неведомая сила».

И действительно, после длинной, утомительной дороги, прямо с вокзала, лишь ступив ногой на родную черниговскую землю, он поспешил к товарищам по революционной борьбе, а потом сразу же направился на Северянскую.

У невысоких, изрядно обветшавших ворот он накрыл голову экзотической шапкой. Толкнув рукой скрипучую калитку, не без внутреннего волнения вступил во двор знакомой усадьбы.

Вот под сенью высокой ели застекленная веранда со сдвинутыми к простенкам холщовыми шторами. Посреди веранды тоненькая девушка в красной косынке, согнувшись над деревянным корытом, поставленным на ножки опрокинутого табурета, занимается стиркой. Сквозь раскрытую дверь доносятся монотонные удары табурета об пол и мелодия «Варшавянки».

Глаза еще могли как-то обмануть нетерпеливого путника, а слух — слух никогда. Это был приятный, хорошо знакомый с юных лет голос, но не голос той, кем были заняты его мысли и чувства. Бородач порывисто взбежал по ступенькам крыльца.

— Здравствуй, Ира! — приветствовал он девушку.

Вспыхнув до корней волос, Ирина несколько секунд стояла

молча с мокрой блузкой в руках. Что за вид? Малахай, ватник, борода! Но глаза прежние — серо-зеленые, пронизывающие человека насквозь. И ноздри, раздувающиеся, как и прежде, при малейшем волнении!

— Виталий! — вскрикнула девушка, бросив в корыто блузку, ринулась обнимать мокрыми руками неожиданного гостя.

Глаза гостя, блуждая по сторонам, словно в поисках чего-то потерянного, становились все более грустными. Ирина поняла все.

— Оксана в Москве... в университете...

Виталий нахмурился. Снял с плеч мешок, в котором вез память о недавнем прошлом — арестантский халат и бескозырку, бросил на пол и, присев на него, прислонился спиной к стене веранды. Разочарованно спросил:

— В Москве, говоришь?

— Да, в Москве. Раздевайся. Долой эту страшную шапку. — Ирина сняла с него малахай. — Побегу скажу нашим...

Виталий осмотрелся вокруг. На подоконнике — горшки с цветами. А за окном, заслоня пышным шатром веранду, — величавая ель, ровесница Оксаны. Вспомнилась размолвка — единственная размолвка с ней. Единственная, но болезненная для молодого, неискушенного сердца. И чем мучительней была она, тем сладостнее показалось примирение, тем искренней стала ничем уже не омрачавшаяся дружба...

Даже теперь, спустя шесть лет, он стыдился той размолвки. И надо же было! Сколько юношей преклонялось пред ней! Сколько лучших душевных порывов, излитых в нежных стихах, посвятил ей юный поэт Василь Еланский — Блаkitный! Она же осталась верна ему, ему — отверженному «обществом», осужденному «законом», изгнанному навеки в самую что ни на есть сибирскую глушь...

Предшествуемая Ириной, успевшей сменить домашний халатик на маркизетовое платье, показалась сильно поседевшая, но по-прежнему бодрая, с высоко поднятой головой Вера Иустиновна.

— Здравствуй, здравствуй, Виталий! Добро пожаловать в наш дом! — встретила она поднявшегося ей навстречу гостя. — А борода! — всплеснула руками хозяйка дома. — Тебе же двадцать лет, и то, кажется, без двадцати недель. Срежь ее к дьяволу!

— Нет, Вера Иустиновна, сначала покажусь родителям вот так, с этим сибирским пейзажем. — Примаков, как это делал директор гимназии Еленевский, погладил бороду снизу вверх.

— Да, родители обрадуются. Особенно Варвара Николаевна. Исстрадалась, бедняжка!..

— У моих стариков есть еще Владимир, Борис, Григорий, Евгений...

— Это верно, а сердце матери больше всего болит за отсутствующих... Что ж мы стоим? — всполошилась хозяйка дома. — Ира, приготовь горячей воды гостю, соберай на стол.

Ирина ушла. Приученные с малых лет к послушанию, дети после смерти отца еще больше привязались к матери. Постепенно притупилась острота горя. Жизнь с ее властными требованиями повседневно диктовала свое. Вера Иустиновна вся отдалась заботам о детях.

— Ступай, Виталий, умойся. Небось ты голоден, как сибирский волк?

— Ничуть! Знаете, Вера Иустиновна, два года назад, когда нас везли туда, было одно... нам был доступен лишь кусочек мира... видимый через решетки. Зато от Канска до Чернигова нас встречали букетами цветов, речами, чувалами харчей. И не диво — большие города и крупные станции! А то самые глухие кутки, забытые богом и людьми полустанки — и те захвачены духом «Буревестника». Случилось то, о чем мечтали лучшие люди, мечтал Михайло Михайлович.

— Да, великие дни переживает страна, — глубоко вздохнула Коцюбинская, и крупные слезы покатались по ее бледному лицу. — Не дожил до них наш Михайло Михайлович.

— Нет, дожил! — горячо возразил Примаков. — Он живет в сердцах всех честных людей и вместе с нами радуется победе. Знаете, Вера Иустиновна, — после некоторого раздумья сказал Виталий, — я вспомнил слова Горького о нашем Михайле Михайловиче: «Трудно жилось ему: быть честным человеком на Руси очень дорого стоит».

...Следуя за Верой Иустиновной, Виталий прошел через полутемную прихожую в просторную комнату. Посреди нее, как и в прежние годы, стоял длинный стол. Когда-то здесь собирались многочисленные друзья Коцюбинских. Гостю казалось, что он лишь вчера расстался со знакомыми, милыми сердцу стенами, что не было страшных лет тюрьмы, жандармских допросов, ссылки...

В памяти Виталия возникла картина... Город в трауре. На руках тысячной толпы плывет утопающий в весенних цветах гроб... 12 апреля 1913 года... Молодежь, отгесняя полицию, пришла отдать последний долг человеку великой души, неутомимому сеятелю истины и добра. Ни одному усопшему губер-

натору не воздавались такие почести, как скромному статистику губернского земства Коцюбинскому. Многолюдная процессия проводила в последний путь пламенного художника слова. Этот путь пролегал от скромной усадьбы на Северянской до далекой Болдиной горы, где Михаил Михайлович любил отдыхать после работы в кабинете и где он обрел вечный покой после трудов своих на земле.

Виталий подошел к стене, на которой висели семейные фотографии.

— Юрий пишег? — спросил гость.

— Редко. В больших чинах ходит, — усмехнулась Вера Иустиновна. — Прапорщик. Где-то под Питером... А теперь ступай на кухню, ступай, так мы с тобой и до утра не наговоримся. Живей умывайся — и за стол!

...На заре, чуть свет, гость из Сибири, никого не потревожив, выскользнул из дому. Мимо буйно цветущих палисадников, мимо покосившихся плетней прошел по сонным улицам города. Выйдя на Любечскую, в этот ранний час совершенно пустынную дорогу, путник снял малахай, засунул его в вещевой мешок, заботливо наполненный Верой Иустиновной. Сорок пять верст — немалый конец! Обсаженный столетними вербами старинный шлях, еще со времен Владимира Мономаха связывавший Чернигов с некогда богатым и славным Любечем, извилистой лентой стлался по низине и напоминал Виталию исхоженный им сибирский тракт Долгий Мост — Абан.

Как и там, горизонт застился ширмой из густых хвойных лесов, зато вместо буйных зарослей шиповника и облепихи вдоль обочин с детства знакомой дороги тянулись кусты краснокорого раkitника.

Достав нож, выкованный шалаевским кузнецом, у которого ссыльный Виталий работал молотобойцем, он, пройдя деревянный мост через речушку Белоус, спустился вниз и скрылся в глухих зарослях ольшаника.

Вскоре Виталий, помахивая ольховой тростью, снова шагал по дороге, держа курс на село Рудна.

Солнце, появившееся из-за правого плеча, осветило далекие леса, перелески и вмиг превратило покрытые росой луга в сверкающие алмазные россыпи. Буравя голубую высь, зазвенели жаворонки.

Молодой человек шагал вперед все бодрей и бодрей. Преисполненный мечтами о будущем, он снова достал нож и, ловко орудуя им, вырезал на податливой коре трости вензель, а в нем одно лишь слово — «Свобода», очень много говорившее путнику.

Как быстрокрылые птицы, пролетят радостные недели, и по этой же дороге, весело напевая, будет шагать Оксана Коцюбинская вместе с сестрой Ириной и молодым супругом — членом Киевского комитета большевиков Примаковым. В Шуманах, где косовица в разгаре, на ниве, с острыми косами их будет ждать Марко Примаков, а в гостеприимной и шумной примаковской хате — Варвара Николаевна с ароматным украинским борщом и знаменитыми начесоченными пампушками.

Вторя жаворонкам, Виталий запел. Он теперь сам будет сочинять песни для Оксаны. Пусть и не классически отточенные, зато от всего сердца.

Ты видал ли, товарищ, в зеленом лесу
Мимолетную теней игру,
Как лучи золотые дробятся, скользят,
Золотя молодую траву?
Ты видал, как, весеннего счастья полны,
Улыбаются им и трава и цветы,
Как играют с цветами лучи,
Как целуют они лепестки?
Ты видал, как смеется от счастья душа,
Пробуждаясь лаской от долгого сна,
Как дрожит и боится за счастье свое,
Вся весеннего счастья полна?
Как сжимается вдруг от неласковых слов,
От чужого холодного взгляда?
И забыла уж их, и смеется уж вновь,
Даже слову холодному рада.

Вдыхая полной грудью живительный воздух, Виталий, после расставания с Сибирью, здесь, на родных придеснянских раздольях, впервые по-настоящему ощутил себя свободной, гордой, ничем не связанной птицей. Свобода!

Вот он у себя на родине, на Любечском шляху, каждый изгиб и поворот которого до сих пор хранится в его памяти. Хочет — шагает, хочет — садится на обочину. Желает — поет, желает — идет молча. Нет никого над ним — ни хмурого этапного конвоира, ни мордастого абанского урядника. И это привольно шагает по Любечскому шляху он, Виталий Примаков, приговоренный царским судом к вечной ссылке в Сибирь. Прошло лишь три года со дня ареста и два со дня суда — и царские судьи, да и сам грозный царь повержены в прах...

Картины недавнего прошлого, эпизоды тяжелой борьбы возникали в памяти Виталия, в девятнадцать лет познавшего то, что другой не познавал и к пятидесяти.

Еще у себя в Шуманах подросток Виталий, любитель гонять лошадей в ночное, на выпасах, у ночных костров от стариков шумановцев много узнал об угнетенном положении народа.

После смерти Михаила Михайловича оба друга, Юрий и Виталий, почувствовали себя самостоятельными людьми. Они по-настоящему включились в революционную борьбу. И это было естественно, так как они не могли стоять в стороне от того, что волновало всю передовую молодежь. В 1913 году Юрий, Виталий и другие гимназисты — Шафранович, Муринсон, Ишменецкий, Шильман *, Стецкий **, Шаевич создали революционный кружок, примкнувший через год к социал-демократам.

Началась война 1914 года. Черниговское революционное подполье, связанное с Петроградом и Киевом, широко развернуло пропаганду против нее. Жандармы арестовали гимназистов Туровского, Зюку ***, Бунина, когда те расклеивали антивоенные листовки.

Но семена, брошенные подпольщиками, дали всходы: черниговский гарнизон глухо бурлил. Жандармы, неистовствуя, схватили на улице Виталия Примакова. При обыске на квартире Муринсона, где жил Виталий, были найдены революционные листовки. И вот 14 февраля 1915 года черниговская социал-демократическая молодежь очутилась под стражей. Избежал ареста лишь Юрий Коцюбинский, заболевший тифом.

В мае всех арестованных — Виталия Примакова, Марка Темкина, Анюту Гольденберг — увезли в Киев, на суд.

Большая группа черниговской молодежи провожала арестованных в Киев и даже сумела пробраться в зал заседания суда. Была там и Варвара Николаевна.

Измученная Варвара Николаевна и страшилась за судьбу сына и в то же время гордилась им. Жандармы, пытаясь играть на ее материнских чувствах, предложили ей уговорить Виталия отречься от революционных убеждений, признать вину и принести публичное раскаяние. Обещали за это смягчить приговор. Юный Виталий, к радости матери и всех друзей, с презрением отверг гнусное предложение царских охранников.

А потом пошли одна за другой царские тюрьмы, которые Виталий прошел, закованный в одни кандалы со своим товарищем Темкиным ****. Голодовки, одиночки, карцеры, встречи со старыми революционерами еще больше закалили молодого

* Комиссар артдивизиона в червонном казачестве, потом секретарь Смоленского обкома партии.

** Впоследствии крупный работник ЦК ВКП(б).

*** Начальник артиллерии в червонном казачестве.

**** Ныне старый большевик М. М. Темкин живет в Москве.

социал-демократа, большевика. Тюрма не сломила его. Напротив, как и для многих молодых революционеров того грозного времени, она явилась лучшей школой жизни, университетом классовой борьбы.

Сибирь неласково встретила Виталия. Тяжелая работа у богатой чалдонки за угол и кусок хлеба, а затем у кузнеца в холодном помещении подорвали здоровье. Виталий заболел. После больницы абанские ссыльные нашли Примакову работу в волостном правлении. В Абане же с первыми известиями о свержении царя Виталий, возглавив группу товарищей, разоружил полицию.

...К вечеру вслед за пастухами, пригнавшими с выпаса стадо, усталый путник, никем не узнанный, вошел в Шуманы, направляясь на их северную окраину, где, отмеченный видным за десять километров и поныне сохранившимся высоченным оскорем, стоял не ожидавший его в этот час отчий дом.

7. „Колокол громного боя“

А потом был Киев. Затем придет черед многих исторических битв. Потому что имя Виталия Примакова неотделимо от подвигов червоного казачества. А с червоным казачеством связан ряд решающих сражений гражданской войны. Не зря Микола Скрипник писал: «С самого начала рабоче-крестьянской революции нет, вероятно, ни одного события, в котором на страницах истории борьбы за пролетарскую власть на Украине не было бы кровью бойцов написано имя червоного казачества».

Полтава, Киев, Новочеркасск, Москва, Унеча, Харьков, Александрия, Шепетовка, Горловка, Полтава, Чернигов, Кромы, Харьков, Перекоп, Проскуров, Тернополь, Стрый... Много, но не все. После этого будет служба в Ленинграде, Свердловске, Ростове, Москве и снова в Ленинграде. Завидный перечень, но и этим он не исчерпывается. Придет время, и страна пошлет выросшего в Черниговском Полесье прославленного своего полководца Виталия Примакова за рубеж, чтоб там достойно представлять ее интересы. Пекин... Кабул... Токио... Берлин...

Как-то в беседе с генералом Журавлевым, земляком Примакова, маршал Малиновский сказал: «Сейчас не сразу назовешь фамилию военного атташе в Афганистане. А тогда вся Красная Армия знала, что в Кабуле сидит наш Примаков!»

Вот как обстоит дело с географией. А история? История жизни Примакова, этого замечательнейшего сына украинского

народа, вписана золотыми буквами в блистательную книгу ленинских побед. Тремя орденами боевого Красного Знамени отметила страна высокие заслуги Примакова.

Но была у вожака червонных казаков еще одна награда — портсигар. Необычный портсигар из необычных фондов. Он хранил на себе факсимиле царя — «Николаша».

В своей автобиографии 14 февраля 1921 года Примаков писал: «За галицийский поход я получил золотой портсигар с надписью: «Бесстрашному рейдисту, командиру Червоноказачьего корпуса тов. Примакову на память о 13 рейдах от командарма Уборевича».

Надо отдать должное объективности знаменитого командарма. В историю героической борьбы советского народа и в науку советского оперативного искусства Виталий Примаков вошел как блестящий рейдист, как выдающийся военачальник, хорошо понимавший значение конницы в тех сложных условиях.

1918 год. Год гнева и мести, как назвал его Примаков. Первый рейд по застывшему руслу Днепра в тыл гайдамакам, Киев. 1919 — рейды на Деражню — Летичев и на Карловку — Селещино. Героический рейд на Фатеж — Поныри, который решил участь лучших деникинских полков под Орлом. Рейд на Льгов, рейд на Харьков. 1920 — рейд на Проскуров, а затем на Стрый, и последний рейд на Волочиск, который навсегда покончил с Петлюрой.

У многих есть такое представление: герой гражданской войны — это летящий на врага беззаветный рубака. Верно. Гражданская война знала много и беззаветных рубак. Трудно любой армии без отчаянных смельчаков, но еще труднее без тонких мыслителей. Ценность фильма «Чапаев» не в эффектно сделанной сцене психической атаки. Это здорово! Здорово и то, как Фурманов перевоспитывает, обращает в ленинскую веру строптивого начдива. Но особенно здорово то, что сказано всего лишь тремя словами: «Чапай думать будет!» Без думающих Чапаевых не было бы у нас Красной Армии и не было бы ее побед. Думать, мыслить учил наших полководцев Ленин, учил этому и его ближайший соратник Фрунзе.

Ленинская школа помогала советским полководцам разбираться не только в голых цифрах, но и в чувствах солдат, число которых ежедневно и дотошно подытоживалось в штабных реляциях и разведывательных сводках. Эта школа не только учила, но и требовала дерзать даже с десятью шансами против ста, но при обязательном учете всех возможных ходов и контрходов противника...

Готовясь к рефератам в гимназическом кружке красноре-

чия, Виталий заседал на классике древнего Рима. Свободно цитировал Овидия, Горация, Цицерона. Не забывал он наставлений древних мыслителей и когда руководил боевыми действиями червонных казаков. Ссылаясь на Катилину, он внушал своим командирам, что никакое убежище и никакой друг не защитят того, кто не обрел себе защиты в собственном оружии, и что в случае значительного перевеса в силах врага надо оставить ему победу, насквозь пропитанную кровью и слезами...

Примаков! Червонные казаки! Червонные казаки, которых народ любовно называл «червонцы». Счастье, что эту грозную, способную в порыве священного гнева сокрушить все на своем пути динамическую массу вели широко просвещенные большевики. Эта революционная и в то же время крепко эрудированная молодежь сдерживала обнаженные чувства и вырвавшиеся на волю необузданные инстинкты. Ей помогали пусть и небольшой пока опыт, рассудок, помогало детство, проведенное в тесном общении с горемыками многочисленных Выхвостовых, помогал почерпнутый из книг багаж.

Необузданные инстинкты были побеждены и потому, что, как отметил Ленин, рассудок крестьянина победил его предрассудок.

Гуманизм Толстого и Шевченко, призывы к добру Горького и Коцюбинского, коими жили Примаков и его ближайшие соратники, сделали свое доброе дело. Молодые вожак червонного казачества взвешивали не только то, что свершил враг, но и то, что было причиной свершения. Это и сохранило много человеческих жизней, берегло народную кровь. И оно же делало чудеса — вчерашние враги уходили вовсе от борьбы, другие поворачивали оружие против лжепророков, против курносых Мефистофелей, против вчерашних кумиров, против Петлюры, метко окрещенного его соратником Винниченко — «мелкобуржуазный клоун с гетманскими амбициями».

Во время Стрыйского рейда, в глубоком тылу у пилсудчиков, перед самым ударом на Стрый, на его окраинах по приказу Примакова был расстрелян один из самых боевых сотников. Может, в нашем командире вновь проснулся давно уж дремавший в нем Печенег? В тесном кругу он потом жалел Мозгового, но... он не мог поступить иначе. Замученное шляхтой население Галичины встречало червонных казаков как избавителей, как родных братьев, с хлебом-солью, с цветами. А тут среди бела дня насилуют девушку-сироту. Как человек Примаков жалел расстрелянного, но как командир... Даже не посчитался он с просьбами местных жителей, заступившихся за бесшабашного сотника.

Вожак червонных казаков старался избегать лишних жертв. Но если это вызывалось необходимостью... Он говорил: «Самый мягкий начальник обязан в известные минуты стать кремнем...» Война — это деяние, в котором не только лишь тяжким трудом, потом и кровью, но и смертью отстаивается жизнь. Ради этой жизни он не щадил и самого себя... И в этом была его сила. Как и сила многих советских полководцев, умевших не только направлять, но и вести людей в бой. Примаков высоко ценил меч. Меч, отстаивавший честь и волю народа. Но смотрел он на вещи шире. Не раз он говорил о том, что нам необходимо крепкое боевое братство, чтобы через него прийти к братству трудовому. Не война, не разрушение, не кровь, а труд, покорение природы, совершенствование жизни являются естественным состоянием социалистического общества.

Был Примаков против пролития лишней крови. Человеческую кровь надо щадить. В бою — свою, после боя — вражью. Есть незыблемые солдатские законы для всех веков и народов. Кто их нарушает, тот перестает быть солдатом и становится жалким шакалом.

И не все средства для достижения цели хороши. Особенно те, которые не считаются с излишними человеческими жертвами.

И в то же время Примаков — это не чувствительный дяденька, приверженец абстрактного добра. Воинствующий гуманист, он понимал, что для сбережения народной крови дозволено пустить кровь его заклятых врагов. И в то же время такой гуманист, который сплошь и рядом покорял петлюровские войска не только силой железа, но и силой ленинского слова.

Примаков — этот звучный «колокол громкого боя» — был вожаком масс, талантливым полководцем и незаурядным беллетристом. Об этом свидетельствуют его книги. Книги, в свое время тепло встреченные советским читателем.

Иные военачальники и полководцы пишут мемуары, дожив до глубокой старости. Многие небывшее становится бывшим и наоборот. Тут ничего не поделаешь. Память не алмаз, она с годами крошится. Примаков писал о бывшем сам, да еще по свежим следам. Недаром в одной беседе он сказал пророчески:

— Не спору. О нашем времени напишут блестящие повести и романы, фундаментальные классические тома. И верно то — если читатель захочет попасть в мир прекрасного, он потянется к классике. А если пожелает узнать правду тех дней, он будет искать мои книжонки. В тех томах будет сказано, как оно могло быть, а у меня — как оно было...

И пусть о нашей борьбе пишут все ее участники. Воин — защитник и истинный слуга народа — вершит историю штыком. Ученый воссоздает ее пером. А особенно ценны страницы истории, написанные рукой, которая хранит в себе жар ружейных стволов.

Хороши скрипки, настраивающие души на возвышенный лад. Чудесны грозовые разряды басового регистра фортепиано, вселяющие тревогу в сердца людей. Но славны и мощные раскаты гулко го турецкого барабана, зовущего массы на священный бой...

Записки Примакова «На Украине» очень ярко рисуют грандиозные события грозных лет гражданской войны.

8. Славное боевое гнездо

В 1962 году в Ленинградском доме офицеров встретились ветераны червонного казачества. Участник этой встречи командующий войсками округа Михаил Ильич Казаков сказал: «Я никогда не забуду, из какого гнезда я вылетел!»

Нужно глубоко уважать и крепко ценить ту боевую семью, которая тебя воспитала и закалила, чтобы на протяжении десятков лет хранить к ней сыновнюю любовь и теплое солдатское чувство.

А спустя три года генерал армии Казаков, начальник штаба войск Варшавского пакта, выпустил книгу «Над картами былых сражений». В ней он много теплых страниц посвятил червонному казачеству. Его питомцы умножили боевую славу старших товарищей. Не один только генерал армии Казаков... Маршалы Рыбалко, Худяков, Пересыпкин. Многие полководцы Великой Отечественной войны — генералы Горбатов, Жмаченко, Журавлев, Карпезо, Казачек, Манагаров, Мельник, Сланов, Гусев. В рядах 1-го конного корпуса червонного казачества рос и закалялся борец за Испанию «генерал Вальтер» — народный герой Польши Кароль Свирчевский.

Чья же это была идея — создать крепкое войско червонного казачества, этой «боевой голоты всея Украины», которая грудью встала против кулацких куреней петлюровского «вільного козацтва» — злейшего врага молодой Советской Украинской Республики?

Идея эта принадлежит мужественным большевикам Украины. И поручили они ее осуществить члену партии с 1914 года Виталию Марновичу Примакову.

А опыт, практика, знания? Тяжкие годы первой мировой

войны Примаков провел в тюрьмах и ссылке. Как и для всякого революционера, годы заключения стали для восприимчивого ко всему новому юного революционера годами напряженной учебы. Когда грянули первые раскаты февральской грозы, он уже хорошо усвоил самую мудрую науку — науку завоевания человеческих сердец.

«Нас заключили в Черниговский тюремный замок и передали дело военному прокурору. Четыре месяца мы сидели в одиночном заключении. Я много читал и занимался. Этому сидению я обязан основательным знанием истории, которую изучал с большой любовью» (из автобиографии Примакова).

Но до тюрьмы были еще подпольные революционные кружки, встречи с питерскими студентами-большевиками, приезжавшими на лето в родной Чернигов, редактирование листовок и воззваний к солдатам.

«Я с 1913 года считал себя с.д. — большевиком. Небольшая наша группа не поддавалась шовинистическому угару, охватившему учащихся. В ноябре 1914 года нам стали известны тезисы В. И. Ленина о войне. Все мы были горячими сторонниками Ленина. Мы начали выпускать революционные воззвания к солдатам и распространяли их среди войск черниговского гарнизона» (из автобиографии Примакова).

«Пахаря узнают по его первой борозде» — это слова Примакова. Добавим: революционера узнают по его первой стычке с врагом. В 1915 году в Киеве судили большую группу черниговцев-подпольщиков. Царские судьи, добиваясь легкой победы, через мать Примакова — Варвару Николаевну, обещали ему всевозможные побрякки за публичное отречение от революционных идей. Виталий, к радости его матери и всех друзей, с гневом ответил царским холоумам: «Да, мы распространяли листовки. Но не считаем себя виновными. Мы это ставим себе в честь и заслугу перед народом!»

Примаков, войдя в состав Киевского городского комитета партии, стал активным пропагандистом большевистских идей. Он много писал в «Голосе социал-демократа». Мечтал стать журналистом. Очевидно, сказалось многолетнее и прочное влияние Михаила Коцюбинского.

Долг гражданина свободной страны влечет Виталия к деятельности, долг партийца зовет к борьбе. Он тянется к перу, не подозревая того, что истинным его призванием явится казачий клинок. После гражданской войны Примаков напишет много статей и очерков, выпустит книги о пережитом. И все же в историю своего народа он войдет не как писатель, а как талантливый самородок — полководец.

В бурное лето 1917 года, прошедшее в острых столкновениях с меньшевиками, эсерами, анархистами, юному большевику весьма пригодились занятия в ученическом кружке красноречия. Пригодился и подготовленный им еще в 1911 году реферат «Речи Цицерона в защиту Республики».

В книге «Год борьбы» Евгения Бош, вспоминая те схватки с меньшевиками, пишет, что выступления Примакова производили впечатление разорвавшейся бомбы.

А Евгения Богдановна хорошо знала Примакова, встречалась с ним в большевистском подполье. Вместе с другими членами Советского правительства Украины она подписала постановление о создании червонных казачества. В 1918 году она редактировала газету червонных казаков «К оружию!», командовала отрядом Красной гвардии, подчиняясь Примакову. Первый полк червонных казаков носил имя этой выдающейся большевички.

Бош отмечает в своей книге, что по силе сокрушающей логики, убедительности доводов, едкой иронии речи пылкого Примакова считались шедевром ораторского искусства. Вот почему, когда во всей широте встал вопрос о завоевании солдатских масс, партия послала хорошо зарекомендовавшего себя пропагандиста рядовым в 13-й запасный полк.

Многие и сейчас помнят острые поединки между речистыми добродиями-самостийниками из Центральной рады и рассудительным ленинцем Примаковым. Радовцы соблазняли солдат нарядными жупанами, бульбовскими шароварами, пестрыми шльями гайдамацких папах и жирным казацким приварком. Примаков же рассказывал им о санкюлотах, голодных и разутых тружениках Франции, которые колотили сытых и хорошо вооруженных буржуа. Он говорил о Степане Разине, Устине Кармалюке. Призывая солдат под знамя Ленина, он им откровенно рисовал все лишения и трудности, которые ждали их на первых порах.

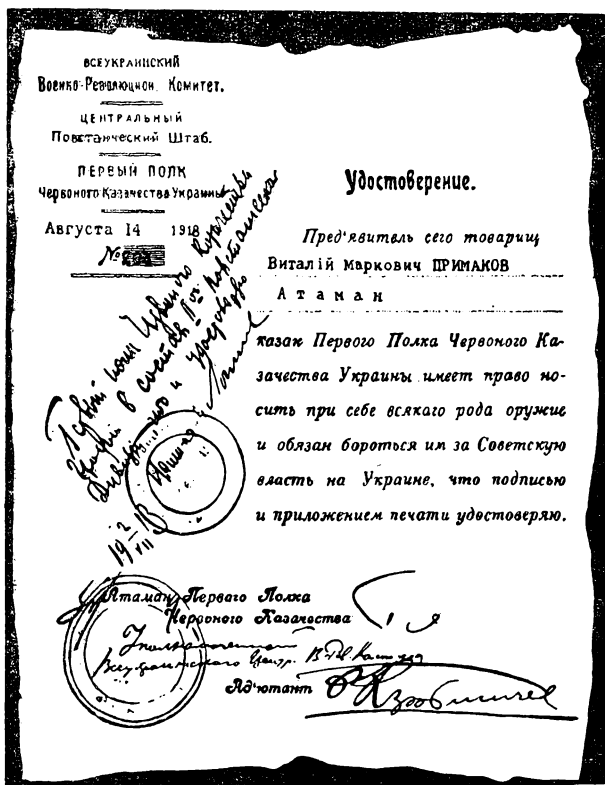
И солдатская масса, отвернувшись от опереточных жупанов Петлюры, проголосовала за ленинский путь. 13-й полк избрал солдата Примакова делегатом на II съезд Советов.

Посвятив себя целиком борьбе за народное счастье, делу партии, Примаков — делегат II съезда Советов, получает в те дни и настоящий боевой опыт. Участвует в штурме Зимнего дворца, а затем в боях на Пулковских высотах, во главе отряда речкинских паровозников, дает отпор одной из белоказачьих колонн генерала Краснова.

Яков Михайлович Свердлов после победы Октябрьской революции направляет Юрия Коцюбинского, Виталия Примакова

в Харьков. Здесь предстоит жестокая борьба. В гарнизоне имеются части, поддерживающие Центральную раду.

Большевики хорошо знали высказывание Энгельса о том, что наступят времена, когда «войско монарха превращается в народное войско». Выполняя задание партии, Примаков и пи-

Удостоверение В. М. Примакова, атамана 1-го полка червоного казачества Украины.

сатель Иван Кулик, опираясь на сознательную часть солдат, поднимают восстание во 2-м запасном петлюровском полку. Из бывших бойцов Центральной рады и харьковских рабочих Примаков создаст боевой отряд, впоследствии выросший в Первый конный корпус червоного казачества.

«В апреле 1917 года я вернулся в Чернигов. Жил дома на

хуторе до июня, после чего переехал в Киев и занимался партийной работой, участвуя в работе Киевского комитета большевиков в качестве его члена и в издании газеты «Голос социал-демократа».

...В октябре я прибыл на II Всероссийский съезд Советов, принял участие в работе съезда, в боях на Пулковом поле под Гатчиной.

Съездом Советов я был избран во Всероссийский ЦИК...

В Харьков прибыл в декабре 1917 года. По распоряжению украинского правительства я разоружил в Харькове 2-й украинский запасный полк петлюровской ориентации, которым командовал атаман Волох. И вместо него в противовес «вільному козацтву» организовал полк червоного казачества України» (из автобиографии Примакова).

В своей работе по созданию боевых сотен, полков и бригад червоного казачества Примаков опирался на крепкую большевистскую организацию. Ее монолитное ядро составляли коммунисты-черниговцы: Евгений Петровский, Семен Туровский, Михаил Зюка, Евгений Журавлев, Александр Кушаков, Александр Зубок, Данило Самусь, Александр Смоляров, Савва Иванина, Роман Гурин, Федор Святогор.

Обращаясь к своим товарищам, Примаков говорил: «Пахаря узнают по его первой борозде, война — по первому бою. Репутация полка создается в начальном решительном столкновении. Нелегко завоевать добрую славу в первом бою, а еще труднее — после первого поражения. Я верю в успех, верю в боевую отвагу наших товарищей. Верю — червоное казачество будет тяжким молотом по отношению к кулацким куреням Центральной рады и неодолимым магнитом для одураченных Петлюрой тружеников».

Первое боевое крещение червоные казаки получили 6 января 1918 года под Полтавой. Вместе с харьковскими красногвардейцами и полтавскими рабочими-железнодорожниками они разбили гайдамацкие отряды «вольного казачества».

Много замаскировавшихся петлюровцев оставалось в городе, и на его улицах не сразу установился должный порядок. С юных лет помня, с каким уважением произносилось в доме Коцюбинских имя Короленко, Виталий сразу же после освобождения Полтавы выделил специальный пост для охраны дома писателя.

Из Полтавы третий примаковский курень (батальон) движется на Кременчуг. Второй курень остается в городе для несения гарнизонной службы. Первый, сев на захваченных

гайдамацких коней, получил задачу идти вместе с другими отрядами Муравьева на Киев.

Крупные силы «вольного казачества» были разбиты под Кругами, но в Киеве жовтоблакитники прочно оседлали днепровские переправы.

«Мать русских городов» — овою столицу и главный политический опорный пункт самостийники отстаивали лучшими боевыми единицами. Сюда входили гайдамацкий кош Слободской Украины, казачий имени Богдана Хмельницкого полк во главе с сотником Путником-Гребенюком, Запорожский отряд полковника Загородского, ныне гражданина США, полк имени Дорошенка, конный полк Петрова, курень атамана Болбачана, шестнадцать куреней «вольного казачества», созданных в Киеве инженером Михаилом Ковенко. Резиденцию Центральной рады по Владимирской улице прикрывала сотня галицийских сечевых стрельцов сотника Чмолы.

В те дни, сломив на глазах Петлюры героическое сопротивление арсенальцев, больше всех проявил себя атаман «запорожцев» Волох. Это он возглавлял в Харькове второй украинский полк, один из батальонов которого вместе с харьковскими рабочими послужил костяком первому полку червонных казаков. А потом... это он, атаман Волох, изверившись в петлюровщине, осенью 1919 года привел своих «запорожцев» под советские знамена...

Несколько попыток форсировать Днепр, предпринятых командующим Киевской группой советских войск Муравьевым, не дали результата. Вскоре вместо Муравьева главнокомом был назначен Юрий Коцюбинский. Вот тогда Примаков предложил смелый по дерзости план действий, давший блестящие результаты.

Ночью Примаков повел отряд конников в тыл гайдамакам. Днепр не совсем еще застыл, и несколько кавалеристов с лошадьми пошли под лед. Выбрался отряд на берег у Пушча-Водицы. Отсюда червонные казаки двинулись на Куреневку и Подол, где к ним присоединились отступившие из города рабочие-красногвардейцы. С рассветом Примаков нагрянул на тылы гайдамаков, оборонявших переправы через Днепр. А удар красногвардейцев со стороны Дарницы довершил разгром жовтоблакитников, бежавших вместе с Центральной радой из Киева.

В украинской толще червонноказачьих полков можно было встретить бойцов всех народов нашей страны, включая и курдов. Сохранилась с тех времен и одна басенка. Ведет Примаков свое войско мимо Богдана. А бронзовый всадник

говорит: «Виталий, что за чудеса? У моих казаков были лбы чубатые, а у твоих носы горбатые?» Вожак червонных казаков, бросив веселый взгляд на курдов, отвечает с задором: «Пан гетьман! Вот эти носы горбатые только что захватили аэродром на Сырце, а тут, в другом конце Владимирской, мои лбы чубатые добивают Центральную раду...»

Главком Юрий Коцюбинский, докладывая тогда Советскому правительству Украины о ходе боев за столицу, сообщал, что идет штурм Печерска и что отряды червонного казачества действуют великолепно, не отставая от более старых боевых товарищей.

Лишь тот труженик пера может рассчитывать на большой успех у читателя и прочно входит в литературу, кто сумел путем долгих поисков или же в силу дарованного ему таланта выработать свой, не похожий на другие, почерк. Лишь тот полководец может рассчитывать на успех и всеобщее признание, кто, избегая шаблонов, поражает врага оригинальностью и дерзостью своих решений, кто, впитав в себя колоссальный опыт истории, вносит в него и свое искусство, отличающееся от искусства других своим особым, ярким почерком.

Дерзкие рейды по тылам врага и определили боевой почерк крупного кавалерийского начальника Виталия Примакова. Удар, нанесенный гайдамакам в Киеве с тыла, — лучшее свидетельство этого особого почерка Примакова.

Необычная операция молодого красного конника произвела сильное впечатление и на его врагов. Спустя семнадцать лет, в 1935 году, участник тех боев галичанин-петлюровец Зенон Стефанив напишет, что червонные казаки Примакова, переправившись через Днепр, оказали помощь большевистским повстанцам на Подоле.

Бои и организационные хлопоты отнимают много времени у молодого конника. Он знает, чего от него требует партия. Он изучает рейды американской кавалерии во время гражданской войны Севера против Юга, увлекается описаниями походов Богдана Хмельницкого, партизанских налетов Платова, Дениса Давыдова, изматывавших наполеоновские войска...

Весной 1918 года, в тяжкие дни Бреста, украинские националисты, растоптав узы дружбы русских и украинских тружеников, продались немецкому кайзеру Вильгельму. Полчища хорошо организованных, но изголодавшихся австро-германцев — полмиллиона солдат, мечтая о богатых запасах хлеба, сала, сахара, обещанных им Центральной радой, ринулись на восток. Так началась кровавая интервенция германского им-

периализма на Украине. Молодые, неокрепшие еще советские полки, отстаивая каждую пядь земли, отступали, оставляли наглым захватчикам родные просторы, «насквозь пропитанные своей и вражеской кровью».

И тогда с новой силой вспыхнула на юге молодой Советской республики гражданская война, развязанная в конце 1917 года Центральной радой.

Трудовая Украина, уступая неравной силе, не сдавалась без боя. Она отчаянно сопротивлялась, создавая в пылу сражений и огне боев свои вооруженные силы, выдвигая из низов боевых вожаков. В те дни народ узнал имена Юрия Коцюбинского, Крапивянского, Якира, Дубового, Пархоменко, Киквидзе, Азина.

Тогда трудящиеся Украины совместно с революционно настроенными полками старых фронтов — Юго-Западного и румынского, делали невероятные усилия, чтоб создать заслон на пути интервентов. Наспех сколоченные пять небольших армий сдерживали натиск австро-германских полчищ и их союзников — войск Центральной рады на фронте от Гомеля до Черного моря.

В боях на центральном направлении того фронта особо проявило себя червонное казачество — первая регулярная часть будущей Красной Армии Советской Украины.

Юный Примаков, чрезвычайный комиссар Киева по борьбе с контрреволюцией, под натиском немецких оккупантов, которым путь к Киеву прокладывали недобитые гайдамаки Петлюры и Винниченко, отходил со своим небольшим отрядом к Бахмачу. Здесь вместе с боевыми силами Киквидзе и Евгении Бош, возглавив оборону Бахмачского узла, Примаков несколько дней сдерживал натиск немецких колонн, обеспечив тем эвакуацию беженцев и ценных грузов.

Затем шли бои под Харьковом, в Донбассе, на Дону, бои с петлюровцами, немцами, белоказаками. Дни тяжких испытаний кое-кому оказались не под силу. Немало отрядов распалось, многие пали духом. Но червонные казаки, сцементированные боевым ядром коммунистов, закалялись с каждым днем, с каждым боем, вырастая в грозную силу, на которую могло опереться эвакуировавшееся в Таганрог первое Советское правительство Украины.

Недаром спустя много лет Главнокомандующий Украины Антонов-Овсеенко, приветствуя червонных казаков с их юбилеем, напишет: «Тяжка, неравна была борьба наших красных отрядов с немецкими корпусами. Вы честно, доблестно держались в этой борьбе, товарищи червонные казаки! Вы продол-

жали эту борьбу и тогда, когда многие в унынии сложили оружие...»

Путь червонных казаков — это путь тяжелой борьбы и славных побед. Конники Примакова, не всегда сытые, не всегда обутые, но неизменно преисполненные большевистского боевого порыва, сплошь и рядом добивались своего. Почему? Чувство уныния и им было чуждо. Множество дерзких рейдов, ликвидируя штабы, войска, транспорты, связь в тылах петлюровцев, деникинцев, белополяков, совершат на протяжении всей гражданской войны червонные казаки под блестящим руководством своего выдающегося вожака Виталия Примакова — практика и теоретика конных рейдов.

Армейский поэт Николай Кудрявцев в газете «Красная Армия» так воспевал подвиги червонных казаков:

Лавам нет преграды.
Гнется злобный враг,
В бой ведет бригады
Удалой Примак.
В свисте звонкой стали
Мчались на врагов.
Пиками писали
Летопись веков...

9. Первая сабля Советской Украины

Трудно вести борьбу сегодня, не зная, что было вчера. И трудовой народ Украины и его жестокий враг — петлюровцы знали, что во вспыхнувшем не на живот, а на смерть единоборстве победит тот, кто по примеру отцов выпустит на широкие просторы Украины крупные силы боевой конницы.

И вот в преддверии той кровавой схватки, длившейся полных три года, оба лагеря приступили к созданию своей кавалерии.

Центральная рада, опираясь на иноземную помощь, создала «вольное казачество», а ЦИК Украины, заключив военный союз с братской Россией, в первый же день своей жизни, 25 декабря 1917 года, принял решение о создании вооруженной силы народа. Первый полк червонного казачества во главе с красным атаманом Примаковым появился в Харькове 27 декабря 1917 года.

Газета «Вісник Української Народної Республіки» в своем пятом номере от 10 января 1918 года сообщала: «Вместо Второго украинского запасного полка спешно формируется

Первый украинский полк червоного казачества, верный Рабоче-Крестьянской республике».

А до этого, 16—17 октября 1917 года, в Чигирине состоялся всеукраинский съезд «вольного казачества». 200 делегатов представляли 60 тысяч зарегистрированных казаков Киевщины, Полтавщины, Черниговщины, Екатеринославщины, Херсонщины, Кубани. Выбранная на съезде Генеральная рада, во главе со Скоропадским, избрала своей резиденцией Белую Церковь.

И все же немеркнувшей славой в историю Украины 1917—1920 годов вошли не конные гайдамацкие сотни «вольных казаков» Петлюры, а кавалерия трудового народа Украины — ее грозные полки червоного казачества.

Тысячи его отважных клинков, отстаивая честь и независимость родной земли, звенели над степями Слобожанщины и в предгорьях Карпат. А в той героической неповторимой партитуре основную партию вела не знавшая поражений всепобеждающая сабля верного сына украинского народа, стойкого большевика Виталия Примакова.

Да! Первая сабля Советской Украины была саблей Примакова!

Слава о сокрушительных рейдах червоных казаков по тылам петлюровцев, деникинцев, пилсудчиков гремела не только в пределах нашей страны. Однажды, это было в 1925 году, бинбаши (майор) Рифки-бей, учитель разговорного турецкого языка Военной академии имени Фрунзе, впоследствии депутат меджлиса от Трапезунда, сказал мне:

— Вот тут, в Москве, нашего Фахреддин-пашу называют «турецким Буденным». А ведь он совершал свои набеги на греков и рейды по их тылам и по науке другого вашего паши, очень талантливого сювари (кавалериста).

— Кого это? — поинтересовался я.

— Как кого? Примакова-паша! — внушительно произнес турецкий майор.

Я подумал тогда: как мог турецкий бинбаши, недавно воевавший за независимость родины под знаменами Кемаль-паша, узнать о боевых действиях украинской конницы? А вопрос решался просто. В ставке Кемалья о блестящих рейдах красной кавалерии рассказывал М. В. Фрунзе, ездивший с миссией доброй воли в Турцию в 1921 году, в самый разгар борьбы турецких патриотов за свою отчизну. В его свите были люди, хорошо знавшие историю всех четырнадцати примаковских рейдов.

Фахреддин-паша — «турецкий Буденный», — забираясь в ты-

лы греческой армии со своими сювари, повторял смелые операции «Примакова-паши». Этим он помог турецким пияде (пехоте) окружить под Джумлупынаром армию интервентов и захватить в плен их главкома, греческого генерала Трикуписа — праотца нынешних черных полковников.

С Виталием Марковичем Примаковым, «железным рыцарем», как называли его в своих песнях слепые лирники Украины, пришлось мне общаться и во время гражданской войны и довольно часто после нее. Раскрывая в беседах с нами революционное прошлое, он умел овладевать всеобщим вниманием.

К сожалению, не все услышанное от Примакова и от его школьных товарищей, не все из прежних записей и не все, чему был свидетелем я в годы гражданской войны и после нее, вошло в эту хроникку.

— Вспоминаю своего батька, — говорил как-то Примаков, — он был народный учитель. Беззаветный труженик. Мечтал и из меня сделать педагога. Не то что мать. Она гордилась мной — бунтарем. В юности, в грозную эпоху «Буревестника», крепкой опорой были друзья-подпольщики, но в борьбе я всегда чувствовал любящее сердце матери. А отец? Отец был благородный человек, но уж очень боялся потерять то, чего достиг с величайшим трудом... В одном был прав батько: я из обыкновенных самый обыкновенный.

Примаков тут же рассказал об одной беседе между его родителями. Варвара Николаевна, мать Виталия Марковича, заговорила однажды с мужем о старшем сыне:

— Мне почему-то кажется, что наш Виталий особенный.

— Любой матери кажется, что ее дитя гений, — сердито ответил отец. — Забыла, в какое время живем? Из особенных выходят или те, кто вешает, или те, кого вешают. Выбрось это из головы и ему не засорять мозги. Напротив, внушай сыну, что он из обыкновенных самый обыкновенный. Надо думать об одном: как бы поставить детей на ноги. И тихо дожить век в Шуманах. Кончит Виталий учение, а там — на ниву просвещения. Чем плохо для внука мужика?

Но внук мужика не стал учителем в Шуманах. В решающие дни борьбы за новую жизнь партия, впитавшая в себя из народа самое преданное, самое талантливое, самое передовое, поставила двадцатилетнего Виталия Примакова во главе боевой конницы Советской Украины.

Нелегким, тернистым был его путь. Отчетливо рисуются картины беспокойной юности с его слов и со слов тех, кто близко знал этого замечательного человека. Часто вспоминал

он тихую усадьбу на тенистой Северянской улице Чернигова, ставшую его вторым домом. Хозяин этой усадьбы много внимания уделял своеобразному пареньку из глухой деревушки Шуманы.

Обостренное чутье художника среди множества людей находит единицы — наиболее интересные и яркие натуры. Писатель, знаток душ, видит невидимое...

Своеравный мальчик, явившийся в Чернигов из глухого села, заинтересовал Михаила Михайловича многими качествами: пытливым умом, пристрастием к чтению, настойчивостью, чувством собственного достоинства и при всем этом еще задирстым нравом. Не предугадывал ли Коцюбинский, наблюдая за Виталием, насыщенный драматизмом его героический жизненный путь?

...Немцы, на сей раз под петлюровским флагом, заняли всю Украину, но народа ее не покорили. Буржуазия, помещики и кулаки приветствовали оккупантов, а народ с первых же дней начал готовиться к кровавой борьбе с захватчиками и их прихвостнями. В городах и на железных дорогах ширились стачки рабочих. Росло сопротивление в селах. Против оккупантов и их пособников — буржуазных националистов — стала подыматься и лучшая часть украинской трудовой интеллигенции. Разгоралось повстанческое движение.

Под руководством ЦК КП(б)У и ЦК РКП(б) создавались партизанские отряды на оккупированной территории. Тысячи труженников Украины уходили в нейтральную зону и здесь, пользуясь поддержкой Ленина, поддержкой русских братьев, накапливали силы для решающей схватки.

Во главе повстанческих отрядов — вооруженной силы клокотавшей Украины — стали большевики Ю. Коцюбинский, В. Затонский, А. Бубнов, В. Примаков, Н. Крапивянский, Н. Щорс, В. Боженко.

В нейтральной зоне, на этой узкой полосе земли, отделявшей советскую территорию от районов, захваченных немецкими оккупантами, на помощь Примакову пришли черниговские друзья по революционному подполью — Семен Туровский, Михаил Зюка, Ахий Шильман. Жена Примакова, Оксана Коцюбинская, перевязывает раны червонным казакам, читает им газеты и, выполняя задания повстанческого штаба, везет партийные директивы на оккупированную Украину.

В Шуманах немцы и гетманцы крепко притесняли родителей Примакова. Отца Виталия, Марка Григорьевича, который

мечтал тихо дожить век в Шуманах, жестоко выпороли. Распространяли слухи, что Виталий Примаков командует не воинским отрядом, а бандой грабителей. Варвара Николаевна не верила этой клевете и, как могла, разубеждала людей. Попросив паспорт у учительницы соседнего села Хорошиловой, она с большим трудом пробирается в нейтральную зону.

Здесь, в партизанском лагере, мать напомнила сыну о своем давнем разговоре с Марком Григорьевичем. Она знала, через какие трудности шел ее муж, сын мужика, к учительству. Понимала, как он ценил достигнутое. Понимала, почему он, не желая замечать особенностей сына, мечтал увидеть и его в кудем учительском видмундирчике. А разве ее Виталий не педагог, не учит народ? Только муж своими уроками ведет людей к свету и знаниям, а Виталий ради этого света и этих знаний горячим ленинским словом зовет их к священной борьбе. Что ни день, то митинг!

Тяжело ныло сердце и за мужа, истерзанного плетью оккупантов и гайдамаков в отместку за Виталия. Но она одобряла путь, избранный сыном. И что там домашние борщи, шумановские пампушки в чесночном соку, которые она готовила для Виталия и его боевых товарищей! Теперь Варвара Николаевна, многосемейная мать, уважаемая учительша из Шуманов, сама включилась в борьбу.

Волнующие рассказы матери партизанского командира о народных страданиях, об издевательствах иноземцев и «хлеборобов-собственников», помещиков и кулаков, еще больше закаляла волю бойцов червонного казачества к борьбе.

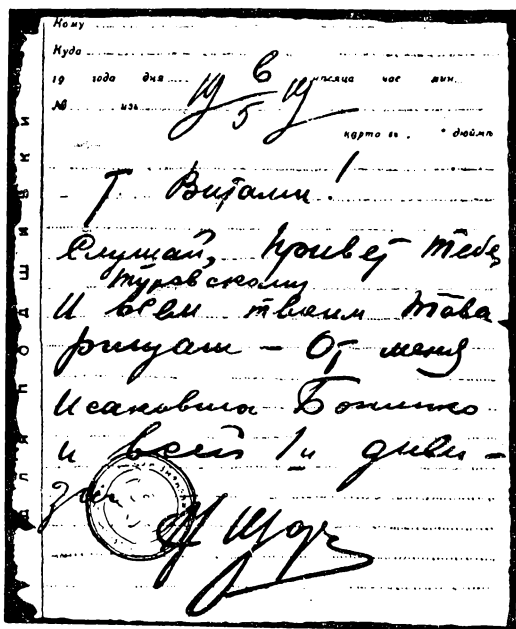
Пройдет двенадцать лет, и Варвара Николаевна, осуществляя то, за что боролся ее старший сын с царскими судьями в здании киевских присутственных мест, с оккупантами в лесах нейтральной зоны, с деникинцами под Орлом, возглавит в Шуманах борьбу за создание первого колхоза. Народ единодушно назовет его славным именем «Червонный казак».

В декабре 1918 года червонные казаки, действуя совместно со 2-й Украинской Советской повстанческой дивизией, под командованием Примакова, освобождают Харьков, Полтаву, Кременчуг, а весной 1919 года совершают знаменитые рейды на Старо-Константинов, Изяслав, Острог.

Радостная пора триумфального шествия молодой Красной Армии. Свободно вздохнув после немецко-гетманского ига, население встречало освободителей хлебом-солью, красными флагами, колокольным звоном. Как седой Днепр питается бегущими к нему водами Полесья, Слобожанщины, Южнотепья, Таврии, так и закаленный в боях отряд примаков-

ской конницы и полки бесстрашного Щорса на длинном пути от Унечи до Изяслава впитали в себя множество вольных сынов Украины, выросших на берегах Ворсклы, Сулы, Псла, Тетерева, Случа, Горыни.

И сейчас в Великих Крынках, за рекой Псел, которую весной 1919 года пересекал со своими боевыми сотнями Виталий Примаков, рассказывают молодежи о доблести червон-

Записка Н. Щорса В. Примакову. 1919 год.

ного казачества его ветераны — братья Филипп Данилович и Антон Данилович Пархоменко.

Эти славные советские воины всю гражданскую войну сражались в рядах 2-го полка, возглавлявшегося сельским кузнецом Пантелеймоном Романовичем Потапенко.

Тогда, в начале 1919 года, всего лишь один полк червонных казаков насчитывал в своих рядах более двух тысяч отчаянных рубак, до мозга костей преданных делу Ленина и люто ненавидевших своих злейших врагов — оккупантов и их прислужников.

Вот эту грозную, неудержимую силу мне довелось увидеть впервые в родных местах...

Январь 1919 года. Наш партизанский отряд вместе с 8-м повстанческим полком вошел в Кобеляки, с боем выгнав из них кармелюцкий полк Петлюры. Командир отряда Василий Антонович Упырь дает мне задание отвезти в Бутенки пакет командира 8-го полка Ахметьева командиру 7-го Суджанского полка Шмидту.

Выехав на санях после обеда, я уже в сумерках попал в штаб 7-го полка. Занимал он каменный дом скупщика зерна Савенко. В просторном зале разместились и командование, и сотрудники штаба, и узел связи с посыльными и ординарцами. Несколько месяцев назад я видел неразбериху в первых красных боевых отрядах, напоминавших своими шумными теплушками на железнодорожных путях цыганский табор. А теперь меня поразили четкий порядок и дисциплина молодой регулярной советской части.

В ее командире, хотя он для солидности отрастил бороду, я сразу узнал того человека, с которым летом столкнулся в Полтаве у Юрия Коцюбинского, «товарища Степана», на подпольной явке по Куракинской улице. Вход туда открывал пароль: «Продается ли у вас семиструнная гитара?»

Широко раскрытыми глазами смотрел я, как пожилые дядьки-красноармейцы, получая от своего комполка задания или же отдавая рапорты, стояли перед ним навытяжку. Настоящая армия! В нашем партизанском отряде этого еще не было...

Идя в родной дом после длительной разлуки с матерью, я восхищенно глядел на старательных телефонистов, опутывавших сельские дворы густой паутиной полевой связи. Не хуже, чем было у недавно покинувших эти места пруссаков...

И, шагая в своих худых ботинках по свежевывапавшему снегу, я думал: ведь в тех «цыганских таборах», заполнявших шумные теплушки, и зрел зародыш вновь воскресших большевистских полков. А теперь думаю: в том первом регулярном советском полку, увиденном мною в январе 1919 года, и зрела та грозная сила, которая четверть века спустя разгромила созданную прусской военщиной и возглавленную Гитлером могущественнейшую армию.

О встрече с матерью распространяться не буду. Лишь с приходом полка Шмидта она впервые отважилась спать дома. Рано утром мы оба уже были на ногах. Пожалуй, мать поднялась раньше меня. Поднялась и сразу же засуетились

у печи ее натруженные, искривленные нелегкой работой руки. И тут с улицы донеслась боевая песнь. С гармошками, бубнами, с лихими присвистами. Я выглянул в окно. Вдоль аллеи вековых тополей, направляясь к вокзальной площади, шла конница. Естественно, меня потянуло наружу. И то, что пришлось тогда увидеть, долго оставалось в моей памяти.

Видел я под теми же тополями страшные полки баварских кирасир. Грозные, могучие, но оболваненные муштрой вояки-автоматы. А эти — во всей первоизданной силе, полные живого порыва, шли под боевыми знаменами вольные дети расправившего плечи народа... На сильных, с заиндедевскими храпами конях, с полной выкладкой вьюков, немного пестровато одетые, но все в смушковых, с красными верхами, лихо сдвинутых набекрень папахах. Лампасы, без конца и края лампасы. И алые ленты в гривах, челках. Ленты, ленты, ленты... То шел недавно уже показавший себя в боях за Харьков, Люботин и Полтаву полк червонных казаков. Во главе с очень юным, как мне показалось, атаманом.

Миновав вокзал, конница проследовала дальше к кобелякскому переезду, а потом прямо на запад к Козельщине — Кременчугу. Вслед за конницей и я направился к переезду, а оттуда на север, в свой отряд. Наши пути разошлись. Ошеломленный недавним зрелищем, я не мог предполагать, что вскоре судьба снова сведет меня с этими всадниками, и теперь уж на долгие годы.

После того военная ситуация бросила червонных казаков к самой границе, к Шепетовке — Изяславу. Меня партия послала в шахтерскую дивизию к Старому Осколу, чтобы вместе с ней пройти тяжкий путь отступления к Ельцу и триумфальный марш к Перекопу, а там снова встретиться с героической дивизией червонных казаков и войти в ее славную семью.

Ну, а горемычная моя мать, с помощью добрых людей избежавшая мести махновцев, денкинцев, петлюровцев, не сумела спастись от хищной руки фашистов.

Не сберегли своей мы мамы,
Ее, старушку, не сберег
И старый бог ее упрямый,
Тот древний и бездушный бог...
Никто могилы не разыщет...
И оттого мне свет не мил.
По всей земле их сотни, тыщи,
Безвестных и святых могил!

Первая Украинская Советская повстанческая дивизия Локотца, которого вскоре заменит Щорс, гонит петлюровцев и

галицийских стрелцов к Шепетовке, вторая дивизия Барабаша сдерживает натиск врага у Проскурова. А червонные казаки вместе с конным полком Гребенки громят тылы жовто-блакитников.

В этом героическом рейде, выйдя к Старо-Константинову, червонные казаки у берегов Кузьминского озера столкнулись на марше с мощной Херсонской дивизией противника. Полк Гребенки где-то отстал. Но дорогá каждая минута, и Примаков, не дождавшись подмоги, атакует петлюровцев. На льду Кузьминского озера осталось множество изрубленных гайдамаков. В их числе доктор Луценко, командир Херсонской дивизии, личный друг Петлюры, член Генеральной рады «вольного казачества», сменивший клистирную кишку на булаву воеводы.

Наряду со старыми бойцами хорошо показали себя спартаковцы, бывшие солдаты Вильгельма, мадьяры и чехи, еще недавно воины «цисаря» Франца-Иосифа — всадники интернациональной сотни червонного казачества под командованием Маркутана и его комиссара венгра Вераша.

10. Героические рейды червонцев

В мае 1919 года обстановка на фронтах усложнилась. Измена Махно и восстание бывшего атамана Григорьева, командира 6-й советской дивизии, сыграли на руку генералу Деникину. Белогвардейцы захватили Донбасс. Ленин потребовал переброски войск с западной границы против нового, наиболее опасного врага. И вот червонные казаки из-под Шепетовки через Киев стремятся к Гришину, а главному Украины Антонов-Овсеенко шлет депешу в Москву: «Мы отправили против Деникина свою лучшую боевую единицу — полк червонных казаков Примакова».

В первых же боях с конницей Шкуро червонные казаки оправдали высокую оценку, данную им главноком Украины.

Большевик Примаков не был из тех командиров, которые живут правилом: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Не благоденствовал в ожидании приказов свыше. Не благоденствовал в то время, когда враг нажимал на боевого соседа. Командуя полком, он, большевик ленинской школы, болел за весь фронт. Как настоящий коммунист, он чувствовал себя в ответе не только за то, что происходит на его участке, но и за то, что делается на участке соседа и на позициях всей армии. Это, помимо личной отваги и мастерства непревзой-

денного рейдиста, и выдвинуло молодого, двадцатилетнего конника Примакова в ряд самых блестящих военачальников ленинской эпохи.

Такова уж была его незаурядная натура — он смотрел на мир глазами державного мужа, настоящего коммуниста. И тогда, когда он носил высшие знаки различия — четыре ромба, и тогда, когда он, командуя всего лишь полком, не имел вовсе никаких внешних признаков воинской власти.

В архивах сохранился очень ценный и любопытный документ. Это докладная записка командира червонноказачьего полка В. Примакова от 5 июля 1919 года. Полная жгучей тревоги за судьбу революции и страны, она адресована Совету Обороны Республики в самое критическое для Красной Армии время. Двумя днями раньше, после захвата Царицына и Харькова, Деникин отдал свою знаменитую «московскую директиву». Днем раньше главком Вацетис был заменен Каменевым. В те же дни было опубликовано письмо ЦК ВКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!».

Примаков писал Совету Обороны:

«Наступление белогвардейцев и паническое отступление наших войск, терроризированных частыми ударами во фланг и в тыл, измена генштабистов, растерянность младшего командного состава, не имеющего возможности предупредить измену, создали на фронте катастрофическое положение...

В войсках есть вера в победу, но она как-то пассивна, нег нужного порыва. Я должен, однако, отметить, что в добровольческих частях заметен подъем и инициатива. Добровольцы * одни задерживают наступление.

...Нужно сосредоточить в тылу, верстах в ста от фронта, свежие и непотрепанные войска, хотя бы силою в две дивизии пехоты и дивизию кавалерии **. С этими силами начать наступление. Наступление ударным кулаком безусловно будет успешным, так как казаки *** сильно распылили свои силы и крестьянство против них. Первая же победа увлечет в наступление и все остальные части...

...Лишь при таком командующем (Барабаш) и при частях, привыкших к маневрам и к полевой войне, не боящихся окружения, можно победить.

Нужно также принять экстренные меры к генеральной чистке наших штабов... Нужно упразднить штабы участков и групп. Вместо них создать штабы бригад, дивизий, корпусов.

* Советские полки, укомплектованные добровольцами.

** В то время дивизия состояла из 10—11 подков.

*** Донские и кубанские казаки Деникина.

Это сократит расход людей и денег и приблизит штабы к массам...»

Изумляет политическая и оперативная дальноркость двадцатидвухлетнего командира полка. Его аналитический ум в сложной фронтовой обстановке, в которой он сам является не сторонним наблюдателем, а активно действующим лицом, трезво оценивает следствия и находит их причины. Да, мы отступаем вовсю, а враг срывает одну победу за другой. Но Примакова, тонкого диалектика, не оглушают наши потери и не ослепляют успехи врага. Предвидя победу, учитывая веру в нее красноармейцев, не закрывая глаз на все наши беды, он хорошо видит, в чем сила Красной Армии и в чем слабость врага. Как воин, Примаков понимает: силы белых не соответствуют их целям, как политик — выученик ленинской школы, он сразу уловил главное: крестьянин против них. А с кем народ, с тем и победа...

И как не верить в конечную победу? Не мог он не знать, что там, на востоке, в корне реорганизованная Красная Армия уже погнала Колчака, освободила Пермь, Кунгур...

И то, что предложил Совету Оборона Республики юный командир полка, партия уже успела совершить там, на востоке...

Ясно — не одного Примакова тревожила тогда судьба революции и страны. Но мы знаем, что в октябрьских боях на полях Орловщины первую и ощутительную встряску офицерским дивизиям Деникина задала Ударная группа, куда вошли стрелковая дивизия латышей, бригада Павлова и кавалерийская дивизия украинской конницы — червонные казаки Примакова.

Это вызвало памятное высказывание Ленина: «Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом...» *

Под натиском белых советские силы отходили к Полтаве. Деникинцы — их ударная офицерская пехота, конные полки кавказцев — опьянены небывалыми успехами. У кое-кого из красных командиров на уме одно — отступать. А Примаков добивается позволения нанести удар по флангам врага — на Карловку. Удача! В связи с успешной атакой червонных казаков, под огнем белых производится полная эвакуация артиллерийских складов из Селещины. В этом бою героически сражалась пехота 46-й, бывшей 2-й Украинской повстанческой дивизии. Ее комиссар Исаак Минц, будущий комиссар корпуса

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 244.

червонных казаков, приободренный действиями примаковской конницы, возглавив батальон пехоты, отражал отчаянные атаки белогвардейских полков генерала Геймана.

В течение августа и сентября 1919 года Примаков с бригадой червонных казаков удерживает Чернигов, давая отпор деникинским войскам.

Не раз и под Перекопом и на полях Галиции мне приходилось наблюдать Примакова в бою — бесстрашного и рассудительного, спокойного в самой сложной обстановке.

Осенью 1919 года Деникин рвался к Москве.

В штаб ударной группы явились командарм Иероним Уборевич и член Реввоенсовета Серго Орджоникидзе. Примаков, теперь уже командир бригады, горячо доказывал своим начальникам:

— Готовя народ к революции, мы говорили, что самодержавие прогнило насквозь. А сейчас мы удираем от тех же царских генералов. В пятнадцатом году я с трудом доставал у солдат черниговского гарнизона винтовку, обойму патронов. Теперь у нас оружейные заводы в Туле, Сестрорецке, Ижевске. В пятом году восстали лишь Красная Пресня и киевские саперы, сейчас с нами весь трудовой народ. В восемнадцатом году у нас были небольшие отрядики, а теперь на одном лишь Южном фронте семь армий. Я убежден, что мы сильнее врага и мощью и духом. Наши казаки горят ненавистью к белякам. Так в чем же дело? Значит, мы сами делаем не то, что надо. Пустите меня в деникинские тылы. Латыши прорвут фронт. Я в этом не сомневаюсь. Что? Сложная обстановка? У врага много конницы? Зима, стужа, буран? Это то, что надо! Чем сложнее обстановка, тем больше шансов на успех. Пусть дрожат беляки! Сначала мы вызовем в их рядах панику, а затем ударим клинками. Мы лишим их связи, управления. А неизвестность будет бить по врагу похлеще наших клинков...

Орджоникидзе позже напишет В. И. Ленину: «Червонные казаки действуют выше всякой похвалы». А пока он с величайшим интересом слушал пылкую речь молодого кавалериста. План Примакова был одобрен.

Одно дело драться с крепким врагом на фронте, другое — двинуться зимой в его тылы. Всему штабу: начальнику Семену Туровскому, его помощникам — Журавлеву, Медянскому, Рубинову, Шильману — пришлось крепко поработать. Планы планами, а выполнять их людям. Вместе с комиссаром Евгением Петровским Примаков ускакал в полки. Завязались душевные беседы. Молодой комбриг говорил казакам и о Москве, которой угрожала страшная опасность, и о Туле, снабжавшей вой-

ска оружием... И вдруг вспомнил «Левшу» Лескова. Рассказал о нем бойцам:

— Царь спросил, пользовались ли тульские мастера микроскопом, когда подковывали английскую блоху. Левша ответил: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопом не пользовались. Но у наших мастеров и так глаз пристрелямши»... Вот, товарищи, — сказал в заключение Виталий, — мы тоже люди бедные, с оружием у нас не густо, но у нас и так глаз пристрелямши... Не дадим спуску белякам...

Второго ноября латыши прорвали фронт. За тридцать семь часов, в стужу и буран, червонные казаки углубились в расположение врага на сто двадцать километров. 6 ноября захватили в тылу деникинцев Фатеж и Поньры. Враг под натиском стрелковых дивизий с фронта откатился на сто километров к югу.

Командование, воздавая должное отваге полков Примакова, снова двинуло его конницу, теперь уже дивизию, в рейд. 15 ноября 1919 года червонные казаки, разгромив тылы врага, захватили Льгов и пять деникинских бронепоездов на станции. Один из них, «Генерал Дроздов», приказом командования армии был переименован в «Червонного казака».

Орджоникидзе доносил с поля битвы в Москву: «3 ноября в шесть часов утра нам удалось прорвать фронт противника в районе шоссе Кромы—Фатеж. В прорыв пустили кавалерию Примакова...» И еще: «Лучшие полки противника, Дроздовский и Самурский, так называемая белая гвардия, в боях между Льговом и Дмитриевом разгромлены благодаря смелому удару красной конницы тов. Примакова...»

А «Правда» 20 ноября 1919 года писала:

«...Молодецким набегом конной группы Примакова... взят Льгов и захвачена огромная военная добыча...»

Стрелковые дивизии 13-й и 14-й армий, воспользовавшись результатами льговского рейда Примакова и ударами 1-го конного корпуса под Касторной, отбросили врага еще дальше на юг и вышли на линию Курск—Воронеж.

Можно со всей уверенностью сказать — если бы у червонного казачества и у его вожака не было за спиной других операций, кроме двух рейдов на Орловщине — Фатеж—Поньры и «Льговский», да открытых сражений с офицерскими полками деникинской гвардии под Сабуровкой, развенчавших миф о непобедимости белой армии, то и этого было бы достаточно, чтобы имена червонцев и Примакова прочно вошло в летопись побед советского народа и его героической Красной Армии.

Красное знамя Реввоенсовета, знамена от трудящихся Мо-

сквы и Петрограда, награждение боевыми орденами Красного Знамени Примакова, Туровского, полковых командиров — Петра Григорьева, Пантелеймона Потапенко, казака Игнатия Мозговенко и многих рядовых бойцов — отмечают немеркнущие подвиги червонных казаков в самые тяжелые для молодой Советской республики дни.

Позже дивизия червонных казаков вместе с латышами разгромили под Мерейкой конную группу Деникина, помогли войскам 14-й армии освободить Харьков.

Из Харькова червонные казаки держали путь на Гришино, из Гришино — на Мелитополь, из Мелитополя к Перекопу. Здесь плечом к плечу с шахтерами из 42-й стрелковой дивизии Нестеровича, стрелками 46-й Эйдмана, латышской — Калнина, 3-й — Козицкого конники Примакова вели ожесточенные бои против засевших за Перекопским валом врангелевцев. Неоднократно в степи, зажатой с двух сторон Черным морем и Сивашем, сходились в клинки отважные всадники Примакова с башибузуками генералов Морозова и Улагая.

В этих конных атаках, в которых неизменно советский клинок брал верх над белогвардейским, червонные казаки всегда видели в первых рядах атакующих своего бесстрашного начдива.

Командование войск Перекопского участка, занятое подготовкой штурма вражеских укреплений, ослабило наблюдение за своим побережьем. Этим воспользовались белогвардейцы. 15 апреля они выгрузили десант в Хорлах во главе с генералом Витковским, в полках которого под ружьем стояли офицеры — сынки помещиков, кулаков и капиталистов. Взводами командовали капитаны, а ротами — полковники.

Захватив кусок твердой земли, офицерский десант отбросил слабые части береговой обороны и нанес удар пехотной бригаде Германовича. Витковский нацеливался на тылы перекопской группы войск и на позиции советской тяжелой артиллерии.

Вот тут-то и была поднята по тревоге червонноказацья дивизия Примакова. Штаб-трубачи вихрем носились по улицам Строгановки, Владимировки, Перво-Константиновки, Чаплинки — по всему охваченному тревогой побережью.

Полкам червонных казаков не пришлось тогда ни долго оставаться на сборном месте, ни без конца ждать приказа.

Послушные сигналам трубы, под командой Примакова, будоража степную тишину гулким топотом копыт, понеслись они

с севера на юг, к Преображенке — фальцфейновской вотчине — и дальше к Хорлам.

Атакованный червонными казаками сначала в чистом поле, а затем на Преображенском кладбище, десант генерала Витковского понес большие потери, и лишь ценой огромных усилий его остаткам удалось прорваться к своим в Перекоп.

Бойцов червонного казачества в те дни тревожило не только то, что было на фронте. Об этом красноречиво говорит заметка в газете «Правда» от 6 июня 1920 года:

«Со станции Мелитополь 6-м червонноказачьим полком (бывш. 1-й Московский кавалерийский) рабочим города Москва послан подарок: один вагон — 390 пудов белой муки...

Посылая подарок, казаки знают, что он не дорог как ценность, но дорог как знак взаимной поддержки товарищам.

Подарок принят с глубокой благодарностью, и мука немедленно была распределена между рабочими».

11. Снова на запад

Но вот на западе выросла новая угроза. Подхлестываемый биржевыми тузами Парижа, Нью-Йорка, Лондона, пан Пилсудский бросил свои легионы на Киев. Малочисленные советские дивизии 12-й и 14-й армий, ослабленные в борьбе с денikinцами и эпидемией тифа, под нажимом врага, имевшего тройное превосходство в силах, отдав ему столицу Украины, закрепились на линии Случа и Днепра.

Москва двинула против интервентов Конную армию с Кавказа и червонных казаков из-под Перекопа.

Под Хмельником командующий 14-й армией И. П. Уборевич и член Реввоенсовета М. Л. Рухимович делали смотр дивизии.

На новом фронте червонные казаки встретились со стойкими легионерами, которые укрепились на линии реки Случь. Несколько дней дивизия безуспешно пыталась прорвать расположение пилсудчиков, чтоб потом обрушиться на их глубокие тылы. 3-я бригада Микулина развернулась перед Терешполем. Демичеву с 5-м полком удалось ворваться в село, изрубить батальон интервентов.

У Синявы командир полка Степан Новиков и многие его казаки в конном строю бросились на позиции интервентов. Расстрелянные в упор пилсудчиками, они повисли на проволочных заграждениях. Примаков, горя о бессмысленных потерях, говорил командирам:

— Жаль людей, жаль храбреца Новикова. Кто же это в конном строю идет напролом? Раньше были шапкозакидатели, им под стать шашкозасекатели. Революция вложила нам в руки клинок, а природа еще раньше дала нам мозги. Шевелить надо ими, и покрепче. Не нахрапом брать, а умом. Виноват Новиков, промахнулся и я. Лишь по той дорожке легко пройдет клинок, которую ты ему протопчешь соображением... Чего хочет враг? Встретить тебя там, где он силен. А ты ищи его слабые места. Бей по ним, в сильных местах он сам дрогнет. А потом добивай...

Но не был Примаков и догматиком. Вот он стоит на командном пункте под Месноровкой вместе с командармом Уборевичем. Атака не удалась: ни пехоты 47-й дивизии, ни двух конных бригад... Уборевич, нервничая, протирает носовым платком стекла пенсне. Армия уже много дней топчется на месте. Все надеялись на дивизию Примакова, которая рвалась в тыл интервентам. И не прорвалась...

— Плюнем на Синявский участок,— убеждал Примаков командарма.— Двинем к Комаровцам. Подтянем туда все наши бронепоезда. На фронте мои земляки, черниговцы, крепкая Шестидесятая дивизия. В тылу врага партизаны. Тогда, в прошлую зиму, нам крепко помог срловский мужик. А знаете, как подольские хлеборобы ненавидят захватчиков, непрошеную шляхту? Нам лишь бы прорваться...

Уборевич не первый день знал отважного и рассудительного вожака червонных казаков. Он внял его просьбам. Советской коннице у станции Комаровцы открыла дорогу на запад боевая 60-я дивизия. Ей помогли три бронепоезда и партизаны. Вот тогда-то червонные казаки, смяв по пути не один батальон пилсудчиков, вышли на глубокие тылы 6-й армии генерала графа Ромера.

5 июля 1920 года начдив Виталий Примаков с двумя конными бригадами громил базы противника в Черном Острове, а третья бригада ворвалась в город Проскуров. Там со всеми армейскими тылами располагался штаб 6-й армии белополяков.

Сразу же после этой смелой операции в тылу врага приказ Уборевича, переданный по радио, направил дивизию червонных казаков на северо-восток. Примаков решительным движением к Зозулинцам отвлек на себя ударную группу генерала Краевского, стремившегося к Шепетовке, чтобы вцепиться в хвост Первой Конной армии. 14-я армия Уборевича, воспользовавшись результатами рейда червонных казаков, перейдя в решительное наступление, отбросила захватчиков от

берегов Случи к Збручу и освободила города Проскуров и Старо-Константинов.

А дивизии Первой Конной армии с ликвидацией угрозы их левому флангу овладели Шепетовкой, отбросив на запад особо стойкие в обороне легионы врага.

«История гражданской войны» отмечает: «Дивизия червонного казачества успешно выполнила задачу, возложенную на нее. Смелый рейд... способствовал общему успеху наступления советской 14-й армии.

Войска Юго-Западного фронта в конце концов сломили сопротивление польской 6-й армии».

Да, Примакова не причислишь ни к лихим рубакам, ни к «шашкозасекателям». Это был диалектически мыслящий полководец ленинской школы. Страна высоко оценила боевые дела молодого начдива. За Проскуровский рейд, способствовавший успешным действиям двух армий — 14-й и Первой Конной, Виталий Примаков был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Пилсудчики, усиленные прибывшими с салоникского фронта французскими частями генерала Франше Д'Эспере, окопались на Збручѐ. После Проскуровского рейда, сорвавшего все оперативные расчеты генерала Ромера, одетые в голубые французские мундиры легионеры научились уважать советскую конницу. По эту сторону Збруча в рядах пилсудчиков часто слышалось: «Панове, до лясу». А там, за надежными укрытиями, воздвигнутыми вейгановскими инженерами, жолнеры пана Пилсудского смеялись сами над собой: «Пей, пан, млеко, червонный казак далеко». Об этом простодушно рассказывали пленные.

Прежде чем выйти на просторы Галиции и появиться у сказочных отрогов Карпат, конным полкам Примакова и отважной 60-й дивизии предстояло немало работы здесь, у бывшей государственной границы, на подступах к Збручу.

12. Галичина

24 июля 1920 года передовой отряд Красной Армии — червонное казачество, славные сыны трудовой Украины, торопясь протянуть руку помощи своим галицийским братьям, словив сопротивление интервентов на Збруче, через Токи — Ожовцы вышло на просторы Галиции.

Позади остался Збруч, впереди находились Карпаты.

А между ними манившие своим величием сказочные просторы Галичины.

Двадцать два дня держались 12-я и 18-я белопольские и пять петлюровских дивизий (35 тысяч бойцов) на Збруче против четырех советских стрелковых и одной дивизии червонного казачества (всего 14 тысяч). И лишь два дня понадобилось червонным казакам, чтобы очистить пространство от Збруча до Серета.

3-я бригада Демичева, ее 5-й полк Ивана Самойлова и 6-й Василия Федоренко, вышибла пилсудчиков из Збаража лишь после третьей сокрушительной атаки. В тот же день, 22 июля, 2-я бригада Владимира Микулина, отбросив батальоны подхаланцев за Серет, освободила Тернополь.

3-й полк Ивана Хвистецкого через Великие Борки, а 4-й Сергея Букацеля через Толстолуг ворвались на окраины города одновременно. Командир бригады Микулин шел с 3-м полком, я, комиссар, с 4-м.

Еще не утихли звуки выстрелов, еще в пойме Серета трещали пулеметы, а на залитые ярким солнцем улицы высыпали радостные жители освобожденного Тернополя — первого большого города Западной Украины.

Направив комиссара 4-го полка Гавриша для переговоров в ратушу, мы с комбригом ускакали туда, где наши передовые сотни вели оживленную перестрелку с арьергардами пилсудчиков. Владимир Иосифович, прекрасный знаток военного дела, оценив обстановку, сразу определил, что без пехоты нам линию реки Серет не преодолеть.

Высокий, стройный, широкоплечий, умный и душевный человек, Микулин был единственным старым офицером среди командиров червонного казачества.

Случилось так, что царские офицеры-украинцы, в большинстве своем выходцы из зажиточных семей, особенно высших званий — генералы, полковники, не захотели связать свою судьбу с Красной Армией. Почти все они ушли к Петлюре. В советских украинских дивизиях командовали полками бывшие солдаты, унтер-офицеры или же офицеры военного времени — прапорщики: Дубовой, Федько, Осадчий, Петренко-Петриковский, Борисенко. Подполковником был только коммунист Крапивянский.

Бывший царский подполковник Микулин полюбил червонных казаков за их лихость, за то, что они воскресили на полях гражданской войны былое доброе имя конницы — «царицы полей». И служил он советскому народу со всей глубокой верой в правоту его святого дела.

Словно в подтверждение сделанного Микулиным вывода, к переправам через Серет начали выходить передовые части только что вступившей по нашим следам в город боевой 60-й стрелковой дивизии. Год назад все ее десять полков создал в Чернигове легендарный герой гражданской войны Николай Крапивянский.

Мы же получили приказ от нашего начдива Виталия Примакова идти на соединение с остальными силами дивизии в район Ново-Алексинца.

Незабываемая дорога, забываемые дни... Если в селах от Збруча до Серета крестьяне встречали нас приветливо, но с некоторой опаской, то теперь на всем пути от Тернополя до нового места назначения разодетые в праздничные, ярко расшитые одежды труженики Галичины встречали наши полки с цветами и радостными возгласами: «Слава братьям!»

И не только по восторженным встречам запомнились те дни. Как только наши агитаторы зачитали на сходах воззвание Галревкома и разъяснили людям, что отныне лишь трудовой народ — хозяин всей галицийской земли, крестьяне тут же, выкатив из ворот возы, поспешили в поле. Еще не обмолоченный, аккуратно выложенный высокими бастионами-копнами хлеб уже давно дожидался тех, кто его вырастил.

Изрезанный глубокими окопами первой мировой войны район стеснял действия конницы. Туго пришлось тогда полкам Буденного и полкам Примакова. Еще двадцать два дня несколько дивизий белополяков на фронте Заложцы—Подкамень—Броды отчаянно сопротивлялись натиску Конной армии, 45-й дивизии Якира, бригады Котовского, 47-й стрелковой и дивизии червонных казаков.

И вот, будто по иронии судьбы, в тот самый день, когда ударная группа Пилсудского с реки Вепш нанесла свой первый удар по советским дивизиям, наступавшим на Варшаву, Буденный и Якир, сломив упорство пилсудчиков у Брод—Подкаменя, двинулись к Львову. Примаков повел свои полки из района Нуце на Золотую Липу к Поморьянам—Вишневицку.

Спустя два дня дивизии Конной армии и Золочевской группы Якира уже стояли у стен Львова. Полки червонного казачества через Перемышляны—Бобрка—Жидачев хлынули к Карпатам. Их окутанные голубой дымкой вершины виднелись за многие десятки верст.

Непрерывные бои и переходы, повседневное недоедание вызывали большие потери. Пополнение из-за Збруча поступало с перебоями. Основные резервы шли на юг против Вран-

теля, захватившего весь степной край. Вот тут и показали себя галицийские большевики. Они звали молодежь на борьбу, на защиту только что обретенной свободы.

С тех пор прошло сорок восемь лет. То, что откладывается в памяти, с годами постепенно улетучивается, а то, что залегло на сердце, остается в нем навеки. Вечно волнует сердце тот чистый порыв, с которым молодежь Галичины пришла к нам на помощь в те трудные дни.

Вот перед нами изданные в Варшаве в 1933 году под редакцией петлюровских генералов Сальского и Шандрука «Оперативные документы штаба армии УНР». Из них мы узнаем, что галичане добровольно вступают в Красную Армию, что штурмовали Ходоров 5-й и 6-й червонноказацкие полки, в которых половина бойцов — казаки, половина — галичане, что гражданское население относится к красным чрезвычайно хорошо и что в Галиции, в районе Тернополя, создается добровольческая Красная Армия...

Появление червонных казаков в предгорьях Карпат — Стрые, Дашаве, Белехуве, без сомнения, оживило деятельность всех патриотических сил Галичины.

Поправив дела у Варшавы, пан Пилсудский под давлением галицийских магнатов двинул к Львову свежие силы. Тут, где уже не было конницы Буденного, ушедшей к Замостью, появилась группа генерала Латынника — 8-я и 4-я пехотные дивизии с одной бригадой улан малиновых.

Под натиском старых белопольских дивизий и свежих полков Латынника 14-я советская армия отошла на восток. В конце августа Якир сдерживал натиск врага на фронте Каменка—Бобрка, 60-я дивизия — на линии Бобрка—Рогатин. 41-я, та самая, которая в декабре 1919 года вместе с червонными казаками и латышами освободила Харьков, а в феврале 1920 года вместе с Котовским — Одессу, оказывала героическое сопротивление пяти петлюровским дивизиям на фронте Рогатин—Подгайцы—Днестр.

Измоганный Стрыйским рейдом, во время которого передовые ее сотни доходили до Моршина—Болехова, а также тяжелыми боями в районе Николаева—Жидачева—Ходорова, дивизия червонных казаков 27 августа перешла в район Свиржа, из которого она, помогая пехоте 60-й дивизии, несколькими атаками вышибла легионеров и улан малиновых. А тут подошел приказ — разбить конницу Тютюнника. Она сунулась из Галича на Подгайцы, чтобы оттуда нанести удар по Тернополю и захватить там Советское правительство Галичины.

Первая встреча червонных казаков с конными гайдамаками

Петлюры произошла в начале января 1918 года под Полтавой. Потом было множество памятных для жовто-блакитной конницы схваток. Но давно уже не сходились клинком в клинок сыны трудовой Украины с сынками ее богатых хуторов. А вот довелось. И где? Почти в предгорьях Карпат.

Теперь с переходом в наступление милсудчиков осмелели и петлюровцы. А раньше, когда червонные казаки громили штаб и тылы 6-й армии генерала графа Ромера, черношлычники отсиживались в районе Войнилова. Их штабисты, чтобы оправдать свое бездействие, распространяли чудовищные слухи, будто на польском фронте, кроме армии Буденного, оперирует еще 1-я червонноказачья армия, которой командует Примаков — русский, бывший офицер генерального штаба.

Известно — у страха глаза велики. Этот страх не только превратил дивизию червонных казаков в конную армию, но перекрестил черниговского украинца-гимназиста в русского офицера генштаба...

Дивизия Примакова форсированным маршем прошла путь от Свирижа через Бережаны к Подгайцам. Конница Тютюнника, измотав поредевшие пехотные полки 41-й дивизии, почувяв приближение червонных казаков, повернула обратно к Галичу, чтобы прикрыться от них широкими водами Днестра.

И все же... Рискуя попасть в кольцо клинков всей конной дивизии Омеляновича-Павленко (младшего), в прошлом командира царского Лубенского гусарского полка, Дмитрий Хлонь, в прошлом наборщик из Харькова, своим 3-м червонноказачьим полком, который он недавно принял от раненого Ивана Хвистецкого, опрокинул атакующих черных запорожцев Омеляновича и заставил их умчаться в сторону Галича.

В 3-м полку было много украинцев — уроженцев Кубани. Бывший его линейный казак Степан Торопец и ныне трудится во Львове. Там живет и сотник Николай Харченко, теперь полковник в отставке. Под знаменами 3-го полка дрались с ненавистным врагом и добровольцы-галичане. Но были там добрые рубахи из числа бывших петлюровцев. Из тех, кто, раскусив красивые слова пана Петлюры, отвернулись от его некрасивых дел и решили искупить свою вину перед народом ратными подвигами.

Было много таких не только в рядах червонного казачества. Книжка Сальского и Шандрука утверждает, что 60-й советский кавалерийский полк состоял исключительно из бывших казаков 3-го гайдацкого полка, которые все время агитировали петлюровцев и посылали им разные письма...

Надо сказать, что не только красноармейцы той советской

части в прошлом были бойцами 3-го гайдамацкого полка, но и их командир Сергей Байло долго командовал тем петлюровским полком. А потом привел его целиком в Красную Армию. И стал комбригом у Котовского. И своей исключительной храбростью заслужил два ордена Красного Знамени. Почему это случилось? Почему перешел к нам целый полк? И к тому же один из лучших у Петлюры, и, как свидетельствует враг, он стал лучшим в Красной Армии.

Все потому же. Многие гайдамаки стали отличать подлые дела петлюровщины от ее красивых и громких слов. Какие же это были слова? В газете «Дзвин», подписанная Петлюрой, была опубликована Декларация правительства УНР от 12 апреля 1919 года, торжественно заявлявшая, что правительство не будет звать себе в помощь чужой военной силы.

Это громкие посулы. А дела?

Дадим слово бывшему главкому жовтоблакитников Михаилу Омеляновичу-Павленко (старшему). В прошлом он командир лейб-гвардии гренадерского полка, потом командир гетманской 11-й дивизии в Полтаве и командир гетманского казачьего коша в Екатеринославе.

В своей книге «На Украине» он пишет: «Бегут к другим народам, чтобы с чужой помощью отомстить своим людям за собственное убожество».

По части «бегства к другим народам» Петлюра и его окружение превзошли все рекорды. 1918 год — немецкий кайзер. 1919 — Антанта. 1920 — пан Пилсудский. И этого мало. Вскоре он потянет с собой из-за Збруча на Украину ее злейших врагов — монархистов-врангелевцев, войска генерала Перемыкина.

Вот такие «дела» отнимали у самостийников их бойцов. Классового врага Красная Армия била нещадно, а за обманутых боролась. Это в те дни в Тернополе было отпечатано обращение червонных казаков к казакам Петлюры, бесценный документ, свидетельство ленинского гуманизма: «Схаменіться, будьте люде...» Недаром Омелянович-Павленко (старший) в своих мемуарах отдает должное Затонскому и большевикам: «Они воюют с нами не милитарными средствами, а большевистской пропагандой, сделавшей среди нашего войска сильное расстройство...»

Да! Ленинское слово не утихало ни на миг. И несли его к обманутым трударям-братьям не только комиссары, агитаторы, пропагандисты, а и все рядовые казаки, все бойцы.

В недавно выпущенном первом томе солидного издания «Гражданская война на Украине» (стр. 688) приводится любо-

пытнейший документ. Это телеграмма Примакова Совнаркому Украины и командарму Антонову-Овсеевскому. В ней сказано: «Во время боев под Деражней охоронная сотня петлюровского штаба Правобережной Украины перешла на нашу сторону. Пулеметчики вместе с нами пошли в цепь и стреляли по сечевым стрельцам. Сотник Гусев показал, что среди сечевиков разложение... Среди крестьян возмущение. Партизаны нам деятельно помогают в боях. Атаман полка червонного казачества П р и м а к о в. 24 марта 1919 года».

Загнав черношлычников за Днестр, Примаков повел червонных казаков через Бурштын снова к Рогатину. Отсюда враг более всего угрожал столице Галичины — Тернополю. Десять дней преграждали дорогу легионерам полки Примакова. На подступах к Рогатину разыгрались тяжкие бои, и особенно за знаменитую в тех местах Чертову гору. Там сложили свои головы отважные командиры — сотник Михайло Мурашко и командир разведчиков Сергей Глот.

Во время этих изнурительных для конницы боев легионы Пилсудского появились уже на путях отхода червонных казаков. А Примаков в это время получает задание идти к Подгайцам, где головорезы Тютюнника успели захватить целиком штаб 41-й стрелковой дивизии. Это вскружило им головы. Они бросились на Трёмбовлю и еще дальше — к Збручу. А в это время, 17 сентября, у Шумлян — Бокув внушительная колонна легионеров преградила дорогу червонным казакам.

Подвоз с тыла давно прервался. В казачьих переметных сумках не было ни патрона, ни сухаря. Пилсудчикам казалось, что вот там, на шумлянских полях, они окончательно разделяются с ненавистным ему войском. Но враг просчитался. 17 сентября он похвалялся, что правой группой взято более 400 пленных и зарублено до 150 большевиков, из них 15 комиссаров. А спустя два дня после битвы под Шумлянами, в которой все шесть полков 1-й Запорожской дивизии червонного казачества и его две разведсотни действовали одними клинками, селяне три дня очищали свои поля от тел порубленных интервентов.

Киевские ветераны и сейчас во всех подробностях помнят тот жестокий шумлянский бой...

Отзвуки шумлянской битвы полетели и на запад и на восток. Легионы Латынника уже не искали встречи с советской конницей. В то же время обескровленные тяжелыми боями полки 41-й и 60-й дивизий льнули к колоннам червонных казаков, чтобы с их помощью вырваться из двойного вражеского кольца.

Петлюровские генштабисты опубликовали любопытную телеграмму пана Петлюры главному Омеляновичу-Павленко: «Радуюсь успехам армии и твердо надеюсь, что начатая акция скоро приведет нас на родную землю для великого дела освобождения Украины от оккупантов».

До чего же боек язык мастера «бегать к другим народам». Кайзеровцы, антантовцы, пилсудчики, нахлынувшие с его благословения на Украину, — это, видите ли, освободители, а полки щорсовской, якировской, федьковской, дыбенковской, примановской дивизий — это, разумеется, «оккупанты»...

Вражеские документы довольно объективно рисуют отношение народа Украины к самим «освободителям»: «Мобилизация в Ямпольском уезде дала четыре тысячи человек. Половина разбежалась... Села Иванковцы и Горчишне восстали, убили трех казаков Волынской дивизии. Хаты повстанцев сожжены... Селяне Подолии к петлюровцам относятся чрезвычайно враждебно».

В 1919 году самостийники правили шомполами. А позже, как это видно из их же свидетельств, — с помощью огня. Но давно известно: то, чего не утвердишь добрым словом, не завоеешь штыком солдата и уж, во всяком случае, не добьешься топором палача. Широкие массы народа были на стороне не петлюровской, а Советской Украины. Это обусловило крушение авантюры Петлюры и торжество дела Ленина.

Дивизия червонных казаков двумя колоннами прокладывала себе путь на восток через район, занятый легионами Латынника. 18 сентября она заночевала в районе Богатковцы—Соснов, а рвавшаяся к Збручу конница самостийников уже была впереди — в Трёмбовле. 19 сентября полки Примакова пересекли Серет в районе Мигулинцев, а гайдамаки через Грабовец шли на Скалат, и в то же время подхаланцы 12-й дивизии Пилсудского вместе с бригадой улан малиновых теснили к Тернополю поредевшие колонны 60-й дивизии. В такой обстановке, когда не было боеприпасов, люди и лошади выбились из сил, а дивизия стиснута с двух сторон вражескими войсками, мудрость начальника состояла в том, чтобы не дать боя врагу в выгодных для него и невыгодных для себя условиях.

И наш двадцатитрехлетний начдив, «офицер генштаба», коммунист с 1914 года, для которого подлинным генеральным штабом были большевистское подполье, царская ссылка и дом Юцюбинского, великолепно справился с этой задачей,

чем и сохранил для будущих боев за Республику закаленные в многочисленных битвах полки червонных казаков.

Из Мышковиде начальник штаба Семен Туровский выслал разъезд в Тернополь. Проникшие сквозь походные порядки врага всадники вернулись в штаб поздно ночью. Из перелесков, что к югу от города, они видели цепи нашей пехоты. Следом за ними вскоре появились на восточной окраине Тернополя на своих рослых гнедых конях, в квадратных конфедератках уланы. Связавшись с отступавшей пехотой 60-й дивизии, начальник разъезда от ее командиров узнал, что Затонский с правительством покинул город рано утром 19 сентября.

А это больше всего интересовало Примакова. Он считал своим партийным и гражданским долгом в тяжелую минуту прийти на помощь тому, кто был одним из активнейших создателей червонного казачества. И не только червонного казачества. Ведь декрет о создании Красной Армии в феврале 1918 года вместе с Лениным (от Украины) подписал Владимир Петрович Затонский.

Почетный казак 1-го полка Затонский с большой любовью и заботой относился к своему детищу. Был с ним тесно связан с первых дней его существования, и во время боев за Киев с войсками Центральной рады, и в решающие дни борьбы за Москву с бандами генерала Деникина. И червонные казаки платили своему другу той же монетой.

Уже в мирные дни командир 2-го полка червонных казаков Пантелеймон Потапенко, кузнец из села Барвенково на Харьковщине, царский каторжник, вспоминал встречу с Затонским в Тернополе. Потапенко из госпиталя возвращался в полк. Прибыл он в Тернополь в очень тревожное время — 18 сентября. Нашел там еще 200 бойцов, возвращавшихся в дивизию. Среди них ходили слухи... То червонные казаки, отходя, двигаются на Тернополь. То реку Серет оставляют цепи 60-й дивизии. То в город вступают уланы Пилсудского. То Тютюнник уже отрезал все пути отступления на восток.

И вдруг к дому, где собрались встревоженные бойцы, подходит сам Затонский в стираной красноармейской гимнастёрке, выцветшей холщовой фуражке. И сразу к Потапенко: «Где твой полк? Вот когда нам до зарезу нужны твои орлы, дружище!»

Но полк Потапенко был далеко, где-то в районе Богатковцев. Тогда премьер Галичины приказал Пантелеймону Романовичу объединить под своей командой всех одиночек-бойцов, выслать разъезды, выдвинуть заставы на подступы к столице, а новому отряду — быть начеку. Еще он велел до утра

всем оставаться на местах — ему нужно время, чтобы отправить на восток обоз с ценностями.

Ночью заслоны усача Потапенко не дали вражеским разездам подойти к городу. В его центре стояли наготове наспех сколоченные пешие сотни. Рано утром вновь появился Затонский. Приказал Потапенко отступить с отрядом, и не по дороге на Волочиск, уже перехваченной гайдамаками, а на Збараж, куда отходили полки якировской и 60-й дивизий. Потапенко так и сделал, чем спас свой отряд от разгрома.

Примаков же с дивизией продвигался узким коридором, еще не занятым вражескими колоннами. К вечеру 20 сентября достиг Колодеевки. Там заночевал. А 21 сентября червонные казаки, отвесив низкий поклон галицкой земле, ее многострадальному народу, далеким могилам сотника Мурашко, командира разведчиков Глота и других героев, отдавших жизнь за своих галицких братьев, перешагнули через Збруч и ступили твердой ногой на благодатную землю Подолии.

Под прикрытием раскинувшихся вдоль старой государственной границы стрелковых цепей 60-й дивизии полки Примакова расположились на короткий отдых. А 22 сентября они уже гнали черные сотни «освободителей» Украины от Волочиска к Сатанову.

Вскоре иссяк и наступательный пыл пана Пилсудского. Трезво оценив обстановку, он согласился на перемирие.

Прошло восемь лет. И всем драматичным событиям тех незабываемых дней дал верную оценку Марсель Кашен в газете «Юманите»: «Без Красной Армии и красной конницы Пилсудский навязал бы тридцати миллионам украинцев свою страшную диктатуру». Это было написано вождем французских пролетариев после посещения им в сентябре 1928 года подшефной Французской компартии 1-й Запорожской дивизии червонного казачества в Проскурове.

А в те самые дни, когда на весь мир прогремела слава Сиваша и Перекопа, решилась и здесь, на полях Подолии, судьба слуги двадцати двух господ — пана Петлюры и его продажного воинства.

13. На слугу двадцати двух господ

Шел октябрь 1920 года. Блестящий полководец ленинской школы Фрунзе громил барона Врангеля — ставленника Антанты — на просторах Таврии. А выкормыш мирового капитала пан Пилсудский после «чуда на Висле», позволившего

ему с помощью французского генерала Вейгана, французских пушек и американских долларов выиграть варшавское сражение, поторопился в Станислав. Здесь, в ставке Петлюры, этого слуги не двух, а двадцати двух господ, он заявил, что польская армия за Збруч не пойдет, но окажет необходимую помощь союзнику и вассалу.

По условиям перемирия войска Пилсудского очистили украинскую территорию к востоку от Збруча. Но там еще оставались вооруженные силы Петлюры — союзника пана Пилсудского. С его помощью самостийники сумели собрать и двинуть на фронт 40 тысяч солдат. По тем временам довольно внушительная сила! Петлюровцы рассчитывали быстро покончить с поредевшими после летней кампании советскими силами и в несколько дней захватить огромную территорию до Днепра и столицу Украины — Киев. Польские магнаты Потоцкие, Сангушки, Браницкие уже назначили управителей сахарных, винокуренных заводов Правобережья.

Меч вассала принадлежит его владыке. На сей раз польская шляхта решила добиться своего, пустив в ход жовто-бланистые банды. Но завоеватели опять просчитались.

Впоследствии, когда жалкие остатки насмных полчищ бежали за Збруч под защиту пана Пилсудского, петлюровские писаки бессовестно, как раньше, врали, заявляя, что петлюровскую армию разгромили несметные орды китайцев и латышей. Даже им, давно потерявшим всякий стыд, совестно было признаться, что они потерпели поражение от своего же народа.

И кто же все-таки разгромил огромную армию самостийников? Одно время историки гражданской войны чрезмерно увлекались небольшой группой ее героев, забывая о многих других, забывая о чапаевцах, щорсовцах, котовцах. Очень много распространялись о гениях и очень мало о народе — творце побед, о партии — организаторе всех побед.

Такой подход был на руку петлюровским писакам, неистово шумевшим о том, что Советская власть на Украине утвердилась с помощью чужой силы.

За последние годы историки немало сделали, чтобы показать, кто в действительности на протяжении всех тяжких лет гражданской войны беззаветно боролся за победу ленинского дела на Украине. Поведали народу, что 14-я советская армия, сформированная на базе 2-й Украинской и Крымской армий, во главе с командармом Василенко и членом Реввоенсовета Рухимовичем разбила и вышвырнула за кордон полчища само-

стейников и их союзников — ярых монархистов, которых объединила в священном союзе люта я ненависть к трудящимся.

В эту героическую армию, обескровленную многолетними боями и походами, входила 41-я стрелковая дивизия, выросшая из боевых партизанских отрядов шахтерского края. С ней отважный начдив Осадчий брал Одессу. Созданная приднестровцами и молдаванами 45-я дивизия Якира являлась лучшим соединением той армии, как и знаменитая кавалерийская бригада Котовского. 60-я дивизия, сформированная на Черниговщине героем гражданской войны Крапивянским, в удали и отваге соревновалась с ударной силой 14-й армии — конницей Виталия Примакова, с червонным назначением, развернувшимся к тому времени в Конный корпус.

Этой внушительной силе, состоявшей из полусотни украинских полков, помогали волжане 24-й дивизии, два башкирских полка, включенных в корпус Примакова, и бронепоезда «Ленин», «Лейтенант Шмидт», «Углекоп», «Бела Кун», укомплектованные моряками-украинцами.

Петлюровский главком генерал-хорунжий Омелянович-Павленко, ревниво опекаемый представителем французского генштаба, наметил день атаки на 11 ноября 1920 года. Но... рано утром 10 ноября 1-я дивизия червонных казаков, 45-я дивизия Якира и бригада Котовского, перейдя в решительное наступление, сразу же перепутали карты петлюровским генштабистам и их покровителю из Парижа — полковнику Льоле. Опрокинув решительными атаками довольно стойкую оборону врага, советские войска вышли в район Шендеровка—Вендичаны на глубокие тылы петлюровцев.

Злобная писанина газетчиков — это одно, а бесстрастное свидетельство армейского летописца — это совсем другое. Вот как выглядят в книге петлюровских генштабистов «Оперативні документи штабу УНР» (Калиш, 1933 г.) результаты первых трех дней кампании: «Вчера, 10/XI противник прорвал фронт Правой группы. 3-я дивизия под натиском вражеской конницы отошла. Отошли части и Херсонской дивизии. Введены в бой 4-я Киевская и Отдельная конная. Средняя группа под натиском конницы противника оставила Юпай-город. 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, Отдельная конная и пулеметная дивизии понесли тяжелые потери. Решающее значение на исход боев в пользу врага имела конная дивизия червонных казаков».

Спрашивается: где же тут чужая сила?

Тринадцатого ноября в доме ялтушковского попа Примаков при свете керосиновой лампы наставлял своих командиров и политработников:

— Кого-кого, а червонное казачество петлюровцы знают и помнят давненько. Наше первое знакомство состоялось в январе восемнадцатого года под Полтавой. Надо, чтобы предстоящая встреча с заклятым врагом Украины была для него последней. Так оно и будет! Не зря Омелянович-Павленко в своем приказе вспомнил о нас. Наши казаки и вы, товарищи, работали отлично. С самого начала. И это лучший залог дальнейших успехов. Важен почин! А почин был на славу. И у нас, и у Якира, и у Котовского. Петлюра намечал еще вчера выйти на линию Вапнярка—Винница. А где его армия? В Новой Ушице, Баре!

Примаков повел коротким чубуком трубки по карте.

— Конечно, в данной ситуации, — продолжал он, — очень заманчиво двинуться на Проскуров — разгромить глубокие тылы противника. Но на Жмеринку нацелен крупный сгусток петлюровских сил. Я решил ударить по их флангу. Прямо на Бар и Деражня. А потом уж махнем к Збручу. Петлюра, — продолжал командир корпуса, — надеется еще на своего союзника — третью русскую армию генерала Перемыкина. Но, как говорится, «не удержался за гриву — за хвост не удержишься»! Наша задача — сорвать замыслы врага и уничтожить его... Выступаем завтра на рассвете.

В своем очередном приказе петлюровский главком писал, что 14 ноября будет дан бой, который решит участь всей операции, что генерал Врангель признал независимость УНР и нынешнее ее правительство.

Эта «радостная» весть была и лживой и запоздалой. В тот самый день, когда писался приказ, рассчитанный на поднятие духа жовто-блакитного воинства, советские войска, разгромив армию Врангеля, подходили к Севастополю.

В те памятные дни червонные казаки — славные сыны трудовой Украины, предводимые молодым боевым комкором, дали о себе знать своим лютым врагам. Главком самостийников писал 17 ноября: «Перед фронтом армии УНР незначительные силы пехоты. Главную роль играет конная группа Примакова».

Доблестные советские стрелковые дивизии неотступно гонят на запад гайдамацко-белогвардейские полки. Бригада Котовского, воспользовавшись тем, что основные силы самостийников вели бои с пехотой 14-й армии и с корпусом Примакова в районе Деражня — Бар, 18 ноября заняла Проскуров.

Петлюра, собрав остатки армии в районе Войтовцы—Писаревка, приказал генерал-хорунжему Удовиченко лечь костыми, но не допустить большевистской кавалерии к Збручу. 21 ноября разыгрался жестокий бой западнее Писаревки. От правды

не уйдешь. Лихо рубились под Писаревкой гайдамаки, но они не устояли против дружного напора старых знакомых — червонных казаков. Много петлюровцев было изрублено в тот день, в последний день советско-петлюровской войны, много их попало в плен, кое-кому удалось ускакать за Збруч. Генерал-хорунжий Удовиченко нарушил приказ головного атамана — он не лег костыми и не разбил советскую кавалерию. Оказался прав Примаков: «Кто не удержался за гриву — за хвост не удержится».

Так закончилась двенадцатидневная война, которая навсегда покончила с вооруженными авантюрами петлюровщины. Труженики Украины, их славные боевые дивизии поставили крест на армии головного атамана пана Петлюры.

Спустя неделю «Известия» сообщили своим читателям, что доблестная Конная дивизия Примакова, находясь впереди всех, к вечеру 10 ноября была у Лучинца... Круто повернув на юг, вышла к Днестру и отрезала войска Правой группы... Затем дивизия принудила противника оставить Деражню. Неустанно преследуя петлюровцев, все та же дивизия 18 ноября ворвалась в Проскуров, 19-го заняла Черный Остров, 20-го разбила вновь пытавшегося задержаться противника, а 21-го с налета овладела Волочиском.

Трудовой народ Украины, высоко ценивший свое боевое детище — Конный корпус червонного казачества, так потешался над головным атаманом Петлюрой:

Не вкпіло — провалився,
Ти в Варшаві опинився,
Бо червоні козаки
Знищили твої полки... *

Многое в жизни познается в сравнении. Это сравнение может нам получше рассмотреть, кто с кем сошелся в том бою, решая судьбы Украины на века. Участник сражения петлюровский сотник Масловец спустя год вместе с бандой атамана Палия вновь перебрался через Збруч. Пойманный в открытом бою под Матрунками, гайдамацкий командир застрелился. А награжденный боевым орденом за бой под Писаревкой Мыкола Скрипниченко, лучший сотник 6-го полка, с окончанием войны отправился к себе в село Хлоповка на Полтавщину, где и создал один из первых колхозов на Украине. Спустя год прислал письмо своим боевым друзьям в Проскуров:

* «Не вышло — провалился, ты в Варшаве очутился, потому что червонные казаки уничтожили твои полки».

«Взяв имя червоного казачества, мы присягаем, что не запятнаем его чести».

Помню, после битвы нашего червоного казачества с объединенными силами петлюровской кавалерии на Писаревских полях 21 ноября 1920 года Виталий сказал:

— Война — это не только победы. Даже у величайшего полководца Наполеона были Москва и Ватерлоо. Но когда тебя лупят, вот как лупил нас летом 1918 года Колчак, а летом 1919 года — денкиницы, при всей твоей слабости, при всем твоим отчаянии, не вздумай падать на оба колена. Кто упал на одно колено, как случилось с нами, тот еще воспрянет, но кто рухнул на оба — тому уже не встать никогда...

Помню, после битвы нашего червоного казачества против объединенных сил петлюровской кавалерии на Писаревских полях 21 ноября 1920 года Виталий сказал и это:

— Петлюра за три года борьбы против своего народа падал не раз на одно колено. Ему помогли встать на ноги и кайзер Вильгельм, и президент Пуанкаре, и премьер Ллойд-Джордж, и пан Пилсудский. А теперь, нет сомнения, он повержен на оба колена... И ему уж не поможет сам пан бог!

Пропуская вдоль изрядно поредевшего строя всех двенадцати полков червоного казачества остатки некогда грозных куреней «вольных казаков», Примаков, глядя на их все еще роскошные шаровары, сказал:

— Все они охотно рядились в широкие штаны Тараса Бульбы, но им был чужд его широкий, народный дух...

После шестидесяти славных боевых дней и ночей по ту сторону Збруча (24 июля — 21 сентября) и шестидесяти не менее памятных дней и ночей по эту сторону (21 сентября — 21 ноября) червоновые казаки снова очутились на берегах реки, которая отныне на много лет разобьет единый украинский народ и его исконные земли. На много лет, но не навсегда. В это свято верили все наши воины. И вера эта никого не обманула. Многим бойцам червоного казачества довелось освободить, теперь уже навечно, прекрасную Галичину от панских захватчиков в 1939 году.

И позже на галицийской земле, изгоняя из ее сел и городов дикие фашистские орды, отличались многие питомцы Примакова — маршалы, генералы, офицеры, рядовые.

Велика заслуга Советской Армии и ее славных полководцев в Отечественной войне. И столь же славен подвиг тех, кто еще в дни великого Ленина, не щадя сил и жизни, первый протянул пусть еще слабую, но мужественную руку своим западноукраинским братьям.

Еще долго после окончания гражданской войны пропагандисты червонного казачества несли слово ленинской правды в массы селянства, и еще долго звенели клинки над головами петлюровских и махновских бандитов на просторах Киевщины, Волыни, Подолии, Полтавщины, Харьковщины. В 1921 году

Бойовий шлях Червоного козацтва (1918—1920 рр.)

Харків—Полтава—Київ—Бахмач—Харків—Таганрог—Царицин—
 Москва—Почеп—Суджа—Харків—Кременчук—Олександрія—
 Бердичів—Літин—Острогоз—Київ—Гришине—Полтава—Ніжин—
 Чернігів—Гомель—Орел—Фатеж—Льгов—Харків—Перекоп—
 Вінниця—Проскурів—Тернопіль—Збараж—Ходорів—Стрий—
 Рогатин—Волочиськ—Жмеринка—Могилів—Проскурів—Волочиськ

Карта боевого пути червонного казачества. 1918—1920 годы.

червонные казаки нанесли решительный удар анархо-кулацкой своре Махно. На протяжении 1922—1923 годов они ликвидировали десятки местных банд, уничтожили пришедшие из панской Польши диверсионные отряды атаманов Гальчевского и Палия.

Петлюровским доморожденным стратегам нелегко было бороться с войском, во главе которого стоял талантливый совет-

ский полководец Виталий Примаков. Он здраво оценивал обстановку, быстро принимал правильное решение и твердо доводил его до победного конца. Это он осенью 1921 года, получив первые сведения о появлении на советской территории крупной банды атамана Палия, сразу же раскусил замыслы противника и направил ему наперерез свои новые полки — всю 2-ю Черниговскую червонноказачью дивизию. Вместе с комиссаром корпуса И. И. Минцем Примаков поспешил в район боевых действий.

После первых столкновений, закончившихся поражением самостийников, Виталий Маркович обратился к бойцам:

— Жаль, добрых казаков мы потеряли... Сложили свои головы Мазуровский, Почекайбрат, Храмков, Саранчук. Вот так оно и получается — земля давит мертвых, горе давит живых...

Ознакомившись с захваченными у Палия документами, он продолжал:

— Широко паны-добродии размахнулись... Вот тут они пишут: «Избегать столкновений с большевистской кавалерией... прорваться к Киеву... стать твердой ногой на Днепре... поднять Левобережье... создать большую армию»... Но, — усмехнулся командир корпуса, — план воеводы не план архитектора, который с абсолютной точностью можно воплотить в жизнь. Здесь все приблизительно. Вот на данной карте... Стрела Палия нацелена на Киев, а сломалась у Стетковцев... Что ж? Наши казаки, сдастся, отбили у них охоту рейдовать... Тоже мне рейдисты!

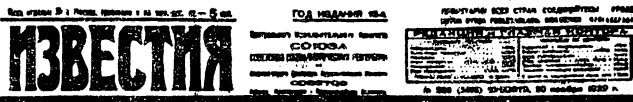
Не прошло и недели с момента разгрома банды Палия, а винницкая газета писала, что первый жестокий удар у села Старая Гута вырвал у атамана всю его конницу, что разгром банды Палия червонное казачество еще выше подняло славу своих знамен...

Школа большевистской партии, школа гуманиста Коцюбинского дали Примакову очень много. Для него неприятельская армия — не однородная масса, с которой следует объясняться лишь на языке пушек. Он знает, что в рядах петлюровцев сражаются и труженики. Для них он находит слова убеждения, как тому учил Ленин.

В 1921 году бандиты убили председателя ревкома села Багриновцы (возле Литина). Летучий отряд, при котором находились комиссар полка путиловский рабочий Новосельцев и комиссар дивизии Лука Гребенюк, задержал на лугах нескольких косарей. Все знали манеру бандитов рядиться под крестьян. В пылу гнева Гребенюк дал приказ расстрелять задержанных. Новосельцев воспротивился. Третий член уездной

чрезвычайной тройки — командир отряда — воздержался. И вот оба комиссара полетели в Винницу, в губком партии. Губком прервал заседание, выслушал прибывших.

— Сейчас бьет по бандитизму не только наше оружие, — сказал тогда Примаков, — а главным образом новый политиче-

Десять лет Червоного казачества.

ЦИК СССР постановил наградить 1-ю Запорожскую дивизию орденом Красного знамени

Приказ Революционного Военного Совета СССР Республик.

№ 373.

29 ноября 1929 года.

г. Москва.

30 ноября с. г. исполняется 10 лет существования доблестной 1-й кавалерийской Запорожской Червоного казачества дивизии имени Французской Компартии.

С первых дней своего существования в 1919 году 1-я Запорожская бьет на полях Украины за дело советов и громит контрреволюцию.

Незабываемые страницы вписаны Запорожской дивизией в боевую историю Красной армии под Орлом, Крамами, Харьковом, Бердянском, Перекопом и Юшумьскими позициями.

В годы мирного строительства дивизия продолжает укреплять дело обороны, неустанно работает над боевой подготовкой на основе растущей политической сознательности, активности и инициативы красноармейского и начальствующего состава.

В ознаменование сланных подвигов дивизии ЦИК СССР постановил ко дню 10-летия наградить 1-ю Запорожскую орденом «Красного Знамени».

РВС Союза поздравляет красноармейцев, командиров и политработников, а также всех боевых ветеранов Запорожской дивизии с десятилетним юбилеем. Та высокая награда, которой правительство Советского Союза отменило боевое прошлое дивизии, налагает на нее новые ответственные обязательства. РВС Союза усерен, что дивизия приложит все силы к повышению своей боеспособности, достигнет еще большей классовой сплоченности и политической сознательности и будет всегда готова выступить на защиту пролетарского государства.

Да здравствует доблестная 1-я кавалерийская Запорожская Червоного казачества дивизия имени Французской Компартии!

Слова ее бойцам, павшим в годы гражданской войны за дело социализма! Народный комиссар по военным и морским делам и председатель РВС СССР **БОРОШИЛОВ.**

Приказ Революционного Военного Совета СССР в связи с награждением 1-й дивизии червоного казачества орденом боевого Красного Знамени.

ский курс Ленина — нэп. И то, что предлагает Гребенюк, даст новое пополнение петлюровским бандам...

Гребенюка перевели в Туркестан, где тогда велась борьба с басмачами...

ЦИК СССР наградил боевую конницу Советской Украины орденом Ленина, орденом Красного Знамени, а ВУЦИК — орденом Трудового Красного Знамени Украины.

После гражданской войны партия направила на учебу в Москву многих командиров-практиков. Попал в Военную академию и Примаков. Там он не только тянется к вершинам науки, но и старается, чтобы богатый опыт красной конницы стал достоянием многих.

В 1922 году в московском «Сборнике трудов военно-научного общества» он публикует свой капитальный труд «Рейды червонных казаков».

«Рейд — могучее средство, — пишет Примаков, — дающее победу слабому числом над более численным противником, даже в момент наступления последнего... Прорыв фронта пехотой, в первый день большой пробег, который выводит конницу из зоны, насыщенной фронтовыми частями, затем идет удар по коммуникациям, по снабжению, по тылам и, наконец, бой сходящими частями противника... Рейдовать — значит непрерывно драться».

Научно и глубоко обобщая свой собственный опыт, Примаков старается заглянуть и в будущее. Он пишет: «Мир стоит перед грандиозными социальными потрясениями и революционными войнами. В них авангарду восставшего пролетариата — его Красной Армии — будет свойствен дух величайшей активности... Жажда борьбы, воля к победе, живут в сердце каждого воина... В эпоху механизации, связанной с громоздкими тылами, значение рейда вырастает пропорционально сложности тылов. Рейд — мощное средство в руках командования, если он связан с общим планом операции».

Нужно учесть, что писал все это Примаков, когда ему было неполных двадцать пять лет...

После учебы, до конца 1924 года Виталий Маркович командует корпусом червонных казаков. Затем возглавляет высшую кавалерийскую школу в Ленинграде. Учит молодежь, переучивает закаленных в бою практиков. Им накоплен богатый опыт — его надо передать другим. Он полон впечатлений — ими нельзя не поделиться. Все часы рабочего дня отдаются людям, все часы отдыха — книгам и перу.

До того как в Китае решились пойти на создание из разрозненных бригад мощного соединения конного корпуса, Примаков своим пространственным письменным докладом, сохранившимся в Архиве Министерства обороны СССР, убедил Фэна в необходимости и полезности такой перестройки. В частности, в том обстоятельном трактате о службе китайской конницы мы находим и такое место:

«Тыл армии гражданской войны очень слаб. В стране нет прочной власти. В народе нет единодушия — он делится на группы, сочувствующие разным борющимся сторонам. Поэтому конница легко действовать в тылу противника, организовав там партизанскую войну и совершая рейды крупными массами для разрушения тыла... Конница — глаза и уши армии... При неудачах своей армии конница прикрывает ее отступление... давая возможность привести в порядок свои войска за стеной ее сабель».

Примаков заканчивает доклад тактично и тонко:

«Высокая древняя культура Китая дала ему возможность раньше европейцев изобрести порох, но ход истории был таков, что европейцы научились лучше китайцев пользоваться порохом: это до сих пор стоит Китаю очень дорого.

...Китайские революционные солдаты исправили историческую ошибку своей страны и научились владеть порохом по-европейски; очередная задача китайского народа — создать мощную, европейского типа стратегическую конницу».

14. Под крылом ветряка

Летом 1921 года вызвали меня в Винницу. Стоял я тогда со своим 7-м, головным полком 2-й Черниговской дивизии червонного казачества в Литине. Три часа ходу на резвом коне — и тридцать километров остались позади. В штабе корпуса, утравшем в зелени цветущих садов, я застал и своего начальника дивизии, кавалера двух боевых орденов (один из них за № 35) Дмитрия Шмидта, того самого, которому два года назад я привозил пакет в наши Бутенки.

Дружба Шмидта с Примаковым началась еще в нейтральной зоне — ничейной полосе, разделявшей Советскую Россию и оккупированную немцами Украину. Царский прапорщик военного времени, коммунист с трехлетним стажем, Шмидт появился в лесах Унечи в августе 1918 года после неудачного восстания. Он возглавлял часть повстанческих сил Полтавщины, а коммунист, бывший царский подполковник Крапивянский — повстанцев всей Черниговщины.

Потом комбриг Шмидт вместе с червонными казаками освобождал Харьков, Полтаву, Кременчуг, Подолию. Весной 1921 года, не закончив курса в академии, явился к нам. И привез с собой еще одного «дезертира учебы» — кавалера двух боевых орденов Ивана Константиновича Бубенца, в прошлом командира чапаевской конницы, любимца Фурманова, Фрунзе.

Офицер военного времени, гвардеец, он создал боевой отряд, развернувшийся позже в один из чапаевских полков.

...В кабинете у Примакова оба моих начальника объяснили мне цель вызова. Надо было в срочном порядке составить «Памятку для бойца». В районе, кишевшем петлюровскими бандами, иные наши товарищи становились жертвой своей беспечности. И не только рядовые. Нелепо, но героически погиб командир 10-го полка Федор Святогор. Его боевой орден нацепил себе потом атаман Гальчевский...

Виталий Маркович положил предо мной стопку толстых книг в добротных переплетах. Труд Филлиса о выезде лошадей. «Обряд службы» полководца времен Екатерины II Румянцева — учителя великого Суворова. Книги по тактике конницы, по истории военного искусства.

— В академии посылать пока не можем — надо кончать с бандами, готовить части к переходу в казармы. А учиться мы должны все, — сказал тогда мой командир корпуса. — Вот и надо читать, набираться ума, да еще помнить о товарищах... — Примаков велел мне после прочтения первой книги направить ее с ординарцем командиру 8-го полка, а тот дальше, вплоть до командира 12-го полка 2-й дивизии Александра Горбатовича. — Это вторая причина вызова, — сказал Виталий Маркович. — А есть еще и третья, — с какой-то загадочностью добавил он. — Поедем...

Выйдя из-за огромного дубового стола, Примаков направился к дверям. Вслед за ним пошли и мы — начальник штаба корпуса Семен Туровский, его заместитель Владимир Микулин, Шмидт, адъютанты комкора — Кузьмичев и Пилипенко. Сели на лошадей. Проехали не торопясь по тенистым улицам Садов, свернули на Вороновицкую дорогу.

Справа и слева от нее виднелись пестрые поля — кучье наделы хлеборобов.

Вдали показались незасеянные горбы Малых Хуторов, а на них темные силуэты ветряков, флегматично размахивавших своими огромными ажурными крыльями. Вожак кавалькады, раскурив на ходу трубку, перевел коня в резвую рысь, а вскоре — в манежный, а потом и в полевой галоп. Мы все вслед за Примаковым взлетели на крутые горбы.

Но что это? Наваждение или мираж? Примаков, не сворачивая, полетел на ветряки. Уже слышно ленивое поскрипывание высушенной солнцем и ветрами вращающейся их оснастки. Мальчик, боевой конь комкора, видать, приученный уже к этому номеру, шевельнув ушами, с ловкостью циркового акробата устремился в просвет между двумя вращающимися крыльями.

Повинуясь своему, как мне тогда казалось, сумасбродному всаднику, конь, радостно фыркая, обскакал вокруг ветряка и остановился как вкопанный у бревна-правила. Примаков, шумно вздохнув, застыл в седле...

Пришел черед остальным. Конь Феде Пилипенко, почувствовав легкий удар по крупу, громко заржал и умчал своего всадника вниз, к ближайшим хатам Малых Хуторов.

Каково было мне, новичку? Увидев разбитую мою голову, меня бы не осудили. А вот если бы я спасовал...

Потом уж я вычитал в книгах, что подобным же образом учил своих офицеров мужеству и отваге знаменитый Зейдлиц — начальник кавалерии Фридриха Великого.

Неизвестно, в каком возрасте знаменитый Зейдлиц резвился со своими гауптманами * под крыльями ветряков. Самому старшему в кавалькаде Примакова, Владимиру Микулину, который был почти в полтора раза старше каждого из нас, стукнуло тогда тридцать один. На обратном пути в Винницу он, когда-то водивший и боевые самолеты, дружелюбно подтрунивал над своим бывшим комиссаром:

— Добро, что в той мукомольне четырехлопастный пропеллер... А есть и о шести лопастях...

В то время, когда мы все жадно стремились к науке, большой знаток конницы Микулин научил нас многому. Он же нам передавал опыт прошлого. Но не все из большого опыта великого Зейдлица было достойно подражания...

Прошло два года. Мы с Горбатовым только что на подступах к Изяславу провели учение на встречный бой. Но даже после изнурительной для людей и коней работы еще оставался порох... Вправо от проселка, в низине, бурля и петляя, неслась на запад многоводная Горынь. Из всего прочитанного в книгах, полученных мною в Виннице, в памяти возник опять тот же Зейдлиц. Подражая ему, поднял высоко руку. И если там, под Малыми Хуторами, вслед за Примаковым скакала сборная кавалькада, то здесь, под Изяславом, вслед за своим командиром шла на коротком галопе строевая единица. Кто бы осмелился свернуть?

А вот и крутой спуск к реке. Несколько пугливых всхрапов, и резвый Занзibar, сразу же потеряв под копытами дно, вытянул вперед голову, поплыл. Широким фронтом развернутых взводов, линия за линией, с визгом всадников и храпом лошадей полк врезался в быстрые потоки Горыни.

Мы и раньше занимались форсированием вплавь водных

* Капитанами.

преград, но... к этому долго и тщательно готовились. Каждый знал, что ему делать. Каждый знал, что ничем не стесняемое животное само выплывет и вынесет на другой берег даже неумелого пловца. Лишь бы он вовремя соскочил с коня в сторону течения и не забыл ухватиться за гриву. Не надо было опасаться того, что неумелый всадник, испугавшись опасности, дернет повод и облегченная в воде лошадь легко опрокинется через голову, потянет на дно и седока. Но... если у командира смена сухого белья хранилась дома, то у бойцов она была с собой, в переметных кобурах седла. И если командир был тогда некурящим, то у бойцов махорка хранилась в карманах брюк...

Так что даже благополучно закончившийся эксперимент меньше радовал бойцов, нежели их командира. А Горьшь все же была коварной рекой... Подмокшее белье и отсыревшая махорка — пустяки. Но можно было обойтись и без тех малых огорчений, без издержек роста, если бы мы подражали Зейдлицу не слепо, с закрытыми глазами, а с оглядкой...

Из принимавших ту несоленую купель хочется назвать начальника штаба полка, ныне генерала Андрея Ковтуна, сотника Петра Ратова, ныне генерала, — москвича, взводного командира, тогда свеженького выпускника кавалерийской школы, а потом отважного командира кавалерийской дивизии в Великую Отечественную войну, обосновавшегося на отдых в родном Орджоникидзе генерал-лейтенанта Леонида Сланова, его однокашника, тоже командира взвода нашего 7-го полка, Сергея Худякова, закончившего войну маршалом авиации, казака сабельной сотни Павла Вахния, ныне отставного майора, — киевлянина.

...Как-то заглянул в тот же Изяслав наш командир корпуса. Тесно общаясь с комсомолом, шефом червоного казачества, мы по просьбе уездного комитета в тот день приняли участие в общем воскреснике. Разгружали шпалы на перегоне Изяслав — Шепетовка. Во главе бригад стояли комсомольцы-путевики. Нашим бригадиром был шустрый паренек по фамилии Сорока. Примаков работал вместе с нами. Накрапывал дождик, и на командире корпуса был довольно убогенький плащик.

Сорока вдруг собрал всех нас, чтобы вести к станции — полоть траву на путях. А Примаков сказал, что сначала надо кончить одну работу, а затем браться за другую. Бригадир, взглянув свысока на потертый дождевичок комкора, вскипел:

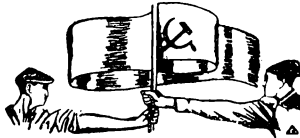
— Ты еще будешь меня учить...

А Примаков возразил ему спокойно, с мягкой улыбкой, которая у него появлялась всегда перед едким словом:

— Молодой человек, были у нас добрые рубаки Сороки — и рядовые, и взводные, и даже сотники. Их я учил ленинским словом. Но был еще в прошлом году на Подолии известный кат — атаман петлюровской банды Сорока. Я его учил острым казачьим клинком... Хочется думать, что вы из первых Сорок. Так что не будет большого промаха, если я кое-чему поучу и вас...

Коммуністична Спілка молоді України.

Славним
Червонцям

1-го Кінного
Кожу.

Дорогі Товариші!

4-й Всеукраїнський з'їзд нашої спілки прийняв шефство над вашим славним кошем.

Ми добре розуміємо ту величезну відповідальність, яка лягла на нас.

Тако ж розуміємо, що допомогти вам у всьому, в чім ви нуждаетесь, ми не можемо. Але те, що комсомолец може зробити для червонця, він безумовно зробе.

Багато ваших родин є по селах Радянської України. Часто приходиться їм скруту переживати: чи то землю обділять, чи насіння на посів не дадуть, чи ще чим треба допомогти, та влада місцева не звертає на них уваги. Ви, дорогі червонці, далеко від дому і вам важко допомогти своїй родині, але нашим комсомольцям, нашим осередкам і організаціям це підсилу, це їх обов'язок.

Центральний Комітет КСМ України звертається до всіх червоних козаків з проханням, коли дома є яні непорозуміння, негайно повідомляти про це місцевий повітовий комітет нашої спілки, з ясним указанням, що за справа і яка адреса вашої родини.

Наші Губкоми та Повіткоми в любий мент готові допомогти червонцєві улаштувати свої сімейні справи.

Коли хто з вас через щось не одерже своєчасної відповіді на свій лист, надісланий тому, чи іншому Повіткому, то ЦК прохає другого листа слати на адресу ЦК м. Харків, Миросицька вул., ЦККСМУ.

Центральний Комітет КСМ України.

Р Ц № 61 Харків Тип Ц К К П (4) У „Коммунист” Зав № 1633 1000 змк

Обращение ЦК комсомола Украины к червонным казакам в связи с принятием шефства над корпусом червонного казачества. 1922 г.

И тут наш бригадир сразу узнал в том участнике воскресника командира корпуса червонных казаков. Стал извиняться, просить прощения. А Примаков ему в ответ:

— Есть много зловредных бактерий. Но самый страшный вирус — это вирус высокомерия...

...Тогда у Малых Хуторов, под Винницей, главенствовал Примаков, но все мы знали, кто был инициатором подобных сногшибательных экзерсисов. Из всех первоклассных знатоков конного дела, должно быть, самый утонченный попал в наши ряды. Владимир Иосифович Микулин, пройдя в царской армии путь от корнета до подполковника, командовал бригадой под Перекопом и во время боев за Галицию летом 1920 года.

Вот тогда я очень хорошо изучил этого замечательного воина и человека. С командармом он мог свободно потолковать о тонкостях оперативного искусства; с командиром боевой сотни — о службе завесы и дальней разведки; с борейтором — об особенностях школы Филлиса; молодого сигналиста мог научить подавать все боевые сигналы, а молодого кузнеца — как подковать лошадь с хрупким копытом.

Когда на двадцатитрехлетнего Примакова легла тяжесть командования двенадцатью конными полками, в штаб корпуса взяли начальника 2-й дивизии червонного казачества Микулина. Дивизию от него принял Котовский, а от Котовского — Шмидт.

Гимназист Примаков, агроном Котовский, землекоп Шмидт, студент Туровский — прославленные вояки украинской конницы — многому научились у царского подполковника Микулина. Учились у него и прочие комбриги, командиры полков — все эти бывшие учителя, студенты, слесари, шахтеры, с первых же дней существования червонного казачества зарядившие его крестьянскую толщу рабочим духом и пролетарским напором.

Когда сабли червонных казаков громили на полях Орловщины корниловские и марковские полки Деникина, Микулин был еще далек от украинской конницы. Но позже, влившись со своей Отдельной 13-й кавбригадой в червонное казачество, он очень много сделал для его боевого совершенствования и роста.

Но вот весной 1921 года появилась на винницком горизонте необычной красоты женщина. Вмиг вскружила головы всему гарнизону. И женатым и холостякам. Но голов было много, искусительница — одна. Тогда Микулин, одновременно в роли победителя и побежденного, вместе с искусительницей покинул ряды корпуса.

И вот уже в тридцатом году, в знайной Ялте, я встретил

моих старых знакомых. Его, светлоглазого русского богатыря, и ее, красавицу с оливковым лицом и жгучими глазами креолки. После встречи с этими «земными богами» мне показалось, что все засияло вокруг — небо, море, улицы, дома, даже асфальт. Все словно было озарено тем огнем, который пылал в сердцах двух счастливых.

Но нет ничего вечного... Даже для земных богов. Спустия всего лишь семь лет недобрая судьба разлучила их как раз в то время, когда молодой член партии Микулин достиг того, о чем мечтал много лет, — возглавил в Новочеркасске Высшую кавалерийскую школу Красной Армии.

В 1956 году в Тарусе, где он несколько лет подряд проводил лето на берегу тихой Оки, мой учитель и товарищ по походам признался мне:

— Я очень уважал Виталия — человека и самородка-полководца. Как интеллектуала и полководца ставлю его выше всех наших кавалеристов. Включая и... сами понимаете! Но... помните мое отношение к женщинам?..

— Помню ваш афоризм, — ответил я. — «От двадцати до тридцати нравится каждая вторая, от тридцати до сорока — каждая десятая, от сорока до пятидесяти — каждая сотая. А там — лишь одна из тысячи. И то не со всякой... Но я их презирал, презираю и буду презирать вечно. Чего и вам желаю...»

— Все течет... — взгрустнул кавалерист. — Влип и я...

Обошлось без длинных объяснений. Тогда у меня вырвались лишь слова знаменитой песни: «Візьми мою люльку, віддай твою жінку...»

Но не только пули дают рикошет... Когда многое изменилось к лучшему, женщина с оливковым лицом и жгучими глазами креолки ушла к другому...

Вернемся к «Памятке». Она появилась на свет летом 1921 года. А тогда, во время нашей беседы, Примаков, мягко улыбаясь, сказал:

— Пока свежа память, надо рассказать о наших рейдах. Это я, пожалуй, сделаю лучше любого нашего командира полка. А вот «Памятку», скажу честно, любой командир-практик сделает лучше меня...

Не думаю, что «Памятка» представляла собой шедевр, но появившийся спустя год труд «Рейды червонных казаков» и сейчас поражает ясностью мысли, убедительностью доводов и дальновидностью юного автора.

Нет сомнения, в богатом опыте Примакова черпали силу и героические наши рейдисты Великой Отечественной войны. Вот выдержка из правдивой и волнующей книги «За нами Москва» генерал-полковника П. А. Белова: «Собираясь двигаться на Вязьму по тылам врага, я припомнил наиболее поучительные рейды последних десятилетий, чтобы найти в них опыт, который можно использовать в новых условиях... В годы гражданской войны хорошо действовала дивизия червонных казаков В. М. Примакова. Она совершала дерзкие рейды по вражеским тылам...»

Однажды в Москве, в Военном издательстве, в кабинете полковника Зотова застал я одного генерала армии. Увидев меня, он стал восторженно превозносить Примакова и боевые достоинства червонного казачества: «Это было настоящее рабочее войско, пролетарское. Я не раз говорил Семену Михайловичу: хоть мы и разбили осенью девятнадцатого белую конницу под Воронежем, а отборную белую гвардию под Орлом разгромил Примаков с его кавалеристами...»

Когда не по возрасту экспансивный товарищ вышел из кабинета, полковник Зотов сказал: «А ведь это генерал Лелюшенко!» Сознаю, очень приятно было услышать столь лестные слова из уст бывшего буденновца и прославленного полководца Великой Отечественной войны.

В этой главе вскользь упомянуто имя Коговского. Следует чуть подробнее остановиться на взаимоотношениях двух выдающихся командиров красной конницы.

Два крупнейших героя гражданской войны, два человека с яркой, но разной революционной биографией, два исполнена — Примаков и Котовский. Первый раз их боевые пути близко соприкоснулись летом 1920 года. Дивизия Примакова, разгромив тылы 6-й белопольской армии в районе Проскурова, на шестой день рейда вновь установила контакт с войсками 14-й армии. И это была бригада Котовского, действовавшая на фланге 45-й якировской дивизии в районе Старо-Константинова.

Прошло четыре месяца. 21 ноября, в последний день двенадцатидневной войны, закончившей с петлюровской армией, Примаков посылает автора этих строк добивать в Волочиске остатки самостийников. Но по приказу свыше Волочиск — это объект действий бессарабцев. Котовский, ревниво следивший за быстрым возвышением начальника украинской конницы, закипел, найдя на подступах к Збручу наши боевые сотни. Закипел, но это кипение, неизвестно что оставив в душе героя, закончилось лишь коротким и бурным монологом. Григорий

Иванович принял под свое крыло червонных казаков, как родных детей. Крошили самостийников вместе. Вместе брали их бронепоезд «Кармелюк». И комбриг даже послал Примакову хвалебную реляцию о его людях, хотя в том монологе не очень-то хвалил самого комкора, вторгшегося в чужой предел...

Примаков кончил войну во главе конного корпуса, состоявшего из двух дивизий (шесть бригад или же двенадцать конных полков). Котовский выше бригады не подымался. Но вот имя бунтаря-одиночки гремело на всю Россию задолго до революции, а имя Примакова народ узнал лишь после его героических рейдов. Сын Молдавии перебивал в ряде царских темниц, за дерзкие экспроприации помещиков ждал виселицы, совершал отчаянно-смелые побег, сын Украины побывал лишь в сибирской ссылке за хранение оружия и за распространение подпольной литературы.

В то время, когда один из них лишь в начале 1920 года возглавил кавалерийскую единицу, другой уже в декабре 1917 года создал первую регулярную конную часть Красной Армии. Котовский только в 1920 году понял, что, лишь состоя в рядах ленинской партии, революционер может послужить народу во всю свою силу. Примаков это осознал пятью годами раньше.

И все же сумма свершений каждого делала их, в ту пору дважды краснознаменцев, равноценными в глазах широких народных масс.

Сразу же после окончания гражданской войны решили продвинуть Котовского. Пришла пора поставить его на дивизию. Не берусь судить о правильности шага, предпринятого для реализации этого, если не запоздалого, то, во всяком случае, вполне своевременного решения. Комбригу-бессарабцу дали 2-ю дивизию в корпусе Примакова, но с правом ввести в нее старую бригаду бессарабцев. Нет сомнения — в руках Григория Ивановича та дивизия стала бы одной из лучших в Красной Армии. Но...

Но не надо забывать, что новому начдиву было уже тридцать шесть лет. Старик по понятиям того времени! А командиру корпуса всего лишь двадцать четыре, да еще без полного месяца. И следует помнить, что новый начдив, хотя и получил повышение, считал свои заслуги тоже чего-то стоящими. И не забыта была еще волочиская акция комкора. С тех пор прошло не больше месяца. А может, и юный комкор, еще мальчишкой слышавший об отваге бессарабца — грозе молдавских бояр и умевший ценить доблесть, чувствовал себя не очень-то

ловко, отдавая приказы такому человеку, как Котовский, к тому же на много лет старше его...

Как раз в конце декабря 1920 года на территории Киевщины появился Махно со своими головорезами, и боевые задания Котовскому ставил в то время Примаков. Он же послал Григория Ивановича со сводным отрядом преследовать черную конницу, у Канева кинувшуюся по льду Днепра на Полтавщину.

Как бы там ни было, а чувствовалось, что не все гладко обстоит в отношениях двух заслуженнейших героев гражданской войны. Мне показалось, что в мае 1921 года, как раз в те дни, когда меня послали с полка в старой дивизии на полк в новую, Котовский не без удовольствия сдавал дивизию Шмидту, чтобы со своей старой и славной бригадой отправиться на Тамбовщину против банд Антонова.

С блеском разгромив вместе с другими войсками антоновцев, Котовский возглавил на Украине 9-ю кавалерийскую дивизию — самостоятельное соединение, не входившее в корпус Примакова.

Прошло еще немного времени, и легендарный комбриг-бесарабец возглавил вновь созданный в Житомире 3-й конный корпус.

Крупные кавалерийские маневры осени 1923 года, проведенные на полях Винничины под руководством товарища Фрунзе, показали, что красная конница имеет двух не уступающих друг другу исполинов полководцев.

15. Завируха

Та зима была с крепкими морозами и обильными снегами. Стоило чуть подняться ртутному столбику — и тут же невесть откуда бравшиеся бураны гнали без конца шумные и плотные косяки тяжелого снега. Особенно круто приходилось в ту зиму и поездам и пассажирам.

За сутки Фастов не принял ни одного состава с киевской стороны, и лишь два товарняка, не останавливаясь, промчались с запада на восток. Бросалось в глаза начертанное мелом через всю стенку вагонов: «Хлеб Донбассу», «Хлеб Москве».

Просторные залы ожидания давно уже превратились в залы проживания. Пассажиры с огромными мешками, раздувшимися торбами, корзинами и потертыми саквояжами заполнили все помещения, проходы, лестницы. Кого только там не было и куда только люди не торопились! Гражданские и военные.

Только-только кончилась большая гражданская война, но еще не утихла малая. Недавно объявленный нэп не успел еще как следует расцвести, а терзавший Правобережье бандитизм не успел еще полностью заглохнуть.

Добрая половина красноармейцев, истомившихся нудным ожиданием, не расставаясь с оружием, слонялась по вокзалу. У дежурного по станции был для всех один ответ: «Заносы. Версту расчищают, а две... Одним словом, метелица, завихуха!»

Но вот, разрывая плотную тишину позднего рассвета, в киевской стороне что-то заревело в два голоса. Обгоняя друг друга, кинулись на перрон пассажиры. И те, кому лежал путь на Одессу, и те, кого ждала Винница, и те, кому ночами мерещился Каменец-Подольск. Заливчатый рев, набирая силы, уже ворвался в густо заснеженную зону пакгаузов. И тут молодой боец, чей гигантский заиндевший чуб и белые брови сливались по цвету с серебристой шерстью казачьей папахи, разочарованно выпалил:

— Сами паровозы!

А красная шапка, отмахиваясь от назойливых и нетерпеливых просителей, уточнил:

— Два паровоза и один вагон. Экспресс. В нем великие кабе... И ему не до вас, сами понимаете. И я даю экспрессу зеленый семафор. Значит, без передыха...

Но дежурный ошибся. Тяжело дыша, на втором пути, как раз против входа в вокзал, остановились паровозы. Из салон-вагона выскочил высокий, в серой смушковой папахе с красным верхом черноглазый командир. Придерживая левой рукой окованную кавказским серебром кривую шашку, он устремился по скрипучему снегу к перрону. Но его уже встретил радостным восклицанием чубатый боец:

— Слава червонному козацтву! Товарищ Пилипенко, здравствуйте! Может, и мне светит до вашего эшелона прицепиться? Надо поскорей в свой седьмой полк. Ни шашка, ни пуля, ни сыпняк, ни беляк, ни Петлюра, ни бандюга не сшибли с копыток Антона Карбованого. А тут... Поверьте, товарищ Федя, доедаю последний мамашин корж... Не езда, а самисенька рахуба!

— Прицепишься! — широко, как обычно, улыбаясь, ответил полевой адъютант Примакова. — Только не оставь, Карбованец, тут, в Фастове, мамашин корж, бо и у нас с харчами не густо... Сутки уже как из Киева. — И, вклинившись в заполнившую весь перрон толпу, прошумел зычным командирским голосом: — Какие гут есть червонцы, всё в вагон!

Еще Пилипенко не успел закрыть рта, а шумная орава, соревнуясь в беге и в ловкости, атаковала высокие приступки салон-вагона. Первым, конечно, ввалился в тамбур Антон Карбованый, за ним Данило Улашенко — долговязый, длинноногий начальник клуба 10-го полка. А следом уже все прочие.

Двенадцать полков червоного казачества, его артиллерийские части, связисты, саперы занимали в ту пору широкую полосу пограничной зоны Подолии и Волыни. И люди, заполнившие до отказа вагон командира корпуса, спешили в Тульчин, в Брацлав, в Немиров, в Гайсин, в Проскуров, в Старо-Константинов, в Изяслав...

Червоного казака Антона Карбованого нельзя было назвать стеснительным парнем. В семнадцать лет он вскочил на спину кулацкого жеребца; и к двадцати двум годам уже испытал кое-что в жизни. Будь это в ином месте, постарался бы он как-то обминуть комкора. А тут прижало. Не сидеть же в Фастове, пока зацветет бузок... Да! Была с Примаковым одна встреча, и не дальше, как прошлой осенью...

А комкор, в папаше, в такой же, как и Пилипенко, куцей, из синего сукна, опушенной смушкой венгерке, но без оружия, широким жестом правой руки звал людей в просторный, но крепко остуженный салон. Пронизывающий ветер лез во все щели.

— Смелее, хлопцы! Располагайтесь кто куда... Это вагон бесплатный. — Серые пронизательные глаза Примакова как бы отражали блеск ледового панциря, оковавшего широкие окна салона. — Вот так, бывало, в царских тюремных камерах, в столыпинских вагонах, в которых нас перевозили в Сибирь. Отапливали мы их своим паром, собственным дыханием. Но думаю, товарищ Карбованый, — командир корпуса узнал все-таки казака, — мы и тут не замерзнем...

— А мне шо? — чуть смутившись, снял заиндеветую папаху казак. — Я согласный и в печенках самого деда-мороза, абы добраться до Литина.

Тут стал доноситься бойкий шепот из дальнего угла салона. Федя Пилипенко, оживленно жестикулируя, что-то доказывал какому-то бородатому пассажиру. А тот, заслоня руками увесистый чувал, сшитый из полосатого матрачного полотна, то снимая с головы, то вновь кидая на нее засаленную донельзя буденовку, живо ворочая выпуклыми глазами, пытался в чем-то убедить своего собеседника. Но тут адъютант комкора, чуть согнувшись, расстегнул полевую сумку, висевшую у левой его ноги, достал пачку ассигнаций и сунул их за пазуху бородачу. Под воздействием двух «аргументов» — легкого толчка и увеси-

стой пачки денег в несколько миллиардов, бородач сам стал развязывать матрацный мешок. Достал свернутый в трубку пласт толстого, густо присоленного сала и передал его адъютанту.

— Наш полутчик спешит в Казатин, — пояснил Пилипенко. — Товарищ Шкляр работает от буфета заготовителем. Очень уж он просился к нам... Ну, а за любезность — любезность. Свинину он везет для продажи пассажирам, так и мы ж пассажиры. Нет, не подумайте, он сознательный...

— У него нож поострее, — распорядился Примаков. — Только чтоб по-братски. Вот как под Рогатином казаки делили барабулю... А вы, товарищ Шкляр, сбрили бы себе бороду. Молодой, а с такой шерстью... Вот если бы вы служили у Александра Македонского, он заставил бы вас с ней расстаться. Удивляетесь? Зря! В бою — тогда же не было дальнбойных пушек и самолетов — персы сразу хватали македонских воинов за бороды...

— Это если он вояка, а не промышляет свинятиной, — заметил под общий смех конопатенький казак.

— Под Кромами, когда Деникин пер на Москву, — вспомнил другой пассажир, — попались нам тоже бородачи. Цельная рота. Так мы тем македонцам сбрили бороды вместе с башкой...

Меж тем чубатый Антон, ловко орудуя ножом, трехпалой своей рукой по-братски разделил сало. Наколов порцию на кончик ножа, подносил ее каждому пассажиру, не исключая адъютанта и самого командира корпуса. Раскрылись мешки, узелочки. Появились на столе паляницы, задубелые от стужи пирожки, домашние гречаники. Достал Антон мамашин корж. И пошла трапеза!..

— Вот это так провиант! — воскликнул худощавый конопатый казак, которого все звали Полещукком. Он был из-под Олевска и попал к червонным казакам весной 1919 года, когда Примаков, углубившись в петлюровские тылы, забрался под самый Острог. — Вспомнил домашние полесские бублики. Так смачно их пекут наши бабы, что мы их едим вместе с дырками... — Оставаясь серьезным, конопатый вызвал новый взрыв смеха.

— Вот это так харч! — уминая сало, восхищался закуской Карбованый. — Дома, когда я вернулся, мы первый день блиновали всем селом...

— Днем блиновали, а ночью паньчевали... — заметил Пилипенко.

Стало тепло и от густого дыхания и от доброго провианта.

Давно сошел иней с казачьих чубов и усов. И лишь у Карбованого брови так и остались посеребрёнными. Они были белы не от инея, а от седины.

— Кому жар-птицу, а мне — жар-курицу... — с полным ртом сказал Улашенко.

— Мне нравится ваше бутербродное настроение, — заметил Примаков. — Слышал — есть едоки кроткие, есть неукротимые. А вы, хлопцы, по всему видать, — отчаянные обжоры...

— Будем есть и пить от трудов ваших праведных, — с нажимом на предпоследнее слово обратился к заготовителю Федя Пилипенко.

— В том-то и дело, — обиделся не на шутку хозяин полозатого чувала. — Как сахару — так два куска, а переспать — кровать узка...

Это восклицание долго молчавшего бородача развеселило всех. Теперь лишь пассажиры заметили — Карбованый не преподнес заготовителю порции. Но, видать, и у того разыгрался аппетит. Вооружившись ножом, он отрезал и себе кусок сала. Улашенко подковырнул бородача:

— Іж, Мартине, мама ще підкине...

— У нас в сотне есть фуражир, — хвалился молоденький казак. — Так он хрупает крутые яйца вместе со скорлупой...

— А в нашей сотне был такой артист доставать курей с соседнего двора. И чем он их брал? Темляком от пики... Брал, пока не познакомился с трибуналом.

Несколько угрюмый и замкнутый проводник вагона принес кипятку. Взяв с подноса стакан, Полещук хлебнул из него. Перебросив горячую посудину из руки в руку и согрев озябшие пальцы, он высоко поднял стакан:

— Все буржуи пьют буржом, а наш брат — горилку...

Экспресс, заковыристо скрежеща колесами в густых завалах снега, расходуя остатки сил мощных паровозов в борьбе со стихией, медленно полз к станции Кожанка.

Подкрепившись, люди, как это и положено воинам, потянулись к кисетам. И даже не спрашивали, можно ли закурить. Это все одно, что солдат, попав на позиции, спросил бы, можно ли стрелять в противника. Салон заполнил запах махорки, разогретой овчины, человеческого пота...

— Ну что, хлопцы, — дымя трубкой, обратился к своим спутникам Примаков. — Дорога, правда, не столь длинная, но, видать, обещает быть долгой. Терять время нечего. Мы все с вами на службе. Вот и давайте будем нашу службу нести, как положено. Товарищ адъютант, извольте разложить на столе карты. Карты! пограничного района.

Пилипенко, шурша непослушными листьями, выполнил мгновенно приказ комкора.

— Вот вы, товарищ Пилипенко, со своим конным полком и с батареей занимаете район села Вozy. Противник наступает на вас двумя стрелковыми батальонами с запада. Ваши соседи — вот тут и тут. Штаб дивизии — здесь. Сотнями в вашем полку командуют товарищ Карбованый, товарищ Улашенко, товарищ Полищук и вот вы, вы и вы, — трубкой указал комкор еще на трех бойцов.

— Та мы же линейные казаки, — заулыбались свежиспеченные сотники.

— Сегодня казак, а завтра сотник. И я начал не с командира корпуса...

А снег все скулит под колесами состава, ветер хлещет жесткими крупинками по обледеневшим окнам, буран завывает в плотно заглушенных вентиляторах, а воображаемые лавы червонных казаков под командой своих сотников, неся сокрушение дерзкому врагу, мчатся с шашками наголо с окраины далекой пограничной деревушки Вozy на запад, повторяя на бумаге свои же подвиги, вписанные уже накрепко в золотые страницы истории...

Антон Карбованый, распалившись, со сдвинутой на затылок папахой, водил шершавым пальцем по шуршащему листу двухверстки:

— Ты, гад, меня во фланок, а я тебя, контра, отсюдова как шандарахну...

— Постой, постой, товарищ сотенный, — остановил распалившегося вояку руководитель занятий. — Это напоминает нашу тактику восемнадцатого года: «На бога!»... Вот послушайте товарища Пилипенко. Он вместо вас подаст команду на атаку...

Тут донеслось из угла, где стоял полосатый чужал:

— Він б'є, бо в нього сила є...

— Кулак кулаком, — возразил Примаков. — Надо еще иметь голову... Возьмем шахматы. На доске одно число белых и черных клеток. Сколько белых, столько там и черных фигур. Но один кончает игру с победой, другой — с поражением. А сила одна... Один двинет в бой полк, а результат — будто то был ход ротой. Другой двинет роту, а получается ход полком. Один большой силой берет маленькую деревушку, другой — наоборот. Вот и выходит — к крепкому кулаку надо еще иметь хорошую голову...

А скорый поезд начальника Подольского боеучастка Примакова едва передвигался со скоростью пешехода. К обеду

только лишь добрался до Кожанки, а оттуда вслед за кустарным снегоочистителем двинулись на Попельню.

Уже под руководством комкора, вызывавшего к карте поочередно всех пассажиров вагона, отработали задачи на атаку, на оборону, на встречный бой, на разведку, на завесу, на сторожевое и боевое охранения. Уже Примаков, вспомнив дела не столь давно минувших дней, рассказал своим спутникам, как на этом самом перегоне осенью девятнадцатого года Якир вырвался из окружения. Тридцать полков 45-й, 47-й и 58-й дивизий знаменитой Южной группы, шедшей от самой Одессы сквозь захлестывающие атаки петлюровцев с запада, денкинцев с востока, махновцев с юга и кулацких банд со всех сторон, недалеко отсюда соединились с Красной Армией.

— Чем взяла Южная группа Двенадцатой армии? Взяла она многим. Но основное вот что — в обычной войне боец воюет с врагом отечества, в гражданской — еще и с личным врагом. Настоящий воин идет на него с удвоенной яростью, кролик — с утроенной силой от противника бежит. А отныне все обычные войны будут похожи на гражданские: капитал против труда, неволя против свободы, угнетатель против угнетенных. У Якира были настоящие воины... Об этом легендарном походе, — продолжал рассказ Примаков, — будут слагать песни, напишут книги. На героизме советских солдат Южной группы будут воспитывать новые поколения бойцов...

Уже Виталий Маркович рассказал бойцам о знаменитом восстании римских гладиаторов. Об их вожаке, которого Карл Маркс назвал великим генералом, а Ленин — выдающимся героем. О шести тысячах распятых на крестах гладиаторов вдоль «сработанной рабами» знаменитой дороги Рим — Капуя...

Казаки, возвращавшиеся с побывки, рассказали о том, как в Донбассе идет наступление на разруху, как пока еще не совсем сытые и обутые горняки поднимают из руин шахты, а из их глубин гонят на-гора потоки угля, как в Кривом Роге разжигают потухшие за годы войны домны.

Любовь и страстность, с которыми казаки шахтерского племени говорили о своем крае и его мужественных людях, распалили казака Полещука.

— У нас, ясно, нет никаких шахт. Не варят у нас и сталь. Но и нам есть чем красоваться. Знаете наше богатство? Видали вы его? Вот на нашей стороне клады, так клады... Я говорю про хмель. У нас, на Волыни, он у каждого двора. У каждого двора стоит высокая стена зеленого и кудрявого этого самого хмеля. Хмель, если хотите знать, это и есть сама жизнь! Не верите? Так послушайте! Без хмеля нет ни пива,

ни бражки. А без пива и без бражки нет танцев. Без танцев нет веселья. А без веселья нет радости. Без той радости нет любви, а без любви, сами понимаете, нет и жизни. Ну, что вы теперь скажете, товарищи, козацтво? Значит, хмель — это и есть жизнь. А хмель больше всех разводит наша Воляны! Вот вам, товарищи, и весь мой сказ...

— Ну, ты со своей Волянью не очень-то носись, — возразил Полещуку представитель Донбасса. — Вот Шепетовка — это тоже Волянь. Я раз на шепетовском базаре своими глазами видел такое. Босота торговала у мужика поросенка, а дошло до дела — в мешке оказался не поросенок, а песик. И еще мужика донимали за обман...

— Так то же гастролеры: «Рупь поставишь — два возьмешь!..» — пояснил Примаков. — А что ни говорите, здорово это получилось про хмель. Прямо стихи, поэма...

Стараясь убить время, попутчики комкора вспоминали разные забавные истории, участниками которых были они сами или же слышали их от других. И больше всего всяких былей и небылиц приписывали командиру 2-го полка Пантелеймону Романовичу Потапенко.

Вот и сейчас Полещук вспомнил один курьез. Послал Потапенко своего коновода за новым бельем. А тот вернулся с пустыми руками, говорит: «Начхоз не дает сподников. Требуется, пусть сами придут!» Потапенко направился в каптерку. «Спрашиваю вас, батя, — расшумелся он там. — Долго будете вы меня конфузить? Командир полка я чи не командир?» А получилось так: когда пришлось оставлять Барвенково, за командиром полка потянулась вся родня. Боялась шнуровских плеток, а то и пуль. Родной отец стал в полку начхозом, а брат Федор — сотником. Старик и говорит сыну: «По части там тахтики-прахтики не спору, ты у нас за главного, а по части сподников — главный во всем полку я. Недавно, когда всем давали, и ты получил. Шо? В кобуры складаешь, жених? Знаю, там уже у тебя два отреза на галихве и набор на чеботы...» Потапенко разъярился: «Кому какое дело? То не ворованное, не грабленое. Полученное по закону. Шо я таскаю штаны два срока — кому какое дело... А касаемо сподников, то я же не слазо с седла, растер их на полоски...» Тут старик перебил командира: «Добре, Пантымон. Спускай штаны, мне надо самозрительно убедиться...» И что ж вы думаете, покорился Потапенко. Вот такой-то был у нас зажимистый начальник полкового хозяйства... Прижимал всех, а больше всего не щадил нашего комполка, родного сына...

Боец-кривоороец тихо хихикнул в кулан. Чуть смутился,

понимая, что не часто придется вот так просто вести дружескую беседу с тем, чье имя гремит на всю Украину.

— А знаете, товарищ комкор, — начал он, — кто у нас самый подрывщик дисциплины?

— Их не так уж много, думаю, — ответил Примаков. — Но ручаться не буду. Есть они и у нас...

— Так я вам скажу. Я из второго полка... И самый большой подрывщик дисциплины — это наш командир...

Заявление бойца вызвало иронические возгласы всей громады.

— Того быть не может! — твердо отрезал комкор.

— Так вот, — усмехаясь в свои тощенькие усы, продолжал казак. — Дневалою это я по конюшне нашей сотни. Ночь — на дворе гуляют ветры, а возле конячек затишно и тепло. Я и не понял, когда вздремнул. Слышу, кто-то тихонько меня тормозит. Раздираю глаза, а передо мной сами они — наш командир полка. Шевелят у моего уха своими рыжими усами: «Так вот, хлопче, знаешь, спать не полагается. И на случай боевой тревоги, и на случай огня, и на случай нападения. Хорошо — пришел на конюшню я. А если б старшина...»

Антон Карбованый поведал о схватках комнезама с бандитами, копошавшимися еще в лесах, и о том, как вместе с нэпом ожили кулаки. Особо те, кто в апреле девятнадцатого года пошел за петлюровским атаманом Дубчаком, поднявшим восстание в Миргороде.

— Было время, — почесал казак затылок, — и я мечтал, сознаюсь, товарищи, знаете о чем? Иметь свой хутор, а вокруг него шоб поднялся тын с гвоздочками поверху. Ну, одно, шо все-таки наши червоноказачьи политруки ума вставили не мне одному. А другое — вот пока ездил до дому, насмотрелся на те заборы с гвоздочками. Пакость одна... Вот мое слово!

— По правде сказать, — повернулся Примаков к седобровому, — думал, что ты уже откакавался. Считал: не вернешься в корпус...

— Это через шо? — насторожился Карбованый. — Думаете, через то, шо случилось со мной в Меджибоже? Я не из обидливых. На кого обижаться? На Советскую власть? Так она же стукнет, она же и подбодрит. Это зависимо от хода понятий...

— А ты расскажи нам, что там стряслось с тобой в Меджибоже, — предложил казаку Улашенко. — Может, пока расскажешь, мы до Казатина и доползем...

— Оно бы ничего... — как-то весь подтянулся Карбованый. — Мне в Казатине как раз пересядка на Шепетовку...

— Что ж? Давай, Антон,— поддержал Данила командир корпуса.— Выскочил ты тогда чудом...

— Чудо само собой, товарищ комкор. А надо, как вы говорите, и башкой располагать по обороту событий...

— Ближе к делу...— пробасил Пилипенко.

— Вот и ближе,— начал казак, гася окурок о подошву сапога.— В Меджибоже выездной трибунал присудил меня к шлепке. За бандитизм! А по какому такому пункту, значит, наградили меня чином бандита?.. А за шо? Уже трое суток гнали мы через Летичевщину атамана Гальчевского. Казаки были воспалены до нет сил. Знали: это он, гадюка, посек Святогора, комполка-десять. В Бруслинове. И где? Под окнами его невесты. В Клопотовцы приспел наш начдив Шмидт. Дает команду — менять лошадей у селян, а Гальчевского — кровь из носу! — накрыть. Конечно, менять по закону, с командиром, с распиской. А я... Ну, понимаете, пристал мой буланый. Я в первый двор, вывел из стойки не коня — зверя. А то был двор Гуменюка. Значит, отца председателя Летичевского ревкома. Вот тут-то и поднялась заваруха... Как раз объезжал села товарищ Петровский. Гумсюк ему ответственную бумагу — ограбили, мол, до нитки. Будто и скрыню отцовскую обчистили. Шо касает жеребца — хвант, а насчет скрыни — избавь боже! То, как говорит наш завбиб, — не моя ампула... Короче говоря, показательным судом, значит, для показа прочим, присудили меня, Антона Карбованого, к расходу...

— Ото, видать, Антоне, ты тогда и посивел,— бросил реплику Улащенко.

Рассказчик пригладил рукой свои седые брови.

— Нет, Данило, приключилось то не от горя, а от досады... Случается и такое. Выходит, меня осудили, и пошел приговор в Винницу на подтверждение. Значит, мшские трибунала должно было утвердить корпусное начальство... А тут обратно тревога — Гальчевский. Полк — в седло. А меня с двумя волостными милиционерами — в Проскуров. Звезду содрали с папахи, поясок отобрали. Попался не конвой — тигры! Ни шелохнуться, ни головой повернуть. С брочки до ветра и то не пускали. А тут в Дубнячке за Россошкой показались конные. Кучка так себе — всего трое. Издали мельтешат лампасы на штанах — значит, свои. Один конвоир приклял руку до лба и аж хрипит: «Банда! Распознал Гаврюшку, сына меджибожского круподера. Стреляный гайдамака!» Я не стерпел — цоп у правого конвоира винтовку. Стрелок я хоть куды, даже и сейчас, без двух пальцев. Не буду выхваляться.

а парочку, располагаю, свалил бы. А третьего взял бы второй миллионер. Так шо вы думаете — ни в какую! Оба в один голос: «Брось, сволочь, пристрелю!» Наскрозь охамлучили меня барбосы и еще с брички долой. Понимаю — хотят прикончить. И кто? Свои! Красные! А спасли меня в тот раз лютые враги — бандюки. Они как припустят, а мои телохранители — в кусты. Поминай как звали! Ушились вместе с моими бумагами. На ходу один все же стукнул. Не целился, а два пальца мне повредил, аж юшка с них потекла... Вот тут, хлопцы, с досады я и посивел...

Рассказчик глубоко вздохнул. Ослабил ремень на гимнастерке. Продолжал:

— Подскачили лесовики. Разговоров было мало. Загнали в ту же бричку и лесными тропками в ихнее логово. Бросили в темную землянку. Разодрал я портянку, перевязал повреждение. Успокоился. А потом достал свою походную музыку. — Тут рассказчик извлек из-за голенища почерневшую от времени простенькую сопилку. — Достал ее и пошел разгонять свою досаду. Я в свою дудочку, а тут стали подносить мне разный харч. Я и подумал: «Значит, и среди них есть с понятием до музыки...» Ночью повели до атамана. За столом в просторной землянке было их много, полная директория, а один — с орденом. Я смекнул: то сам Гальчевский. Нам говорили: это он самолично содрал с посеченного Святогора боевое отличие «Красное Знамя». Он и допрашивал. Как узнал, что меня присудили красные до расстрелу, сразу велел сесть, налил самодеру. А я шо? Маскируюсь. Не говорю, шо осудили за жеребца, а за несогласие с политикой до селянства. Гальчевский аж подскочил. Говорит: «Было даже мнение пустить тебя на колбасу, а выходит другое: враг наших врагов — наш друг!» И обратно сует мне, сволота, кружку.

— Пожалуй, в проскуровском допре тебя, Антон, встретили бы не так, как твои новые друзья! — прервал рассказ заготовитель.

— Интересно, шо запел бы ты в той сволочарне. — Карбованный строго посмотрел в дальний угол салона, откуда донесся въедливый голос Шкляра. — А дальше все обернулось так. Гуляем мы всюю, а тут кто-то тихонько поскреб шибку. То был знак. Атаман кивнул. В помещение ввели пового человека, а он аж блестит от пота. Видать, скакал во весь дух. И кто ж то был? Как вы думаете? Председатель ревкома. Сама летичевская Советская власть. Гуменок меня не знал, а я его не раз слушал на митингах... Тут душа моя давай джигитовать из самой середины до ушей, а оттудова аж до пя-

ток. Подумал: «Вот через какого гада тебе, Антон, чуть не довелось принять казнь от своих!..»

— Того Гуменюка губчека шлепнула, — сказал Примаков. И снова насторожил слух. Это было его особенностью — он умел хорошо рассказывать и не хуже слушать.

— Слышал, — ответил Карбованый. — Про шо они тогда говорили при мне — знаю. А про шо без меня — не трудно догадаться. Вскоре Гуменюк ускакал. На том же самом жеребце, через которого мне выпала та рахуба. Ну, короче говоря, наутро выдали мне обрез, выделили не очень-то резвого конька, но и не совсем ледащего. «Воюй! Кроши красных! Лупи москалей!» А я... вернулся на нем до своих. Улучил момент. И прямо до кого? До нашего комиссара. Вы его знаете. По хвамилии он Новосельцев, по местности — петроградский, по прохвесни — из мастеровых. Путиловский! Одно слово — выдающий партеец! Ото как зашьются наши оружейники, то сразу до него. Он выручит. А стоим по деревням — сам шукает поврежденные молотарки, паровички. Находит и доводит их до ума. Своими руками. Шо касаемо машин, шо касаемо нашего брата. У кого порча — вылечит. Такой-то человек из любого подлеца слезу жмет... И без никакого крику, без соленых высказываний. Тихонечко, как те бабы-шептухи. Только по-хорошему. Мы за ним — хоть куды! Скажу по большому секрету, случается, шо и самого комполка нашего пропускает через решето и через веялку. И ничего — живут дружно. Так вот после того гостевания у пана Гальчевского — я прямо до него, до нашего комиссара. Но пока до него добрался, сделал по лесу круглосветное путешествие. И первое, шо я ему отрезал: «Я хоть и бандит, но красный!» А он: «То, шо ты красный, товарищ Карбованый, знаю. А снять с тебя бандита может лишь Винница». Вкратцах — слово нашего комиссара придало мне моральное состояние. Вот тогда и доставили меня до вас, товарищ комкор. Правда, полковая медицина до того отсекала мне поврежденные пальцы...

Закончив рассказ, сивобровый казак многозначительно посмотрел на командира корпуса.

— Со мной получилось, как с той Явдохой, — загадочно усмехнувшись, добавил рассказчик.

— С какой это еще Явдохой? — спросил Примаков.

— Во: послушайте сказочку. Ехал это казак Кузьма со своим кумом с ярмарки. И говорит: «Вернусь до хаты и обязательно лусну свою бабу». Кум спрашивает: «А за шо?» Кузьма отвечает: «За то, шо не встренет!» Кум ему: «А если встренет?» — «Тогда за то, шо не откроет ворота». — «А если

откроет?» — «Тогда за то, шо не распряжет волов». — «А если распряжет?» — «Тогда за то, шо не подаст вареников». — «А если подаст?» — «Тогда за то, шо не поставит полкварты...» Но вот уже и хутор Кузьмы. Встречает его с улыбкой Явдоха, раскрывает ворота, распрягает волов, ставит на стол высокую макитру с варениками и еще в придачу целую кварту горилки... Кузьма с кумом закусили, выпили, а потом хозяин встал, подошел к Явдохе и все же луснул ее кулачищем по спине. «За шо?» — спросил кум. «А за то, шо сопе...»

Сказка сивобрового вызвала взрыв мощного смеха. А он, даже не улыбнувшись, продолжал:

— Так и со мной... Антон Карбованый один из первых в червонном козацтве. Поил своего коня в Ворскле, Днепре, Буге, Стрые. Освобождал Харьков и Киев по два раза, ходил в Карпаты, оборонял Москву. А его за то, шо кормил голодного коня мацой, стукнули, за то, шо достал воз шоколаду, тоже для голодных лошадей, — против шерсти погладили, и за бандитского коня — луснули.

— Но, дружище, — Примаков положил руку на горячее плечо казака, — за одного битого двух небитых дают...

— Наше козацтво в огне не горит, в воде не тонет, — добавил Пилипенко. — А ты, видать, Антон, еще коренастей стал...

— Шо я вам скажу, товарищ Федя, — ответил казан. — Сердце имеет десять жил. Они рвутся от горьких думбн и безделья. Они крепнут от радости и труда...

Взволнованный грустными воспоминаниями, казак снова достал свой неказистый инструмент. Поднес его к губам. Чуть прикрыл сверкавшие металлическим блеском глаза, и сразу же вагон наполнила знакомая мелодия старинной песни: «Ой, на горі тай женці жнуть...»

— Тогда, помню, — нарушил общую тишину Федя Пилипенко, — пришлось заниматься двумя товарищами. Тобой, Антоне, и Степановым. Это бывший хозяйственник у Потапенко. Приговор по его делу остался в силе...

— А ты, Федя, расскажи о том забавном и досадном случае. Развесели ребят...

Стало смеркаться. Ледяная броня на окнах наливалась тяжелой синевой. Сгустились тени в дальних углах салона. Никли очертания кудлатых голов. Лишь вспышки цигарок то и дело освещали напряженные, полные любопытства глаза.

— Осудили Степанова за буйство. Был он, надо сказать, человек тихий... А вот случилось. Случилось так, что влюбился он в дочку самого первого проскурковского нэпача. Тот

поставлял топливо и шпалы железной дороге. Дело прибыльное, ясно. Будто та девка тоже втюрилась. И отец не против жениться, только при одном условии — чтоб жених перешел в веру невесты...

— Чего захотел, гад! — слышалась уже в полном мраке реплика.

— А перейти в другую веру не так и просто... Отговаривали жениха многие — сам Потапенко, комиссар полка, его товарищи. А тот уперся — любовью! И через ту любовь человек пошел на глупость — сделал себе обрезание... А спустя месяц сыграли и свадьбу. Из казаков никого там не было — жениха из армии уволили. Стал он помогать тестю-подрядчику. А тут пришли осенние конноспортивные соревнования. Явились в Проскуров джигиты второй дивизии. Первые призы хватанул тогда сотник Кривохата. Сразу после скачек вместе с призами он увез в Старо-Константинов и молодую жену Степанова.

— «Пришел, увидел — победил», — рассмеялся своим баритонистым смехом Примаков.

— Вот это да! — воскликнул Полещук.

— Ну, с досады кругом обманутый муж ввалился в ресторан, напился с горя и пошел буяннить... Весь буфет раскрошил... Свои полгода отсидел, а потом Демичев его пожалел. Взял сторожем на сахарный завод. В ту пору завод был еще под властью первой нашей дивизии...

— Что такое «Канны», не слышали, товарищи казаки? — спросил Примаков. — Не слышали! «Канны» — это клещи для армии. Но есть «Канны» и для командира. Это такие клещи: одна сторона — неверие солдат, а другая — недоверие начальства. Вот тот Степанов и попал в такие «Канны»...

— Любовь, та доведет... — запустив два пальца за воротник и затем тщательно проверив, нет ли «улова», сказал Улашенко. — Вот у нас в одиннадцатом полку было такое...

— В одиннадцатом «огнеупорном», — уточнил Карбованый.

— Ладно, пусть «огнеупорном», — не обиделся Улашенко. — Однажды, это было в Багриновцах, влетает в штаб молодница и прямо до комиссара: «Где тут ваш хвершал? Дайте мне хвершала!» Оказалось, провела она ночь с одним казаком шестой сотни. Как раз в той сотне, вам это известно, товарищ комкор, собрали всех деликатно больных. Из всех полков и подразделений. Жизнь есть жизнь. Еще не проветрилась Подолия после царской войны, да и пилсудчики хорошенько

наследили... А комиссар ей: «Что, не слышала — наши агитаторы специально собирали народ, предупреждали». А она: «Ну, чула, собственными ушами чула... Но как же ему отказать, если оно гарне, як яблочко...»

— Тоже мне наказанне! — вдруг откликнулся молчаливый заготовитель казатинского буфета. — Подумаешь, полгода! Да я бы за такое шкуру с того Степанова спустил. Шутка — разгромить буфет!

Пилипенко принес, выклянчив у проводника, зажженный огарок тех толстых железнодорожных свечей, которые чудом сохранились от старого режима.

— Дисциплина — вещь очень нужная! — набивая трубочку махоркой, вполголоса, при скудном освещении в салоне начал Примаков. — Дисциплина нужна в пятитысячном коллективе и в артели из пяти человек. Ясно! Но не та, которая держится на палке и на клыках. Нас учит Ленин — сумей повести за собой людей добрым словом и личным примером. Не без того — если кто бьет посуду в ресторане или же самовольно хватает лошадей, тогда...

Тут многозначительно крикнул Улашенко. Все повернули головы в сторону Карбованого.

— Мы караем, — продолжал комкор. — Но мы и против крысиных тигров...

— А что за «крысиные тигры»? — слышалось со всех сторон.

— Это вот что, — затаившись, ответил Примаков. — Слушайте. В одном немецком городке завелись крысы. Не было от них, как говорят, спасу. Поедали все... Набрасывались даже на людей. Что только не делали, чтоб избавиться от той напасти! Ничего не помогало. Вот тогда один ловкач и предложил вывести крысиного тигра. А как? Поместили в банку двух крыс. На третьи сутки одна из них оказалась съеденной. Спустя два дня бросили в банку еще одну. На вторые сутки вновь осталась одна. Третья крыса не продержалась и дня. Четвертая жила два часа, пятая — не устояла против хищника и десяти минут. Вот тогда того крысиного тигра выпустили в стадо... Передушил он с полсотни своих сородичей, а остальные со страху разбежались кто куда. Вот таких крысиных тигров было немало у наших врагов — у Деникина, Петлюры, Махно...

— Довелось и мне драпать от одного крысиного тигра, — вспомнил Улашенко.

— Постой, Данило, я еще не кончил, — остановил казака комкор. — Спустить шкуру легче всего. Вот сохранить ее для

дела, для нашего дела — это сложнее. Ленин нас учит надо строить новую жизнь с людьми, выросшими при капитализме. Строить и в то же время поворачивать их к нам лицом... Спустим шкуру с одного, а отпугнем тысячи. Наше дело не отпугивать, а привлекать!

— А я помню вашу статью, Виталий Маркович, в «Червонном казаке», — вспомнил Улашенко. — Это было в декабре 1921 года. Называлась она «Червонное казачество должно стать коммунистическим»...

— Учит нас партия, — продолжал Примаков, — учат наши вожди словом и делом. Лишь тот настоящий ленинец, кто является коммунистом не только по образу мыслей и слов, но и по образу жизни и по образу действий... Вот во время недавней чистки партия освободилась от балласта, от примазавшихся. От тех, кто лишь красно говорил... От тех, у кого книжечка была красная, а сердце — черное. От тех, у кого были мощные холки и тощие лбы. От крысиных тигров. Конечно, закон есть закон. Он обязателен для всех. Закон должен быть твердым, но правление — мягким. Помню, в самый разгар борьбы с Шепелем и Гальчевским некоторые товарищи склонны были карать всех подряд. Этим мы бы только подсекли собственные опоры и помогли врагам.

— Что говорить, были такие, — подтвердил Полещук. — Могу их назвать.

— Называть не следует, — продолжал комкор. — Ни одна революция не обходится без крови. На то и революция. Но ей всегда вредила лишняя кровь. Лишняя кровь — это та, которая проливается зря, не ради торжества Революции, а ради амбиции. Вот этой лишней кровью в свое время воспользовались термидорианцы для своего контрреволюционного переворота, для свержения власти Робеспьера и санкюлотов — значит, трудового народа... И если мы допустим лишнюю кровь, она может стать тем динамитом, которым мировой капитал пытается взорвать нас... Надо прямо сказать — народ ненавидит жестокость и самоуправство, попрание закона и справедливости, презирует проныр и пройдох. Народ уважает подвиг и труд. Он чтит настоящих людей.

— А ну, выкладывай теперь ты, Данило, — попросили пассажиры вагона.

Состав тихо продвигался вперед, и лишь задушевной беседой можно было скоротать время. Спутники командира корпуса были рады любому рассказу.

— Значит, вели это меня на расстрел... Как раз всю цвела сирень...

— А за что, тоже за коня? — посыпались нетерпеливые вопросы.

— Не за коня, а за чеботы. За юфтевые вытяжки. Не сапоги, а шик-мадера!..

— От благодарного населения? — съязвил Пилипенко.

— Поперед батька не лизь в пекло. Дай расскажу. Искал я свою часть. Добрался до Таращи, а там бригада Гребенки. Иду в штаб, а в нем все вверх тормашками. Штабники поставили караул к самому Затонскому. Решили они перекинуться к Деникину. Тот входил в силу...

— Крепкая была часть у Гребенки. И сам боевой малый, — перебил рассказчика Примаков. — Хорошо воевал он против немцев, против Петлюры. Вместе с ним мы громили весной девятнадцатого петлюровские тылы на Воляни. Все было хорошо, пока не пролезли в его штаб деникинские лазутчики, а в полки — петлюровские гайдамаки...

— Так вот, — продолжал Улашенко. — Какой-то крысиный тигр из штаба кинулся на меня: «Коммуния! К стенке!» Содрал с кожаной фуражки звезду. Тут меня окружил с десяток зверюг. Видать, из тех, кто недавно еще миловался с атаманом Григорьевым. Обмацали, вытащили бумажник, опорожнили кобуру. Там был добрый наган. Смотрю: целятся на мои сапоги, а тот крысиный тигр кивнул одному здоровенному хлопцу: «Веди!» И повел он меня по тихим улицам Таращи.. Я впереди, за моей спиной — дуло, а за тем дулом — сам хозяин гвинтаря. Пришли на пустырь. Я гимнастерку долой, содрал с головы кожаную свою фуражку, через которую, думаю, все и случилось. Прощаюсь с жизнью, а все же не совсем... А здорово все не сводит глаз с юфтевых моих сапог. Повторяю: то были не сапоги, а шик-мадера! «Стреляй, бандюга!» — говорю я ему. Он вскинул винтовку. Видать, опытный! А я ему: «Если твоя совесть еще не полиняла, как шерсть твоей кобылки, дай закурить». Он бросил мне кисет с бумагой. Я затанулся и сообщаю ему: «Только знай, гад, я с живых пог не могу стащить сапоги, а с мертвых сам черт не сдерет...» Он задумался. Потом командует, чтоб я сел на траву. А мне что? Выполнил я команду. Он требует мою правую ногу, а я отвечаю: «Пока есть силы, берись за левый чебот. А правый, тот идет легче!» Взял он винтовку под локоть, уперся своей левой в мою правую ногу, ухватился обеими лапами за мой чебот и давай мантулить. По правде сказать, обуток была тугая, а тут я еще давай «помогать». Минут десять повозился он с одним сапогом. Упрел. Но и правый не очень-то поддавался. Он уже прислонил винтовку к ясеню, вытер рукавом

мокрый лоб. Тут я и говорю: «Хватай крепче задник, а я тебе помогу». И стал обеими руками сдвигать вниз голенище. Он и рад. А я и в самом деле ему помогал... С сапогом в руке он отлетел на сажень, а в моих руках остался маузер. Я с ним не расставался год. Носил за правым голенищем... Ну, из-под Таращи ушел я и со своим маузером и с винтовкой... Как недавно у нас, в Хмельнике, пел один куплетист: «Шашка, плотка и кынджал — все в одной руке дэржал...»

— А я всегда ношу с собой вот эту штучку, — Пилипенко вытащил из кармана яйцевидную гранату-«лимонку». — На худой конец...

— Да! — раздумчиво сказал Примаков. — В древности на пушках отливался латинскими словами девиз: «Последний аргумент короля». А ручная граната — это последний довод червонного казака, да и любого красного бойца.

Вот с этой самой поседевшей на морозе «лимонкой» в одной руке, с винтовкой в другой и ввалился на рассвете в салон Примаков. С красным от ледяного вихря лицом и с поседевшими от стужи висками, ресницами. Поседел и шапка командира корпуса и смушковая опушка его элегантной синей венгерки.

В этой красе кавалеристов, сшитой лучшим жмеринским портным в октябре двадцатого года, Примаков повел свой корпус в славный поход против многочисленной армии самостийников. Сохранился еще и групповой снимок тех времен, сделанный на подступах Волочиска, в день прибытия в корпус Иеронима Петровича Уборевича, сменившего товарища Василенко на посту командарма-14.

Следом за комкором, гремя задубевшими на морозе сапогами, при полном вооружении, ввалился в помещение и Полецук. Пилипенко, выполнявший роль начальника караула, преподнес вошедшим, как и предыдущей смене, лампадочку чистого спирта. Час на морозе, да еще на арктическом почти ветру, что-нибудь да значило...

— Ожог первой степени! — крикнув от удовольствия, определил казак, доброволец с Волыни. — После такого угощения, товарищ адъютант, я согласный обратно часок отдежурить...

— Ишь, какой ласый!.. Это, брат, энзе. Только для особых обстоятельств. Соображай — сало и то кипятком сдабривали...

Там, снаружи, вокруг состава уже совершала строгий обход очередная пара караульных. Ночь застала комкора и его спутников у входного семафора станции Попельня. Ни два

мощных паровоза «С», ни фастовский снегоочиститель, даже с помощью станционных рабочих, притащивших лопаты и для пассажиров состава, ничего не могли сделать. Примаков с трудом добрался до станционного телеграфа, а посланный начальником станции человек должен был привести из ближайших сел людей для расчистки пути. Снега навалило в рост человека.

Примаков уже не надеялся поговорить с Казатином. Отяжелевшие от наледи и снега провода обвисли и чуть ли не касались верхушек краснотала, высаженного вдоль полосы отчуждения. Но связь работала, и разговор состоялся.

Военный комендант Казатина заверил начальника боеучастка Подolini, что помощь к рассвету поспеет... Примаков с вечера еще объявил всем, что поблизости обнаружена банда какого-то Лозы.

Всю ночь, сменяя друг друга по команде караульного начальника Пилипенко, хорошо вооруженные спутники комкора, включая и его самого, охраняли подходы к застрявшему в глубоких снегах составу. На рассвете уже пришла очередь пары — Карбованый, Шкляр. Заготовитель долго отнекивался: мол, он давно не держал винтовки в руках... Он к тому же близорукий... Он свою долю внес — дал сала...

Тут возмутился смененный Полещук:

— Сахару — так два куска, а переспать — кровать узка! Ехать — так с нами, а на пост — дядя...

Бородач, прежде чем покинуть помещение, солдатским своим ремнем туго-натуго затянул полосатый чужал. Люди, утомленные долгим ожиданием на вокзалах и нудной ездой, спали крепко. Улащенко, утолив жажду студеной водой, бросил в лицо заготовителю:

— Чего колдуешь? Тот, кто не верит себе, не верит людям... А еще партийный!..

Чем сильнее светлели затянутые льдом окна, тем гуще становился храп в салоне. Крепко спал и комкор в своем купе. Вот-вот должны были появиться рабочие с лопатами, а также летучка, обещанная военным комендантом Казатина. Это был и самый удобный час для бандитских вылазок. Но вот пришло время смены. Снаряженные начальником караула, ушли на пост очередные постовые. Пилипенко, вернувшись с улицы с отдежурившей сменой, уже взялся за бутылку. Пока заготовитель проверял завязки и контрзавязки полосатого чужала, Карбованый с красным от стужи лицом что-то нашептывал адъютанту.

Угостив постовых, Пилипенко направился в купе комкора.

Вскоре оттуда появился Примаков — свежепобритый, умытый, подтянутый. Подозвал к себе заготовителя. Попросил предъявить партийный билет, показанный им накануне во время посадки в вагон. Шкляр покачал головой — надо скинуть сто одежек, чтобы добраться до него. А комкор заявил: он не торопится и согласен ждать. И после этого заготовитель долго упирался.

— Не покажете билета — высадим, — строго отчеканил Примаков.

Вот тогда, поняв, что тут не до шуток, смененный постовой стал рыться в карманах шинели, в тайниках тулупчика, за пазухой. Вытаращив глаза, он развел руками:

— Потерял... Нет, о боже, украли... Да, да, украли. Уперли партбилет...

Уже послышались голоса проснувшихся казаков:

— Голодной куме — просо на уме... Сало у него крадут, а теперь и партбилет сворован... Взяли чудака в поезд себе на лихо... Ну и тип! А бороду его еще никто не слямзил?

— Товарищ комкор! — заявил твердо Карбованый. — Никто у него ничего не крал. Нехай зря не сучит языком. Пошлите со мной человека и его самого, этого субчика. Пока я отошел на секунду, он и сунул что-то в снег под шпалу...

Вскоре все выяснилось. Достать спрятанное заставили самого Шкляра. Вместе с партийным билетом он извлек из тайника и солидную пачку ассигнаций. Командиру корпуса с трудом удалось навести порядок в вагоне. Люди подходили к бородачу, трясли кулаками, возмущались, стыдили его.

— Изменник, предатель, барбос! — кричал Полещук. — Такой и винтовку кинет... За это на фронте одна плата — пуля!

— И здесь фронт, — донеслось от окна.

— Это, товарищи, похлеще обрезания, похлеще разбитого буфета, — добавил Карбованый. — Давайте сделаем по его же заповеди — спустим с него шкуру. От холки до самых пяток.

С вытянутым и побелевшим лицом, заготовитель кинулся к мешку, распутал трясущимися руками его сложные завязки, схватил чувал и вытряхнул из него все содержимое.

— Ешьте, хлопцы... задаром... Мне что... Не жаль... Так я же хотел по-лучшему...

Но тут пуще возмутились червонцы.

— Приплати, не дотронусь до твоего сала, — отрезал казак, ездивший на побывку в Донбасс.

— Давись своей свиной... Сам свинья, — поддержал шахтерского парня Улащенко.

— Так пощадите, товарищи... Ну, вышла ошибка...

Примаков поднял руку. Постепенно улеглась кутерьма. Комкор спросил заготовителя:

— Как вы удержались в партии? Ведь недавно прошла чистка.

— Я вступал после чистки... Принимали меня железнодорожники...

— Видать, поторопились казатинцы... На фронте случилось — принимали товарищей политически неграмотных, но политически честных. А у вас, видать, ни одного нет, ни другого...

— Шлепнуть его по законам военного времени! — снова заволновались червонные казаки. — Теперь видно — не стал бы он стрелять в бандюков...

— Вот и получается: сахару — так два куска... — добавил Пилипенко.

— Это не фронт... — Примаков поднял руку, улегся шум. — И нет здесь крысиных тигров, которых очень уж вы напоминаете... Билет ваш, как член губкома, кладу к себе в карман. Сдам его в Виннице. А вас, так и быть, высадим в Казатине вместе с вашим волшебным чувалом... Да, чистка — это кое-что значит. Но лучший фильтр, как мы в этом не раз убедились, — это серьезная встряска. Она сразу определяет цену человеку, цену коммунисту...

— Завируха, та сразу откидает мякину от зерна, — добавил к словам комкора Антон Карбованый.

Лукаво усмехнувшись, Примаков раскрыл свои карты:

— И никаких банд тут нет... уж больше года. Славно поработали наши клинки, но лучше всего справилась с ними ленинская новая экономполитика — нэп. Того атамана Лозу, сознаюсь, товарищи, придумал я. Хотелось проверить, не отвыкли ли за этот год наши казаки от боевой службы. Кстати, проверить и самого себя...

— Вот это так штука! — с восхищением выпалил Полещук. — Выходит, через того атамана Лозу вы проверили нас, товарищ комкор, а мы проверили ваш энзе! А нет ли там у вас про запас еще какого-нибудь атамана или атаманичка?

И тут в раскатистый смех властно ворвался пронзительный гудок. С запада приближался мощный снегоочиститель, специально посланный Винницким депо.

16. Скиньте шапки!

Да! В войне не только отчаянной борьбой, но и смертью отстаивается жизнь. Во имя сотен умирают единицы, ради жизни миллионов уходят из нее тысячи... И как сказал осенью 1921 года Примаков после жестоких боев, покончивших с «подарком пана Пилсудского» — бандой атамана Паляя, — земля давит мертвых, горе давит живых. Горе, неподдельная скорбь давили нашего вожака не только тогда, когда под Перекопом, над Бугом, под Рогатином звучали прощальные речи и шопеновская мелодия, но и позже, в 1923 году, когда он кровью своего сердца писал для сборника «Червонное казачество» статью «Смертью героев».

«1918 год... Кровавый и грозный год гнева и мести... Много пролетарской крови пролито в степях Украины. Из этой крови выросли красные маки — цветы Свободы. Пожар восстания охватил Украину, сжег трон гетмана и окрасил в алые цвета знамена германских солдат. Они унесли этот цвет к себе на родину...»

Кровь и жизнь червонного казака Ганжи, взводного командира Чуприны, сотника Коропца. А позже кровь и жизнь, отданные за народ, за дело Ленина, многих и многих воинов червонного казачества. Кровь и жизнь командиров полков — Поуха, Глота, Новикова, Каратчаева, Святогора, Гончаренко, помкомбрига Самуся, военкома полка Мазуровского и другого ленинского комиссара, о котором и пойдет речь дальше.

Свою статью Примаков заканчивает словами:

«Спите с миром, товарищи! Скиньте шапки перед их памятью... Окропленные вашей кровью знамена мы пронесем через весь мир!»

Да! Скинем шапки и выслушаем рассказ об одном из беззаветных героев примаковских полков.

Больших жертв требует конная атака. В ожесточенных боях за Кромы и Орел поредели ряды червонцев. Поредели и приуныли. Но если казаки Украины шли в бой, думая о Питере и Москве, то и там не забывали о них. Накануне второй годовщины Октября из обеих столиц в червонное казачество прибыло пополнение.

Иван Куликов, худощавый, костистый, со строгим лицом послушника, смотрел с опаской на своего коня. Там, в пушечном цехе, он и не вздумал бы шевельнуться при виде надвигающегося с талей огромного тела крепостного орудия. А тут... Да еще эти потекущие на стуже стекла очков...

— Чего злякался? — гоготали конники, наблюдая за но-

вичком. Ведь иных развлечений на фронте в часы затишья не было. — Которые в камилавке твой скакун не чипает...

— А если и сцапает тебя вместе с камилавкой, тут же и высадит. Его конячая душа глистов не принимает...

Полки Примакова на стоянках ожидали сигнала «седловка». Сабельная сотня, принявшая накануне свежее пополнение, дежуря у штаба дивизии, в полной боевой готовности расположилась прямо на улице, используя в качестве коновязей заборы и тыны.

— Шо? Сало получил? — приставал к питерцу чубатый казак. — Чеши до каптера, бо вот-вот выступать, не поспеешь...

— Какое сало? — спросил простодушно Куликов.

— А такое, шо им будешь себе пятки мазать...

— Ладно, — отшучивался новичок. — Как получу сало, поделюсь с тобой. Обязательно...

Для Куликова, с малых лет привыкшего к большому, шумному цеху, все было здесь ново. И эти обросшие густой зимней шерстью, внушавшие ему неподдельный страх лошади. И не совсем пока ясные для него отношения между старшими и младшими. И целый арсенал оружия, который у иного бойца размещался на груди, на боках и даже на спине. И напевная, не совсем пока еще понятная речь казаков. И то, что самый старший тут Примаков. Тот самый юный делегат II съезда Советов, который два года назад с питерскими паровозниками оборонял Пулково от красновских банд. И какое-то необычное преклонение кавалеристов перед молодым начдивом, почти его ровесником. А главное — это пренебрежение к деникинским головорезам, нагонявшим страх почти на всех там, в тылу.

До второй годовщины Великого Октября оставалось пять дней. Как известно, Деникин хотел отметить ее торжественным въездом на Красную площадь.

Этой ночью латышские стрелки готовились у Чернь и Чернодья пробить брешь в неприступной стене вражеской обороны, чтобы сквозь нее могли пройти полки Примакова.

Кутеповская гвардия и конница Юзефовича уже успели «вкусить сладость» червонноказацких клинков. Серго Орджоникидзе, делавший на фронте все, чтобы сорвать планы белогвардейщины, после недавних ожесточенных боев у Кром и Орла писал в Кремль о доблести юного вожака украинской конницы и о ее лихих наездниках.

К столпившимся вокруг новичка кавалеристам приближался, направляясь от штаба, высокий, в казачьей бурке человек. Улыбаясь во все лицо, человек сразу же стал расспрашивать

бойцов об их настроении, о семье, о родных, о хлебе и приварке.

— Про обмундировку, товарищи, не спрашиваю. Вижу сам, генерал Деникин позаботился...

— Пид Костельцевим мы ему на шашках отстукали «Боже, царя храни», а он нам за это отчислил свои обозы... — отвечали кавалеристы, хвалясь своими щегольскими английскими шинелями и из толстой желтой кожи добротными ботсами.

— А вы, друг, почему в этой шапке-пирожке и в кацавейке? — услышал Куликов. — Что? Отстали от товарищей? А, понимаю — новенький... Ничего. Из рейда вернетесь в генеральской шинели...

— Постараюсь, товарищ Орджоникидзе, — по-детски мягко улыбаясь, ответил новичок.

Человек в бурке на миг призадумался. Затем широко раскинул руки.

— Путиловский завод... Сколько лет, сколько зим! Шестой съезд партии. Петергофское шоссе против Нарвских ворот...

Эта неожиданная встреча сразу отодвинула куда-то вдалеку все неувязки непривычного бытия, все страхи перед абсолютно смиренным буланком, все придирки и насмешки насквозь прокопченных порохов рубак.

Старые знакомцы, вызывая удивление кавалеристов, долго еще беседовали, тут же у коновязей вспоминая бурное прошлое Нарвской стороны. После ухода члена Реввоенсовета 14-й армии бойцы пристали к расспросам к новичку.

Что ж? Дадим слово Ивану Куликову.

— Откудова, товарищи, спрашиваете вы, я знаю члена Реввоенсовета армии? Э, ребята, я его еще помню просто как товарища Серго. Вот вспомнил он Шестой съезд партии? И не зря. Не подумайте только, что и я был на том съезде. Не дорос. Прямо скажу. Кто там собрался? Сила! Вся гордость ленинской партии. Шутка сказать — сколь в ту пору было врагов! А кто они, те враги? Керенский, конечно, эсеры, меньшевики, националисты, анархисты. И супротив кажинной ихней гайки изволь предъявить свою, и хорошо прокаленную, контргайку. Обязательно. Вот после съезда товарищ Серго и давал им духу на нашем заводе — на Путиловском, значит. А какое касательство было к тем делам молодежи? Мы охраняли здание, где шел Шестой съезд партии. Хлопцы наши заводские хоть куды, а ведь жили вполголода. Мясо шло буржуям, известно. Что я в очках — не смотрите. Это когда штурмовали Зимний, чуток задело башку. На зрении и сказалось. Значит, довелось и нашим ребятам вышибать юнкеров

и бабский батальон ударниц из Зимнего. А oprичь сего были ли еще дела? Были. Обязательно. Хоть бы взять наступление Корнилова, а после генерала Краснова с казаками на Питер. Шли мы не то что боевыми дружинами или же Красной гвардией, а всей Нарвской заставой, и мужики и бабы, к Пулковским высотам. Как раз ваш Примаков с рабочими-речкинцами занимал там позиции. И это, скажете, все? Нет, товарищи. До этого двинули мы всем заводом к Таврическому дворцу. Более тридцати тысяч. Народ! А кто был тот народ? Не шутка — поднялись все наши цеха. Вся мастеровщина пушечного, турбинного, шрапнельного, башенного, лафетного, снарядочного цехов. К тому же и вся наша верфь. Армия! Что же делала наша молодежь? Молодежь путиловская охраняла колонну от Нарвской заставы аж до дворца. Знали наши руководители — без охраны невозможно. А через что? Только это голова колонны вышла к Апраксину рынку — с его крыш и лупанули по нас контрики. Обязательно...

Пока Куликов вел рассказ, бойцы, свертывая козьи ножки, жались к теплым бокам своих скакунов. Мороз к вечеру крепчал. Кто-то догадался собрать хворост и разжечь у церковной ограды костер. Все потянулись на огонек. Сев прямо на снег, чубатый казак скинул сапоги, размотал портянки и начал обертывать застывшие на снегу ноги в обрывки старых газет. Тогда этим пользовались многие.

Переобувшись, чубатый, давно уже смекнувший, что новичок в его сотне — не новичок в серьезных делах, решил и себя показать. Отвьючил от седла огромную баранью шапку, насыпал из ее желтого вместительного шлыка овса в медную, с огромным прусским орлом каску и пояснил:

— Папаха — это девятнадцатый год. Смахнул ее вместе с головой гайдамака. А медная кастрюля — это восемнадцатый. Память от баварского кирасира.

Пододвинув полную до краев каску коню, чубатый извлек из переметных сум австрийскую каскетку. Хранившимися в ней скребницей и щеткой стал начищать бока своего коня. И чтоб получить доступ к его животу, перекинул через седло стремяна. К ним ремешками-трениками были прикреплены две рыжие папахы. Они вполне заменяли казаку валенки. И тут же чубатый пояснил, что каскетка — это память весеннего боя с галицийскими сечевиками под Изяславом, а рыжие папахы добыты им в бою с бешеными чеченцами летом девятнадцатого года под родным Черниговом.

Мирон Кудря, продемонстрировав примечательный арсенал головных уборов, каждый из которых был связан с его боевым

подвигом, горделиво посмотрел на питерца. Его вызывающий взгляд как бы говорил: «И мы, брат, не лыком шиты»...

И случилось так, что жизненный путь новичка в дальнейшем не раз перекрещивался с жизненным путем боевого червонного казака Мирона Кудри. А один раз...

Вот и дадим слово бойцу той же сотни 1-го полка червонных казаков Никифору Трубило. Возглавляя в Киеве крупный трест, он нынче строит во всей области новые школы, больницы. Особенно школы. А почему? Потому что тогда, в червонном казачестве, он и расписываться не умел.

События тех далеких дней изложены инженером Трубило в этом коротеньком послании:

«Киев, 1 июля 1967 года. Слава червонному казачеству! Привет! Отвечаю на Ваш запрос. Нашего путиловца любили все. А приходится сказать и вот это. Мне он уплатил злом за добро. Не верите? Так вот что получилось тогда перед рейдом на Фатеж — Поныри. Готовились мы к тяжелому походу. Пац или пропал! Вышел приказ Примакова: выдавать себя за деникинцев. Начали цеплять погоны. А до того мы украшали ими гривы и хвосты. Переоборудовались. Значит, из конских хвостов погоны попали к нам на плечи. Ночью выступать. Подкрепились. Кто чем располагал. Каптеры роздали скудные порции телятины. Ели без соли. Соляные места как раз захватил Деникин. А Куликов, тогда он еще был рядовой, был с солью. Таскал ее в жилетном кармане. Присаливал он все. Скупно, но все — хлеб, мясо и даже кипяток. Чай, конечно, тогда не было. Роскошь! Поначалу он делился с товарищами. Но редко и скудно. А потом... Думали мы — весь его запас в жилетке. А ошиблись.

Держал он свой ценный узелок в кармане кацавейки... Вот вышел он по надобности во двор. Следом поспешил Кудря. А после и отделком Сагайдак, дружок Мирона. За клуней они заклинили новенького. Как раз я укрывал своего коня попойой — мороз прижимал. Слышу: «Молебны нам читать ты ловок. Мы, значит, все — дети семьи трудовой... А как поступаешь? Сам живешь в роскоши, а товарищам дулю. Равенство и братство? Мир хижинам, война дворцам? Куды там! И еще коммунист! Я беспартийный, а делюсь. Отдай соль по-хорошему...»

Куликов взмолился, говорит, что он большой человек. Без соли ему хана. Ему там, в Петрограде, и выдали полфунта той ценности. Лекарство! Он готов отдать с себя все, даже козловые вытяжки — память фронтовика-отца. Но не это... А разъярившиеся казаки требуют свое, не верят рассказу то-

варица, называют его сквалыгой, жадюгой, буржуем... Потом слышу возню, жаркое дыхание, отчаянный голос: «Не дам соли, не дам...»

Я не стерпел. Как это так? Двое нападают на одного! И ради чего? Поспешил к месту боя. Двинул разок Кудрю, а Сагайдак сразу смылся. Хлопцы боевые, а против меня куда им? Тогда же я узнал — без соли и в самом деле наш товарищ путиловский не человек. Мучила его какая-то панская хвороба. Выручил я новичка. Вернул ему узелок с солью. А он тут же на меня. Кто бы подумал? Тут же за клуней стал меня крыть. Как это я посмел ударить красного бойца? Что это — обратно старый режим? Одно дело, если бы я был беспартийный. И то... Пусть бы лучше его, Куликова, побили казаки. Но чтобы коммунист в Красной Армии занимался мордобойством! Он это так не оставит. И что же? Настрочил на меня заявление. И тут же, как только зашли в хату.

Ночью латыши сделали свое. Мы и рванули. За трое суток всякое было. Обибли мы охоту у беляков. Не то что лезть на Красную площадь, а даже думать про нее. Деникин откатился к Льгову. Уже не он гнал Красную Армию, а Красная Армия гнала его... Через это самое надеялся я — заявление Кулика пустят под сукно. Не тут-то было! Борец за правду потребовал суда. И меня разбирали. Сразу же после рейда. Добре — пришли на разбирательство наши начальники. Военком дивизии Петровский и начдив Примаков. Пожурили меня крепко. Из партии, нет, не выкинули. А могли... Куликов требовал. Все шумел: «Пусть люди знают, что это новая армия, не старая! Армия рабочих и крестьян, не буржуев и помещиков...»

В рейде все путиловцы и москвичи показали себя здорово. Все они умели до боя хорошо поработать ленинским словом, а в бою — острым казачьим клинком. Как того требовал Примаков. А вскорости, в Льговском рейде, Куликов стал политкомом сотни. Скакнул. Нашего старого комиссара, черниговского, ранило. Это когда мы крошили на капусту под Льговом офицерню Марковского полка... Кудря же отпросился в другую сотню. Подальше от зла... Он не боялся ни петлюровцев, ни немцев, ни деникинцев. А вот страшился отплаты. Мести за соль. И зря, понимаю, опасался. Одно дело, считаю, постоять за общее дело, другое — за свою шкуру. Куликов своей шкуры не щадил. Вот и все, что мне известно. И еще — здорово пошли в ход путиловские. Вскоре стал комиссаром полка и тот, с панской хворобой. Товарищ Кулик, значит. Желая здоровья. Слава червонному казачеству!»

А что было после, видно из письма проживающего ныне в Ялте Петра Скугорова, бывшего заместителя комиссара 1-го полка червонных казаков:

«Ялта, 20 июля 1967 года. Добрый день! В отношении комиссара 1-го полка не знаю даже чего писать. Все, по-моему, Вам известно. Скажу лишь, что полюбили его наши казаки. Шли за ним в огонь и в воду. И когда рубили белочеченскую дивизию под Мерефой, и когда бились на Перекопе, и в рейдах на Проскуров и на Стрый. А та «панская» хвороба не покидала его до последних дней. Лечился он от нее одним средством. Потом уже сами казаки таскали ему соль торбами. Что он был в очках, то чепуха. Ни пули, ни шашки не страшился, а вот коня... А потом и к коню привык. Оказачился. Он наших хлопцев обольшевичил, они его оказачили. По взаимности. Мало того — наши ребята перекрестили его на Кулика. Так он и вошел в документы. Вот у меня сохранилась старая книга еще с 1923 года, со дня ее рождения. Выпускал ее комсомол Украины. Уцелела, несмотря ни на что... Так вот в книге «Червонное казачество» сказано: «В атаке убит военком 1-го полка товарищ КУЛИК. Суровый к себе и к другим, с суровой, закаленной жизнью душой. Его прощальный жест в сторону Махно решил судьбу махновщины. Ураганом пошел в атаку против банды 1-й червонноказачий полк, и тысячная банда была разгромлена». Как известно, много потрудился над той книгой Виталий Примаков. Те хватающие за сердце строчки о Кулике написал он. В статье, что зовется «Смертью героев».

Как раз в те дни на Полтавщине, в селе Решетилровка, махновцы окружили товарища Фрунзе и Ивана Кутякова — чапаевца. Их жизнь висела на волоске. Спасли их большевистская выдержка и многолетняя тюремная закалка. И наш комиссар-путиловец был из железа. И он мог спастись. Но... как говорили у нас про комиссаров — первый с клинком, последний с ложкой...

Описывать всего боя с черной гвардией батьки Махно не стану. Помню, по просьбе Примакова о нем рассказал червонным казакам под Каменцем Петр Григорьев. Это было во время смотра товарища Фрунзе осенью 1921 года. А я знаю вот это. Под Беседовкой Владимир Примаков, брат комкора, навалился на фланг черного атамана Щуся. Тому бешеному Мирону Кудре обязательно хотелось пополнить свою коллекцию трофейных головных уборов еще одним экспонатом — бескозыркой, — матросский головной убор очень уж любили махновцы. И он сшиб все же с махновца этот новый трофей, но

высочившие из балки всадники больше интересовались головами червонцев, нежели их головными уборами. Они перехватили отделкома. Кто-то крикнул: «Рубят Кудря!» Наш комиссар рванул туда. Вместе с ординарцами штаба врезался в гущу, кое-кого зарубил, а самого подвели очки... Уже наш левый фланг на спинах врага влетел в Беневку, когда прискакали ко мне с приказом — быть мне временно комиссаром полка... Чего я Вам добавлю про те дела? Хоронили всегда наших героев без слез. А тут плакал весь полк. И больше всех с посеченной головой казак Кудря... Слава червонному козацству! Привет».

В пожелтевших папках Центрального архива Красной Армии хранится вот этот документ:

«ПРИКАЗ

Командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма
г. Харьков, 16/7 1921 года

1. Почти все истребительные отряды, выделенные для ликвидации Махно, действовали нерешительно... Исключение в этом отношении составил отряд г. Григорьева, неотступно преследовавший банду... Приказываю всех отличившихся вместе с командиром отряда Григорьева представить к боевым наградам.

...3. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах и ввести в действие по телеграфу.

Командвойск Украины и Крыма Фрунзе
Начальник штаба Сологуб».

Память человеческая может дать уклонение в ту или иную сторону, чего уже не может случиться с документом. Вот мы и привели в свидетели бесстрастную и объективную документацию тех давних лет. В одной говорится о гражданском и боевом долге, выполненном целой войсковой единицей, в другой — о мужестве и величии души бойца-путиловца. О нем сказано в статье Примакова: «Его прощальный жест в сторону Махно решил судьбу махновщины». Тут почти нет гиперболы. Ибо после той ожесточенной битвы, в которой участвовали с обеих сторон потомки славных запорожцев, взяли верх те, которые шли под красным знаменем великого Ленина.

После Беневки и Грилевки Махно уже не мог оправиться. Разгромленный червонными казаками, он с остатком своих головорезов умчался к Днепру и дальше через Днестр в Румынию.

А как же решилась в те дни и какой ценой судьба мах-

новской армии, державшейся на поверхности Украины более трех лет? Не раз битые Красной Армией полки черного батьки отличались завидной способностью выходить из самых сложных затруднений. Так было во время их схваток с австро-германцами, с денкинцами и с нашими войсками.

Приведем рассказ командира Истребительного отряда Петра Григорьева, награжденного за ту операцию вместе со многими бойцами боевым орденом Красного Знамени. Рассказ относится к событиям 1921 года.

— Гонялись за батьком, дрались, воевали, били его, бил и он нас, чего скрывать... А все же мы пристукнули банду. И это сделали наши хлопцы — первый полк. Недешево обошлось это. Потеряли комиссара Кулика — хороший был товарищ. Погиб он с честью, в сабельной схватке. И других потеряли. В один день одних командиров одиннадцать человек. Зарубили гады Павлушку — моего кровного брата. Да, самые страшные бои были тридцатого июня. Махно хотел передохнуть: гнали мы его днем и ночью. Он выставил пулеметы, понастроил баррикад. Наша пехота нажала крепко. Часть банды кинулась на Беневку. Оттуда вылетел с конным дивизионом Иван Никулин, заставил их принять бой. Сам машинист молотилки с Черниговщины, Иван здорово тогда отмолотил черную гвардию батьки. Другая группа махновцев бросилась на фланг Никулина. Хорошо, что вовремя подоспел Владимир Примаков с двумя конными сотнями. Но тут появился сам Махно. Знаменитые его боевые тачанки. Под прикрытием пулеметов анархисты двинулись в атаку. Выручил товарищ Петкевич — ударил картечью. Махно снова атаковал. Тут его конница сшиблась со всей нашей кавалерией. Банда не выдержала. И вдруг убежавшие махновцы повернули. Самые отчаянные сделали еще одну попытку. Понимали — это для них последний из последних боев, что больше уж не гулять их бандитским шайкам по Украине. Они бросились в яростную атаку, но и наши хлопцы быстро распались. Не пощадили никого. Особо за Кулика... Убежал лишь Махно с приближенными. Пулеметы, обоз достались нам. Взяли знамя... Ходил тогда с нами замкомвойск Эйдеман. Ему и передали эту черную «святыню» махновцев...

Ныне эта «черная святыня» хранится в Киеве в Государственном историческом музее. Страна щедро отметила подвиг червонных казаков 1-го полка, возглавлявшегося Владимиром Примаковым и Иваном Куликом. Сорок восемь орденов Красного Знамени. Был тогда награжден и Андрей Степанович Иванов, уроженец Изюма. А за что? Дадим слово ему.

«Доброго здоровья Вам. Что я помню о бое с черной конницей под Беседовкой? Помню вот что. В том бою с батькой Махно погибли многие наши герои, командиры и казаки.

Товарищ Кулик первым врзался в гущу махновской конницы. Как и подобает пролетарию-путиловцу. В нескольких шагах от себя я увидел окруженного махновцами нашего комиссара. Не медля ни единой секунды, я бросился на выручку. Зарубил нескольких всадников. В этот миг анархобандиты отшатнулись от Кулика, и я увидел, что наш бесстрашный комиссар, истекая кровью, упал с лошади.

Я воспользовался некоторым замешательством махновцев, соскочил с коня, призвал себе на помощь одного казака, и вместе с этим товарищем мы вынесли смертельно раненного Кулика с поля боя.

Мы потеряли нашего боевого воспитателя-большевика, а черная конница батьки Махно, которая долго терроризировала мирное население Украины, перестала существовать.

Привет нашим киевским ветеранам! Слава червонному козацтву!

Москва, 17/7 1967.

А н д р е й И в а н о в».

Вот так из нескольких рассказов и составила повесть о доблести одного из героических сынов пролетарского Питера, в крутую минуту протянувших руку помощи мужественным сынам Украины.

Наши товарищи говорили: «Операция оказалась результативной, потому что поступила кровь родственной группы — ленинской». В честь того знаменитого переливания крови три года назад... Но лучше дадим слово газете «Ленинградская правда» (23/II 1964 года):

«Трудящиеся Петрограда послали свое знамя 8-й Червонно-казацкой дивизии, выражая ей огромную признательность за героизм в борьбе против белогвардейских банд. Связи питерских рабочих с червонными казаками росли и крепились. Путиловский кузнец Н. Федоров был командиром сотни, полка и дивизии червонного казачества. Рабочий С. Богданов — замечательным пулеметчиком.

Завод «Красный путиловец» шефствовал над 9-м полком червонного казачества...

Бывшие червонные казаки участвовали в героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Среди них — М. Духанов, командовавший 67-й армией. Ныне командующий войсками Ленинградского военного округа генерал

армии М. Казаков — в прошлом военком полка червонного казачества.

В январе 1964 года исполком Ленинградского Совета депутатов трудящихся присвоил двум улицам Кировского района новые имена: Червонного казачества и Виталия Примакова».

Имя червонного казачества — это и имя боевого комиссара его 1-го полка, путиловского рабочего Ивана Кулика, который шел в бой за дело трудящихся, не считаясь со своей «панской» хворобой и ради нерушимых законов боевого братства отдавший свою жизнь.

За полстолетия стерлись в памяти поколений имена многих командиров и комиссаров полков, дивизий, командующих и членов реввоенсовета армий и даже фронтов, но все их ныне уже безымянные деяния прочно вошли в историю как подвиг всего народа, как доблесть всей партии большевиков.

Так скинем же шапки перед памятью тех, кто отдал свою жизнь ради того подвига советского народа, ради счастья и торжества всего человечества и отдельного человека.

17. Слово и штык

Стояла сухая звонкая пора. Пышные липы Гоголевского бульвара вырядились в свой пестрый осенний убор. Их чуть поредевшая листва переливалась всеми оттенками червонного золота.

Люди, как всегда, куда-то торопились, может, и не замечая всей прелести необычно яркой осени. Не замечали и безмолвного укора в мудрых глазах бронзового Гоголя.

В один из последних дней погожего тогда октября на скамейке Гоголевского бульвара сидели только что назначенные в Кабул военный атташе и его помощник. Ждали часа приема высокого начальства. Нас — Примакова и меня — пригласили в Наркомат для последнего напутствия.

Шел 1927 год.

Два года назад в Китай Примакова сопровождала большая группа его соратников по червонному казачеству — Зюка, Кузьмичев, Петкевич, Столбовой. В прокуренном до отказа купе мы прощались с теми, кто уезжал на Восток, где в это время разгорался пожар революции, и самозабвенно пели популярную в годы гражданской войны самодельную песенку:

Тучки с громом прогремели, три дня сряду дождь идет.
Наши славные червонцы собираются в поход.

Что ни говори, а на чужой земле человек чувствует себя крепче, ощущая локоть близкого человека. Очевидно, это да еще диплом, только что врученный мне в Академии имени Фрунзе, побудили Примакова позвать меня с собой за Гиндукуш.

Ждать приема пришлось изрядно, и за это время мы с Виталием Марковичем наговорились... Надо прямо сказать — на сей раз создатель и вожак украинской конницы отправлялся за пределы нашей страны без особого энтузиазма.

Почти ровесники... Он был старше меня всего на четыре месяца. А по партийному стажу — на четыре года! И еще надо сказать: как деятель, Виталий стоял выше всех нас, его товарищей по походам и боям, на все сорок голов. Но он не давал это чувствовать никому. Обращался со всеми нами, как с равными, как с близкими друзьями. Ему было чуждо то, к чему прибегают некоторые не очень-то одаренные деятели, — «пафос дистанции».

В Китай в 1925 году бывший вожак червонных казаков ехал с величайшей охотой. Его горячее сердце революционера жаждало подвигов во имя мировой революции, во имя всеобщей победы пролетариев всех стран. Это если выразиться языком той эпохи. Но, помимо пламенной романтики, переполнявшей до отказа двадцатисемилетнего Примакова, было и иное. Напутствовал его добрым словом сам наркомвоенмор. И говорил ему товарищ Фрунзе, как важно, чтобы китайским революционерам пришел на помощь со своим боевым опытом признанный мастер конных рейдов. Во время той напутственной беседы на столе у наркома лежала объемистая книга, выпущенная в 1923 году в Харькове, — «Червонное казачество». В ее авторском коллективе комкор занимал не последнее место. Напечатаны были на одной из страниц того сборника и слова товарища Фрунзе: «Немного найдется таких соединений в Красной Армии, которые могли бы сравняться с Червонным корпусом».

Фрунзе, конечно, был наделен большой властью приказывать. Нарком! И к тому же наркомвоенмор. Но как большевик-ленинец он отличался особым умением говорить с человеком. И не только с командирами ранга Примакова. Об этом мне рассказывал и один из наших боевых комбригов, Иван Бубенец. Перед тем как направить его в быстро росшую тогда авиацию, Фрунзе пригласил его к себе и по-дружески напутствовал на новую стезю...

Теперь же нас вызвали не к наркому, а к начальнику

управления. К старому большевику Яну Карловичу Берзину, к бывшему царскому узнику.

Вот тогда Виталий жаловался на то, что со смертью Фрунзе он остался сиротой

Первый раз, по его словам, он осиротел, когда в 1920 году, не успев еще пожить, упла из жизни горячо любимая Оксана. Спустя год Виталий Маркович писал: «Жена моя, Оксана Михайловна Коцюбинская, умерла в январе 1920 года, во время родов, рожденный ею сын умер вместе с нею в один день. Это одно из крупнейших несчастий, меня постигших».

Второй раз он осиротел, когда в результате гайдамацких истязаний умер его отец — шумановский учитель Марко Григорьевич Примаков.

Третий раз, когда народ потерял Ленина... Четвертый — недавно, когда в расцвете сил угас Фрунзе. «А сирота, — довольно грустновато улыбнулся мой собеседник, — что тот горох при дороге...»

Глубоко вздохнув, он отметил, что за горячность, свойственную молодым годам, за срывы — спутников неопытности — приходится расплачиваться в зрелом возрасте. Мой начальник чуть разволновался. Мы все знали: вздулись ноздри нашего Виталия — значит, забурлила в нем горячая кровь. Мало того — он порывисто встал, и под его сапогами захрустел сухой гравий дорожки. Тогда асфальта было еще мало даже в нашей столице.

Я догадывался, о какой горячности и о каких срывах шла речь. Летом 1920 года Буденный наступал на Броды, Якир — на Почаев, а червонные казаки Примакова — на Подкамень. Памятные места! Вот летит на коне адъютант Ворошилова — Роман Хмельницкий. Приглашает Примакова в штаб Конной армии. А Виталий, очевидно чем-то ранее ущемленный, сгоряча ляпнул: «Я подчинен не Буденному, а Якиру. И то временно. Если я кому нужен, пусть едет сюда!..»

Да, слово не воробей... Это было. Факт, не говорящий в пользу нашего командира. Опять, видать, выпустил свои коготки теперь уже двадцатидвухлетний «Печенег»... Но этакое бывает и с более зрелыми людьми. Случается и похуже. И в то же время надо прямо сказать, не всем близок второй дар Прометея — забвение. И забвение смерти, и забвение зла.

Смотрел я тогда на своего старшего боевого товарища и думал — что сирота, это верно, но неверно, что ты придорожный горох. Правда, не было уже с нами великого Ленина. На II съезде Советов Владимир Ильич со своей ораторской

трибуны обращался и к незаметному делегату — солдату 13-го запасного полка из Чернигова. Спустя два года он уже хорошо знал Примакова и его бойцов. Не только знал, но настоял на том, чтобы в состав Ударной группы, этого надежнейшего заслона Тулы и Москвы, были включены червонные казаки Советской Украины. Ленин в телеграммах Орджоникидзе с решающих участков фронта не раз встречал хорошо известное ему имя Примакова.

Свою горячую любовь и преданность Ленину Примаков внушил и всем червонным казакам. В 1922 году он телеграфировал в Москву: «По поручению бойцов доношу — червонные казаки считают, что товарищ Ленин может ехать в Геную не раньше, чем туда вступит Красная Армия».

Не было с нами и великого полководца ленинской школы Фрунзе, который высоко ценил боевые качества украинской конницы. Но здравствовала большевистская партия. Жил еще Серго Орджоникидзе, который провожал Примакова в снежный рейд на деникинские тылы и потом писал Ленину: «Червонные казаки действуют выше всякой похвалы».

Еще гремели на базарных майданах Украины вещие голоса ее лирников и звенели струны их задумчивых бандур:

Ой, чога ж ви пожурились, степи України?
Пожурились, посмутились, бо нас пани вкрили.
Повставайте та звільняйтесь від паства, кріпацтва.
Дожидає нас, врятує червоне козацтво!
Ой, почувли козаченьки тугу степовую,
Веди, батьку Прймайченку, мы степ урятуєм...

Успокоившись, Виталий снова сел на скамью. Стал предугадывать, чем нам придется заниматься там, за тридевять земель. Он ясно себе представлял, что Афганистан не Китай. Ни о какой военной работе не могло быть и речи. И знал он хорошо, что Кабул — это стык наших и английских интересов на Среднем Востоке. Что если там и предстоит война с силами коварного Альбиона, то война негласная, война неприметная для простого глаза. А это уже была новая для него сфера. Правда, неизведанная, но он ее не страшился. И хотя считал, что и здесь, на Родине, есть еще для него широкое поле деятельности, он готов был всего себя отдать борьбе на новом поприще. Знал и то, что больше, нежели дома, там будет у него досуга.

Предвкушая встречу с многообразием восточной экзотики, он с восторгом говорил о том, что вот там наши перья разгуляются... Надо прямо сказать, вот той самой экзотикой и «завербовал» меня Виталий Маркович в свое закордонное турне.

В то время имя Примакова-литератора уже было широко известно не только в военных кругах. «Рейды червонных казаков», коллективный труд «Червонное казачество», рассказы о Китае — «Записки волонтера», затем книжка «Митька Кудряш».

В образе обаятельного рядового бойца Митьки Кудряша вожак червонных казаков, сменив клинок на перо, показал широким кругам советских читателей мужественный характер, чистую душу украинского парня, который не только делом, но и словом до последнего вздоха боролся за святое народное дело, за дело Ленина. Тем еще привлекательно это небольшое по объему, но значительное по своему звучанию произведение, что оно переполнено безграничной любовью автора, я бы сказал, нежностью, к тем, кого приходилось ему посылать повседневно в бой, в огонь, на смерть.

Под умелой рукой Примакова громили врага тысячи бойцов. Каждый из них жил в его мудром и горячем сердце. Жил не аморфной личинкой, а целеустремленной и ярко выраженной личностью. Таким вот и был герой его задушевного повествования, червонный казак Митька Кудряш, не личинка, а личность — рядовой представитель героической украинской конницы.

Когда зашла речь о будущих произведениях, Примаков залез в карман своих синих брюк, достал изрядно уже почерневшую походную трубку. С этой самой трубкой в зубах весной 1919 года он, под залповым огнем гайдамаков, повел своих бойцов через мост, соединявший Старый и Новый Изяслав. Вот тогда червонные казаки, восхищаясь бесстрашием своего командира, твердили в один голос: «Нашего Примака и пуля не берет!»

Задымив, он высказал интересную мысль — несочинителю трудно написать вещь, а сочинителю трудно ее напечатать. Но он не жалуется. Написать вещь, правда, очень и очень непросто, а в отношении публикации — пожалуйста! Тузы из больших редакций и те просят. Нет отбоя. Только вот времени мало. Но он надеется наверстать упущенное там, в Кабуле.

— Бог, — улыбнулся мой собеседник, — дал человеку две золотые десятки. Это от двадцати до тридцати и от тридцати до сорока. Самый расцвет сил... А потом пойдет серебро, за ним, увы, медь. Одна медь. Пожалуй, первая золотая десятка не растрочена зря. Но вот как будет со второй?..

Что ж? Можно прямо сказать, что и она, вторая «золотая десятка», оказалась полновесной. Ну, а до серебра Примаков так и не дотянул...

Лесть не была у нас в моде. Но я напомнил Виталию об успехе его «Записок волонтера» и высказал мнение, что его будущий рассказ об Афганистане читатель встретит так же тепло.

— «Уж сколько раз твердили миру...» — лукаво посмотрел на меня Примаков. — Ах, эти судьбы!.. Наш верховный судья — это читатель. А критики... Есть среди них такие... устраивают «громкие свадьбы» мертвым и «тихие похороны» живым... Я знаю себе цену. Я солдат шестнадцатой роты славного полка сочинителей. Но без шестнадцатой роты нет и полка...

Жаловался Примаков только на скудость словесной обоймы

— Вот, — в шутку досадовал он, — если б можно было как на фронте врага, догонять слова клинком или пойти на них глубоким рейдом... Хотя, — добавил он, — слово и штык — не враги. Наоборот — лучшие друзья. Так, например, считает Маяковский.

А я напомнил Виталию его старое высказывание, что в червонном казачестве удержится лишь тот комиссар и того комиссара полюбит казачья масса, кто до боя действует горячим ленинским словом, а в бою — острым казачьим клинком. Тут и слово, тут и штык!..

▪ Примаков повел плечом и сказал, что он этого не помнит.

Мало что приходилось говорить людям за четыре года походов и боев. Записываются и повторяются лишь слова великих, а он человек рядовой и писатель так себе. Вот Маяковский, с которым он недавно близко познакомился, — это сила, это великан, это гигант! И его оценят потом. Может, только после его смерти. «Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия...» Это мощь! Как Пушкин: «Глаголом жечь сердца людей...»

Виталий искренне сокрушался, почему не сбылась его мечта, которой он жил в Чернигове, в усадьбе на Северянской, когда они вместе с Юрием Коцюбинским, затаив дух, слушали горячие литературные споры старших — уже тяжело больного Михаила Коцюбинского с его молодыми коллегами Павлом Тычиной и Василем Блакитным.

В 1917 году, вернувшись из Сибири, он взялся было за перо. Громил на страницах киевского «Социал-демократа» меньшевиков, самостийников. Бегал в редакцию на Думскую площадь, чтоб схватить свежий листок со своей собственной заметкой. Но партия сказала ему: перо — это после, а вот клинок — это в первую очередь! И, забыв про свой дар литератора, Примаков стал кавалеристом!

В «Лукьяновке» после суда, дожидаясь более года этапа в Сибирь, Виталий много читал. За книги довелось повоевать с тюремщиками, вплоть до угрозы перерезать себе вены стеклом. И здесь сказался, видать, нрав «Печенег»... В тюрьме, чтоб скоротать время, Виталий пишет стихи.

Может, его волновало и то, что Оксана не без интереса вслушивалась в строчки, которые посвящал и читал ей молодой семинарист Блакитный.

И хотя Виталий в этом соревновании не мог выйти победителем, Оксана все же отдала предпочтение не признанному поэту, а стойкому революционеру, только что вернувшемуся из ссылки. Не стал Виталий лириком, хотя некоторые его стихи и были опубликованы.

В связи с награждением Демьяна Бедного Примаков писал в 1923 году:

В седельной кобуре и в сумке полевой
Твои стихи возили мы с собой.
На бивуаках, у костров,
Когда стихал орудий гром,
Веселый, острый стих звучал:
На новый бой, на подвиг звал...
Мы шлем привет Демьяну-кавалеру
За то, что поддержал в усталых Силу,
в массах — Веру.

Сокрушался Виталий, что в Харькове, тогдашней столице Украины, литераторы мало пишут о героических делах червонных казаков. Так и вовсе могут забыть о них.

С горечью и досадой Примаков вспомнил недавнюю беседу с одним военным товарищем. Шла речь о стихах Есенина. Собеседник Примакова сказал: «Такого рифмача надо лет на пять определить в Соловки, а потом пушай строчит». Хоть бы на шахты или на завод, так нет — в Соловки.

— Но... — усмехнулся Виталий Маркович, — хоть всегда и было больше мастеров запретов, нежели мастеров полемики, «бодливой корове бог рог не дает». Тот ненавистник поэтов, между прочим, недавно отличился... Выступал в Академии Фрунзе и врезал такое: «Солдатам говорили — поверните штыки, и они их повяргивали...» Вот этим «повяргивали» он уморил аудиторию. Люди тянутся к грамоте, учатся, но, увы, не все... Понимаю — иметь свое мнение о писателе, о книге — право любого отделкома. Но указывать писателю не положено и командарму. Вести литературу — дело партии, дело выбренных самими литераторами товарищей. Но если они, эти товарищи, начнут совать свой нос в стратегию государства, а на-

ши полководцы — направлять ход художественного творчества, то все мы превратимся в жестоко осмеянных Щедриным пошехонцев. И те и другие будут похожи на солдата, у которого носки вместе, а пятки врозь... Нельзя осуждать писателя за то, что он не повторяет передовиц, — продолжал Виталий. — Это конъюнктурщики берут из них не столько идеи, сколько формулы. А настоящий писатель — лишь одни идеи. Зато тот вояка всюду хвалил одного преуспевающего беллетриста. Я его назвал детским писателем. И мой собеседник очень обиделся на меня, когда на его вопрос: «Почему он детский писатель?» — я ответил: «Он пишет для взрослых, вставших в детство...» «Искра божья!» — усмехнулся Примаков. — Бог, который ею награждает, весьма скупая личность. Одному отвалит полный чувал тех самых волшебных искр, другому — лишь пыль от тех чувалов. В зависимости от того, как писатель использует божий дар, один становится великим гражданином, другой — великим обывателем... Сам бог — раздатчик «искры божьей», видит, как много великих талантов тратят свой священный огонь у пивных стоек... А иной, на все лады воспевающий царя природы — человека в своих книгах, в жизни пинает его ногой. Как и в древние времена, судьба устраивает свои непостижимые шутки — дарит человечеству великого мастера и великого хама в одной упаковке. Больше всего конъюнктурщиков и дает эта категория. А там, где вступает в силу закон мимикрии, гложет закон совести...

Не так давно известный прогрессивный деятель Канады Петро Кравчук прислал из Торонто напечатанное на грубой оберточной бумаге письмо червонных казаков к «вольным казакам» Петлюры. Этот призыв появился на свет в 1920 году в Тернополе, а оттуда попал в Канаду, чтобы спустя более сорока лет снова вернуться к нам.

Ценность обращения в том, что он полон аромата той бурной эпохи и что он создан пером человека, высоко ценившего силу правдивого слова.

Что ж? Мы помним то время, когда из-под пера Примакова появился на свет этот замечательный документ. Помним и тех одиночек из вражеского лагеря, которые с покорной головой шли к червонным казакам. Помним и те организованные боевые единицы, которые вопреки воле своих атаманов поворачивали штыки и громили полки пана Петлюры и пана Пилсудского.

Нет, слово не может заменить штыка, но оно должно слиться с ним в едином сокрушительном ударе...

18. Перо Примакова

Надо прямо сказать — были в ту пору командиры, которые умели хорошо воевать, но еще лучше — показать сделанное. Примаков был совсем иной. Он умел только вести за собой массы и сражаться.

Ездил он к матери в Шуманы. В Киеве, на Владимирском базаре, звучат еще песни слепых бандуристов о недавнем прошлом. Читал он «Червону Кобзу» Эпика, и больше о червонных казаках ни слова... Написал бы кто о наших людях вроде этого: «Блестая в латах, как в огне, чудесный воин на коне грозой несется, колет, рубит, в ревущий рог, летая, трубит...» Вот динамика, экспрессия, порыв!.. Вот бы сотую долю этой огненной силы ему, Виталию!.. Не просто гнать, а подбирать певучие рифмы — тоже не так просто. Он это знает... Мастер дела тот, кто умеет в стихах тонко изливать свои чувства. И лишь настоящий поэт хватается за душу умением выражать и будоражить большие мысли...

Из одних и тех же кирпичей тот лепит карцер, а другой — школы, один строит мрачный цейхгауз, иной — возводит сверкающий палац. Вообще великое дело — творить, фантазировать, домысливать. И все же сильные чувства вызывает лишь талант, тогда как разжечь сильные ощущения может и посредственность...

Ходил он недавно на литературный диспут в Политехнический музей. Конечно, творчество беззубо, если оно не бесит негодяев, лицемеров, мещан. Но досадно — рядом с исполняемыми, с витязями слова подвизаются пешки. И не в этом зло. Зло в том, что они «учат». Шепелявый не лезет в оперный класс, безногий — на танцкруг. А вот невежды рвутся на большую трибуну, чтобы учить других, а вернее всего — поучать.

Не нравились ему и некоторые лихачи из «Лефа». В этом ура-новаторском журнале, наряду с настоящими литераторами, рядились в «революционные» мундиры, выступали и сущие хулиганы слова. И поэты, пережегавшие возвышенный «штиль» самой оголенной похабщиной.

— Есть поэт-гражданин и поэт-скоморох, — говорил Виталий. — Есть поэт-патриот и поэт-матриот, то есть любитель мата... Ничто не может извинить неряшливости речи, — утверждал Примаков, не терпевший и командиров-матерщинников, — ни «нервы» одних, ни необузданность и заслуги других, ни терпимость третьих. Ни бесконтрольность, ни безнаказанность, ни распущенность, ни лихость, ни стремление усилить действие команды, ни желание унижить нижестоящего, ни

потуги оскорбить виновного, ни желание «поощрить» отважного не могут оправдать сквернословия нашего человека.

Надо, чтобы все — и начальник, и подчиненные, и самые младшие, и самые старшие, и в классе, и в поле, и в атаке, и после нее, и перед лицом друга, и перед личиной врага, и в добре, и в гневе — одинаково чтили и святое имя матери и добрую славу родного языка.

О чем говорит неуважение к родной речи? Оно говорит прежде всего о неуважении к человеку. Человек? За его достоинство лилась кровь на Перекопе, на Висле, на Амуре. Я слышал одного ругателя. Он очень хорошо говорил о человеке с трибуны, а потом, когда перед ним предстал не абстрактный человек, а конкретный... Да! — покачал головой Виталий Маркович. — Иные широко шагают, но шадят людей — это настоящие деятели. Но есть и такие: широко шагая вперед, они попирают людей — это деляги!

В широко раскрытых глазах Примакова блеснули зеленые огоньки. Все чаще подносил он ко рту чубук трубки. И стал он вспоминать. Заговорил о сотнике-поляке Добровольском, старейшем червонном казаке. Случился с ним грех — проиграл всю получку сотни. Шум, крик, топот в штабе — прискакала возмущенная боевая орава. А тут им сказали: Добровольского будут судить. И скорым судом полевого трибунала. Притихли казаки. Пошущукались, а потом вновь загудели, потребовали лист чистой бумаги, усадили за стол своего грамотея, наспех составили раздаточную ведомость. Огрызком карандаша почти все расписались в получении месячного оклада. А неграмотные засвидетельствовали это, с усердием тиснув бумагу большим пальцем. Ворвались в трибунал, а оттуда вынесли на руках своего легкодумного, но боевого командира.

Тут же Виталий сказал, что писатель подобен судье. Тот и другой судят дела и слова людей. А потом объявляют к всеобщему сведению свой приговор. Но если судью прежде всего и больше всего интересуют факты, а потом уже обстоятельства, то для настоящего писателя главное — это обстоятельства, ибо только они помогают раскрыть душу человека. И опять же сокрушался, почему судьба обошла его. Ведь есть же волшебники слова...

И роптал Виталий Маркович зря.

Вот новелла «Песня», написанная им уже после Афганистана: «Бубны глухо загудели под переборами пальцев, загудели в ритме, в лад под плясовую, и в лад взмахнул бунчуком бунчужный, гремя серебряными тарелками и бубенцами. Все веселей и веселей под пальцами и рукоятками нагаек шел на

бубнах плясовой перебор, все громче гудели, гремели и звенели тарелками и тарелочками бубны, когда запевалы, толкнув один другого локтем, разом подняли веселый, высокий и частый напев плясовой. И уже после первых слов подхватили песенники, а за ними полк, и плясовая с высвистом, с гиком, под громкий рокот бубнов закружилась над полками, — и казалось, кони пошли бойчее, и самые сонные и невыспавшиеся после ночной стражи казаки окончательно проснулись и пришли в себя».

Если бы можно было тогда, в тот солнечный осенний день на московском бульваре, процитировать этот примаковский пассаж, наверное, сам творец Тараса Бульбы, славного полководца Украины далеких дней, добродушно ухмыльнувшись, утешил бы украинского полководца современности и посоветовал ему не очень-то обижаться на скупость судьбы.

А вот отрывок из его «Записок волонтера»:

«Этот превосходный обычай, введенный Фэн Юй-сяном, — занимать под казармы старые кумирни и монастыри — сэкономил войсковой казне не одну сотню тысяч. И китайский народ, малорелигиозный вообще, не в обиде... Солдаты Национальной армии имеют великолепные чертоги, не всегда, впрочем, удобные: боги любили пышность и были равнодушны к комфорту.

Под сенью старых деревьев члены общества «Гэлаохой», ставшие солдатами Национальной армии, проходят военную подготовку, занимаются спортом, танцуют превосходный танец «Дао» и слушают доклады гоминьдановских лекторов...

Старые боги, с прекрасным равнодушием улыбающихся бронзовых лиц, наблюдают эту жизнь, и их руки подняты в неизменном благословляющем жесте...»

Выступал Виталий и в роли историка своей боевой части. Это было в самом начале 1919 года.

Вскоре после освобождения Харькова от петлюровцев столичная газета «Бюллетень Харьковского Совета рабочих депутатов» 9 января 1919 года дала следующую публикацию:

«7 января Временное рабоче-крестьянское правительство Украины постановило: в годовщину образования 1-го полка червонного казачества вручить ему от имени правительства Красное знамя.

Знамя это будет вручено полку на передовых позициях 9 января н. ст. Прилагаем краткую справку о деятельности полка.

«Краткий очерк истории 1-го полка червонного казачества.

В ночь на 27 декабря ст. ст. прошлого года по распоря-

жению народного секретаря Украинской Рабоче-крестьянской республики т. Шахрая был разоружен 2-й украинский полк. Разоружение было произведено 3-м батальоном 2-го украинского полка, сагитированным мною и т. Шахраем и перешедшим на сторону Украинского рабоче-крестьянского правительства при помощи броневой машины, присланной Главковерхом т. Антоновым.

На развалинах 2-го украинского полка был создан 1-й полк червоного казачества, в состав которого лег 3-й батальон 2-го украинского полка, пополнившийся хлынувшей волной добровольцев. Организация полка была поручена мне и теперешнему моему помощнику, атаману 2-го куреня т. Барону. Полк формировался в течение недели, после чего, по распоряжению Муравьева, был двинут на Полтаву.

При наступлении на Полтаву полк шел в авангарде, первым вошел в Полтаву и занял почту, телеграф и телефон, потеряв нескольких человек убитыми и ранеными. В Полтаве полк доформировался, один курень полка под командой покойного т. Сиверса был двинут на Бахмач, другой — под моей командой — на Киев. Полк принимал участие в бою под Киевом, оказал там некоторые услуги рабочей армии, зайдя в тыл неприятелю через Пуца-Водицу, на Куреневку и Подол, для чего переправился через Днепр по льду возле монастыря Межигорья. В Киеве часть полка под моей командой напала на неприятельский авиапарк и испортила 12 аэропланов, вредивших нашей армии. При отступлении из Киева полк входил в состав сводного отряда, начальником которого был т. Чудновский, и, находясь в арьергарде, принимал участие в обороне Дарницы. Дальше он был брошен на Бахмачский участок, принимал участие в четырехдневном бою под Бахмачем, после отступления от Бахмача дрался под Григоровкой, под Талалаевкой, Ромнами, Лохвицей, Ахтыркой, Гутами, Пересечной и участвовал в ряде мелких стычек с неприятелем.

В период эшелонной войны полк почти все время действовал походным порядком. По окончании украинской кампании полк в апреле 1918 года был брошен на Донской фронт, участвовал в осаде и штурме Новочеркасска, в боях под Кривянской, Персияновкой и в ряде других боев с донскими казаками.

Затем, доформировавшись в городе Почепе, на Черниговщине, полк участвовал в бою под Воробьевкой, под Каменной слободой. В августе — сентябре у гайдамаков 2-го Запорожского полка захватил два орудия трехдюймовых и девять пулеметов в бою под Михайловским Хутором и под Б. Андрий-

ковичами, во время которого один батальон полка после упорного боя был разбит сводной немецкой бригадой из 101-го, 104-го и 438-го полков. После этого в декабре полк был брошен в наступление на Суджу и Мирополье, где в нескольких боях заслужил у немцев почетное название.

Из Мирополя полк был взят для наступления на Харьков, в который он вошел вместе с другими частями в 8 часов вечера в день взятия Харькова. Из Харькова полк был брошен в наступление на Люботин, который и взял при поддержке броневое поезда и 5-го полка фланговым охватом неприятеля.

Наступлением руководил я лично. Ст. Люботин захватила сотня интернационалистов под командой т. С. Туровского.

Затем полк двинулся дальше и на глазах у неприятеля ворвался на ст. Майский разъезд, захватив в обеих станциях богатую военную добычу: много вагонов, больше 10 паровозов и автомобилей, за что получил личную благодарность начальника дивизии т. Бобырева.

Старые кадровые казаки полка, адъютант Б. Кузьмичев, казаки Одерий, Добровольский и др. участвовали с полком больше чем в 25 сражениях, другие же — в 20—23 сражениях, как сотник конной Гладюк и др. При полку за непродолжительное время сформирована сотня интернационалистов, которой командует т. Маркутан.

Атаман 1-го полка червонного казачества В. М. П р и м а к о в».

Очень хотелось Примакову сделать портрет самого колоритного командира полка червонного казачества Пантелеймона Романовича Потапенко, которого из царской каторги освободила революция. Всем нам он напоминал Тараса Бульбу. Такая же мощная и яркая фигура. В записках «На Украине» автор упоминает его несколько раз, но лишь вскользь. И еще мечтал он обрисовать архиерейскую карету, которую командир полка держал лишь для особых гостей. Особым гостем мог стать и вернувшийся из лазарета боевой казак. У Потапенко их было немало.

А вот как бывший барвенковский кузнец принимал молодых краскомов. Звал новичков-командиров на конюшню. Давал им щетки, скребницы, конскую амуницию. Сам ходил вокруг и косил глазом. А потом собирал всех: «Вот ты, парень, пойдешь в сотню. Будет из тебя добрый командир. А ты, товарищ, погоняй лучше до канцелярии. Подшивать бомажки тоже надо со старанием...»

К командиру полка, который был старше его на полтора десятка лет, наш начальник дивизии, а потом командир кор-

пуга относился, я бы сказал, с домостроевским почтением. Как это воспитывало в нашей молодежи уважение к старшим!

Любил Примаков вспоминать узкоколейку Чернигов — Круты, по которой поезда двигались со скоростью волов. А главное — идилию на станции Вересочь. Предусмотренная расписанием пятиминутная стоянка порой растягивалась на целый час.оборотистая начальница станции не позволяла мужу отправить поезд, пока она не распродаст пассажирам свои бисквитные торты...

Виталий не отрицал и домысла. Иначе не сказал бы он: «Славно перо, умеющее отобразить опыт жизни. Вдвойне славно перо, которое способно выдумку поднять до уровня опыта жизни. И трижды славно то, у которого домысел не отличим от жизненной правды. Верно — как из зерна растет корень и колос, так и из зерен правдивой жизни вырастают пышные цветы и сочные плоды домысла... Как это ни странно, при оценке произведения того, кто делает факты, и того, кто для написания книги собирает факты, преимущество всегда на стороне последнего. Так как для первого всегда наготове вопрос: «А не фактография ли это?»

Конечно, тому, кто собирает факты, в произведении того, кто их делает, любой домысел, работа художественной мысли, осмысливание факта будет казаться простым пересказом виденного и услышанного.

Что такое факты и что такое домысел? Факты — это голые берега, а домысел — это мост, сообщающий этим берегам какой-то определенный смысл. Чисто деловой, утилитарный — если это бесхитростная кладка из двух жердочек, переход через трясины и практически-эстетический — если это Бруклинский мост или же мост Патона.

Непревзойденны красоты днепровских берегов с их живописными склонами, особенно золотой осенью. И все же это лишь одна природа. Но вот в природу (факты) вторгается человеческое воображение (домысел), и на тех же, но уже преображенных днепровских берегах появляется сооружение, потрясающее взор своим изумительным практически-эстетическим смыслом. Мост Патона, известное всему миру чудо, очаровывая умы, преобразил и берег, который является его опорой.

Так и в литературе: в настоящем произведении искусства домысел не столько питается фактами, сколько их преображает. И настолько, что несведущим людям они кажутся ординарным фотоснимком. И чем жизненной и правдоподобней домысел, тем хуже его автору...

Да, не только из фактов рождается домысел, а домысел,

воображение сами рождают факты, и настолько правдоподобные, что сам автор начинает в них верить. Но для этого надо, чтобы он в тончайших деталях знал и ту жизнь и те события. И подробнейшую структуру берегов (фактов) и запас прочности материалов, из которых будет возведен мост (домысел).

В ту пору Примаков восторгался творчеством Третьякова. Думаю, не без его влияния военный советник Фэн Юй-сяна, командующего войсками Северного Китая, вернувшись на родину, сотворил чудесную книгу «Записки волонтера» (гражданская война в Китае).

Пора была тогда сложная. И хотя весь мир знал, что по приглашению вождя китайской революции Сунь Ят-сена отправилась на Восток большая группа советских товарищей, почему-то об этом не писалось. Больше ничто не принуждало автора выступить под мифическим забралом английского волонтера-революционера. Но все тогда знали: лейтенант Аллен — это и есть вожак украинской конницы Виталий Маркович Примаков.

Книга пользовалась большим успехом. Уже в то время она стала библиографической редкостью. Это была первая работа о Китае, написанная советским человеком, перо которого могло вполне соревноваться и с пером Третьякова и с пером Эгона Эрвина Киша. Ведь писал книгу не сторонний наблюдатель, а активный участник событий, можно сказать, их творец. Как и Блюхер — ведущий консультант генерала Чан Кай-ши на юге Китая, Примаков был главным советником маршала Фэн Юй-сяна на севере.

Попав в необычную обстановку, столкнувшись с чужой средой, с порядками в сеттльментах — этих злокачественных наростах на огромном теле Китая, автор — военный советник — не без тонкой иронии пишет: «Ведь нигде в мире нет таких удобств: не выходя за городскую черту, можно познакомиться с юрисдикцией всех великих держав, кроме одной — самого Китая, спящего четырехсотмиллионного гиганта».

Рикша — человек-конь. Примаков, помня, для какой цели доктор Сунь пригласил в Китай советников, оценивает эту категорию тружеников по-своему, по-военному. Он отмечает изумительную выносливость рикш, способных бежать несколько километров без отдыха... Из таких скороходов, а их миллионы, можно создать отличную пехоту... И это раздумья солдата. Ведь с нашей точки зрения хорош только мыслящий солдат.

Примаков предвидит, что Китаю суждено пережить процесс,

аналогичный тому, что пережила Россия. Миновав эпоху проволочной связи, он прямо шагнет в эпоху радио.

Советник Фэн Юй-сяна интенсивно знакомится с китайским искусством, посещает театры, оперу.

Потрясенный высоким искусством древних архитекторов, художник так излагает свои впечатления:

«Дворец состоит из идущих в гору легких одноэтажных зданий, соединенных ажурными переходами из драгоценного дерева и бронзовыми галереями, издающими низкий серебряный гул, когда идешь через них. С этих башен открывается чудесный вид на озеро и видна та гора в Пекине, где последний император из династии Мин убил своих триста жен и покончил самоубийством, когда в город ворвались маньчжуры...»

Примаков хочет учить китайцев всему новому, но это не так легко. В Баодинфусской школе сильно еще влияние японских и немецких инструкторов, не желавших иметь в Китае сильную армию...

И что ж? Выслушав обстоятельный доклад, подкрепленный доводами младших советников, маршал Фэн одобряет инициативу Примакова, решившего написать специально для китайской армии «Полевой устав», который учитывал бы и современное оружие и современный опыт.

Лучшими в примаковских записках являются строки о народе, который представлялся автору отнюдь не как одноликая масса. Мы осязаем живой Китай: «Тихий крестьянский великой равнины, привыкший к упорному труду и плохому вознаграждению... Приморский Китай, буйный, полупиратский. Создавший мировую торговлю перламутром и жемчугом, первый вкусивший от плодов великих цивилизаций Запада — спирта, миссионерских поучений и матросского сифилиса...

Горный, давший энергичных, несколько суровых и полудиких героев военных легенд...

Китай дальнего запада, полукочевой и совсем дикий...

Китай Маньчжурии, богатой и суровой страны, строящей девятиэтажные пагоды и давшей Пекину династию пышных и жестоких богдыханов...

Китай дальнего юга — родины опиума и зеленого чая, где леса перевиты лианами и остатки древних племен мао и лоло охотятся на больших обезьян...»

Если обратить внимание на одно место записок Примакова, то становятся понятными некоторые сумасбродные претензии нынешних вершителей судеб Китая. Вчитаемся в те строки:

«Генерал Тан обратил наше внимание на огромный плакат... Плакат изображал карту Китая в его прежних границах, а косыми штрихами была отмечена территория провинций и селтльментов, отнятых у Китая. На поверхности штриховки сделана надпись: «Эти земли уже больше не наши». ...Называется эта карта «картой национального позора». К числу провинций, которые обозначены «отнятыми», относятся область Владивостока, Монголия, ставшая республикой, дальний Туркестан, Индокитай, острова Гонконг и Тайвань и территории селтльментов и концессий. Размах несколько широкий...»

Приближался час приема.

Чтобы попасть к начальству, надо было только перейти трамвайную линию, по которой с лихим звоном летели вагоны «А», названные москвичами «Аннушка». Нельзя сказать, что в свое время «отцы города» не пеклись о людях. Еще до революции два трамвайных кольца были к услугам москвичей. Одно, Бульварное, замыкавшее центральную часть города, и Садовое, с трамваем «Б», охватывавшее широкий пояс в одном километре от Бульварного кольца.

Мы пересекли трамвайную линию. По тротуару от Арбатской площади к Кропоткинской шли двое — знаменитый скандальными выступлениями поэт и его подружка. Следом за пестро одетым стихотворцем бодро шагал породистый сенбернар в строгом наморднике. Поздоровались. Поэт остановился. Стал звать к себе в гости на чашку крепкого чая. А Виталий ответил: «Благодарю покорно... Боюсь злых поэтов и талантливых собак...»

И после, когда живописная парочка удалилась, Примаков добавил:

— У одного есть имя, нет мужества. У другого есть мужество, нет имени. У этого есть и то и другое. Только растрчивает он их в кавказских духанчиках...

Переступая порог здания бывшего Александровского юнкерского училища, в котором помещался Наркомат обороны, Примаков сказал:

— Этот домина, построенный царем, напоминает мне тот кирпичный бастион царского самодержавия, в котором меня судили двенадцать лет назад. В Киеве как раз против «Богдана» стоят так называемые «присутственные места». «Почему же их так окрестили?» — думал я часто. И пришел к выводу: потому, что в рабочие часы чиновник неотлучно присутствовал

на своем месте... Будем надеяться, что там, в высоком кабинете, нас ждут.

Начальник управления говорил с нами весьма мягко, расположительно. Виталий Маркович, нахмутив лоб, попросил его напомнить наркому, что он дал согласие лишь на короткую поездку в Кабул. Самое большее — на год, полтора. Раз надо, то надо! И тут же, к моему величайшему изумлению, добавил, что после его отъезда из Кабула место военного атташе не будет пустовать...

Ввиду каких-то особо важных обстоятельств Примакову предложили выехать не позже 2 ноября, хотя мои документы еще оформлялись в афганском посольстве. Начальник управления обещал Примакову, что я не задержусь и, возможно, даже нагоню его в Ташкенте.

На улице уже Виталий, как я заметил, более задумчивый, чем прежде, сказал, что моей поездкой я его крепко выручу. Когда придет время покидать Кабул, никто не скажет, что некем его заменить. Он большевик и знает, что такое партийная дисциплина. Мог бы он, правда, постучаться к Серго Орджоникидзе или же к Григорию Ивановичу Петровскому. Но не в его обычаях искать покровителей.

Когда-то пришлось сменить перо на клинок, а теперь он сменит клинок на перо. Хотя здесь, дома, дел невпроворот. И мог бы он, наконец, взяться за настоящую работу. Ведь военное дело стало для него родной стихией. И он помнит сказанные ему накануне отправки в Китай слова. Ведь надо учитывать, кто их сказал. Такие люди рано или поздно выполняют обещанное...

Да! То были необычные слова и необычное обещание. Както, это было в 1925 году, слушатели Военно-воздушной академии Петровский (бывший комиссар червонного казачества), Марьямов (бывший комиссар полка), Владимир Примаков (бывший командир полка), Кушаков (бывший начальник оперативного отдела штаба) пригласили своих товарищей к себе в общежитие на Фурманьный переулок (у Красных ворот). На той встрече Виталий сообщил нам конфиденциально о его беседе в Кремле. Там ему сказали, что советовались с Серго и считают, что очень популярного среди донского и кубанского казачества кавалериста надо перевести поближе к Дону, в Северо-Кавказский военный округ, а Инспектором кавалерии Красной Армии следует назначить Примакова. Вот только надо получить согласие Климента Ефремовича.

И тогда, когда мы собирались в Афганистан, знаменитый рейдист еще не терял надежды. Он верил, что высокое слово

рано или поздно будет подкреплено согласием наркома. Наш старший товарищ мечтал, исходя из новейших требований жизни, перестроить советскую конницу, снабдить ее всем тем, что сохранило бы за ней ее первоначальную ударную силу. «Я люблю кавалерийское дело — конница ярче всего отражает живой дух революции, его силу, порыв, энтузиазм», — писал он.

Да, Примакову не довелось возглавить советскую конницу. Хотя он, как никто, был бы там на месте. Как не пришлось царскому политкасторжанину, барвенковскому ковалю Пантелеймону Потапенко получить в командование дивизию, хотя он своими подвигами и боевым опытом, своими революционными делами ее заслужил. Его последняя должность в 1937 году — помощник командира 9-й кавалерийской дивизии в Гайсине.

В Донецком областном военном комиссариате хранится его дело. Жена и сын полуинвалид-каменщик, проживающие в Константиновке, получают за П. Р. Потапенко военную пенсию. В деле бывшего червонного казака и лучшего командира полка примаковского корпуса в годы гражданской войны можно увидеть интересные свидетельства тех давних трений.

Командир корпуса Михаил Демичев в 1931 году так аттестует Потапенко: «Должности помкомдива вполне соответствует. Достоин продвижения на должность комбрига отдельной». Командующий округом Якир пишет: «Согласен с комкором». А кое у кого свое мнение: «Занимаемой должности не соответствует и с бригадой не справится. Подлежит использованию по коневодству».

Спустя год Демичев так оценивает своего боевого командира: «Занимаемой должности вполне соответствует. Зачислить в кандидатские списки на должность командира дивизии».

Прошло еще три года. Ближайший начальник Потапенко командир 9-й дивизии Константин Ушаков, легендарный воин Средней Азии, кавалер трех боевых орденов (их было на всю Красную Армию тридцать два товарища), так аттестует своего помощника: «Подлежит выдвижению на должность командира дивизии вне всякой очереди». А командир корпуса добавляет: «Согласен».

Мы большой компанией провожали Виталия с Казанского вокзала. Спустя неделю с того же перрона меня увозил поезд на Восток. Но не в Кабул. Вернувшись после проводов Примакова домой, в академическое общежитие у Храма Христа,

я застал там вызов к начальству. 3 ноября в кабинете Берзина я услышал, что начальство решило — пусть Путьна в Токио, а Примаков в Кабуле поработают пока без помощников. Пусть чуточку поостынут... Что Джунаид-хан вновь шалит в Каракумах, и меня посылают туда.

Друзья червонные казаки, провожая меня в далекую Туркмению, по-хорошему, издевались надо мной, прожужжав мне уши арией Карася: «Теперь я турок, не козак...» Вот тогда-то я впервые и закурил, распечатав пачку китайских сигарет — примаковский подарок.

И вышло так, что мне об афганской экзотике писать не довелось. Ну, а у Виталия слово не разошлось с делом. В Кабуле он не бросался на яркую восточную экзотику, хотя там ее было вдоволь. Взявшись со всей свойственной ему энергией за изучение совершенно незнакомой страны, ее людей, их жизни и борьбы, он написал великолепную книгу «Афганистан в огне». Впрямь там, за Гиндукушем, и разгулялось его талантливое перо...

19. „Слуга аллаха“

Нет у нас антагонизмов, свойственных враждебным классам. Но противоречия... Ведь без противоречий нет и жизни. И бывает иногда так, что иные последствия противоречий не уступают последствиям антагонизмов...

За десять лет, прошедших после тех памятных дней, за те сто двадцать месяцев без ста двадцати дней, отпущенных судьбой «бесстрашному рейдисту», сделано было им немало и пером и штыком. Правильнее, конечно, клинком. Как и рассчитывал Примаков, в Кабуле он находился недолго.

А все же за то короткое время, которое Виталий провел в Кабуле, он полюбился там всем. Ханские советники оценили его куда выше «легендарного героя» Востока, проницательного и умного англичанина Лоуренса. Выдержка и такт, природное спокойствие и рассудительность, которым он учился, по его же словам, у своего учителя и тестя Михаила Коцюбинского, пошли ему впрок. Безукоризненным тактом и знанием восточных обычаев тридцатилетний советский военный дипломат покорил самого Аманулла-хана.

И вспомнил о нем могущественный повелитель в крутую минуту своей жизни. Обскуранты, умело подстрекаемые интриганом Лоуренсом, восстали против прогрессивных реформ хана. Вот тогда, в 1929 году, по его просьбе Примаков, с со-

гласия Москвы, возглавил военных советников ханского трона. И даже облачился для этого в присланный ему золототканый халат. Вместе с другими правоверными из лояльного войска хан отслужил пышный молебен в главной мечети Мазари-Шерифа. И горячо молил всевышнего о победе. И аллах не остался глух к этим мольбам. Даровал войскам одоление над мятежниками, но не даровал стойкости самому хану. Не имея мужества дождаться результатов решающей битвы, он умчался искать пристанища в соседнем Иране. Прослышав об этом, дрогнуло и ханское войско.

Сняв халат правоверного, Примаков в Средней Азии повоевал еще против Ибрагим-бека. За эти заслуги страна наградила его третьим боевым орденом Красного Знамени.

Чудесная страница из биографии советского военачальника! О ней много писала иностранная пресса, называя Примакова «советским Лоуренсом». Но, думается, Лоуренсу было очень и очень далеко до Примакова... Отпустила бы ему судьба больше дней, и дал бы нам сам Виталий Маркович яркое описание афганского похода, в котором его блестящий клинок отставивая трон короля, в то же время боролся за дело мировой революции. Диалектика!

Встретились мы с Виталием вскоре после его возвращения из того необычного похода. В ту комнату я входил не без священного трепета. Маяковского уже не было, а в скромном кабинете, казалось, все еще звучал волшебный голос поэта. Здесь поэт ночи напролет ворочал «тысячи тонн словесной руды единого слова ради». Мы сидели с Виталием на широкой тахте. А в трех шагах, прислонившись к стене, освещенный настольной лампой, стоял тот самый стол, за которым о всех замыслах и свершениях ленинского Кремля, подвиге сдавленного огненным кольцом советского народа составлялись скупыми, но разящими поэтическими строками боевые рапорты грядущим векам и поколениям. Там родились слова: «Я славлю Отчизну, которая есть...»

Это не могло не придать какого-то особого колорита всему тому, что говорил мне в тот вечер «советский Лоуренс».

Дымя походной трубкой, Примаков, с кипой иностранных газет в руках, поведал мне много интересного из его встреч с мятежниками на афганской земле. Тогда же шутя он сказал: «Никогда не думал, что мне, царскому могильщику, придется воевать за реставрацию царских тронов...»

Самодержавие — зло, утверждал мой собеседник, и Амманула был неприкрытым самодержцем. Его сменил иной монарх, Баче-Сакао, — выскочка из унтеров. Но из двух зол

выбирают меньшее. Большее зло было то, которое на очень короткое время утвердилось в Кабуле с помощью английского разведчика Лоуренса.

А любое самодержавие и любое самоуправство держится на идолопоклонстве. Лишь народы, способные оценить опыт веков, не могут опуститься в черную яму идолопоклонства. Где идолопоклонство, там идолы (самодержцы). Где идолы, там жрецы, а где жрецы, там и жертвы. Не так страшны идолы, как страшны жрецы...

Вспомнил Виталий одно высказывание: «...до чего мы дики... сколько холопьего, идололюбческого живет в темных, запутанных душах наших. Мучительно стыдно». И тут же сообщил, что эти строки еще в 1910 году с Капри в Чернигов прислал русский Буревестник Буревестнику украинскому. Что с Юрием, старшим сыном писателя, они без устали перечитывали то письмо, пахнувшее, как им казалось, морской пеной Средиземноморья и итальянскими оливами. Те строки не раз приходили ему на память в горячее лето 1918 года, года гнева и мести, в нейтральной зоне, где украинское народное войско с нетерпением ждало сигнала: «Вперед!»

А те силы состояли из полурегулярных полков и из партизанских отрядов, каждый со своим атаманом и атаманчиком — этими уездными и волостными микронаполеонами, из числа которых, может, лишь половина стала настоящими советскими командирами. Украина ждала своих избавителей, но даже после падения кайзера еще не сразу была дана команда «Вперед!».

Множество отрядов уже переформировалось в стройные полки 1-й и 2-й Украинских советских дивизий. Много партизан со своими атаманами примкнули к червонным казакам. Но тогда еще были и такие воинские части, которые дорожили не лозунгами партии и повстанческого штаба, а словом атамана, не нуждами Украины, а интересами своей волости, были боевые единицы, которых объединяла не воинская дисциплина, а круговая порука.

Атаманщина и партизанщина — прямое следствие того же идолопоклонства, тех же поисков кумиров. Выскочит вперед какой-нибудь мелкий тщеславец, а тут сразу же его окружает свита крупных подхалимов — и пошла писать губерния! Вот атаманствовал и знаменитый Черняк, но вовремя остановился, стал крупным командиром в Красной Армии, а атамана Гребенко занесло. Он стал врагом... Окружавшая его свита крупных пройдох внушила ему, что он и впрямь готовый Наполеон. Приехавшего в штаб Гребенко Затонского

они даже собирались расстрелять. Вот что наделало идолопоклонство, вот как прав был Горький!

И тогда же Виталий Маркович, многозначительно сдвинув брови, добавил, что он не мыслит себе общества без руководителей и руководимых. Он за демократию, а перед решениями партии он всегда стоит руки по швам. Не позволяет себе вольничать и перед старшими товарищами по партии и по армии. Но мы должны уважать авторитеты, не кумиров, признавать руководителей, не повелителей. А высшим образцом идеального руководителя был, есть и будет Ленин.

Если ему, Примакову, претят кумиры и повелители, то почему они должны нравиться его подчиненным? Вот поэтому он категорически протестовал против попыток окрестить червонных казаков именем их командира. И впрямь, бойцы Конного корпуса звали себя червонными казаками, червонцами, красноармейцами, большевиками, ленинскими казаками, но не примаковцами.

Вот это и был настоящий партийный дух, дух «Буревестника»! Долгие годы дух «Буревестника» витал над поверженной Россией, он прочно господствовал в доме Коцюбинских, в котором рос Виталий. Этим духом и большевистской закалкой он в семнадцать лет держался перед грозным царским судом, черпал в них силы, чтобы не сломиться под напором сибирской тайги, опирался на них в жарких словесных схватках с меньшевиками, самостийниками; проникался ими и тогда, когда надо было строить первое украинское регулярное войско, и в те дни, когда самозабвенно вел его грозные полки в бой...

А главное — не хотел он вместо поверженных в прах старых идолов создавать новых и не хотел, чтобы в идола обратили его. Хоть это и сказано в священном писании, но под влиянием той же народной мудрости и горького опыта века прошлые зывали к векам грядущим: «Не сотвори себе кумира!..»

И вспомнил Виталий Маркович кое-что из того, что ему довелось слышать в Китае, до Афганистана еще, то, что запечатлелось в его памяти на всю жизнь. Речь шла о так называемых китайских церемониях. Будто это дань старине? Арханизм? Но это было не так. В 1925 году открывался конгресс гоминьдана, тогда еще вполне революционного. И вот началась церемония. Делегаты стоя отвесили сначала три поклона знамени гоминьдана, а потом — один поклон своему вождю и создателю партии доктору Сунь Ят-сену. Вот где богатая символика! Вот где яркая манифестация против идолопоклонства!

Отец Примакова,
Марк Григорьевич
Примаков, запоротый
немцами в 1918 году.

Юный Примаков.

Оксана
Коцюбинская.

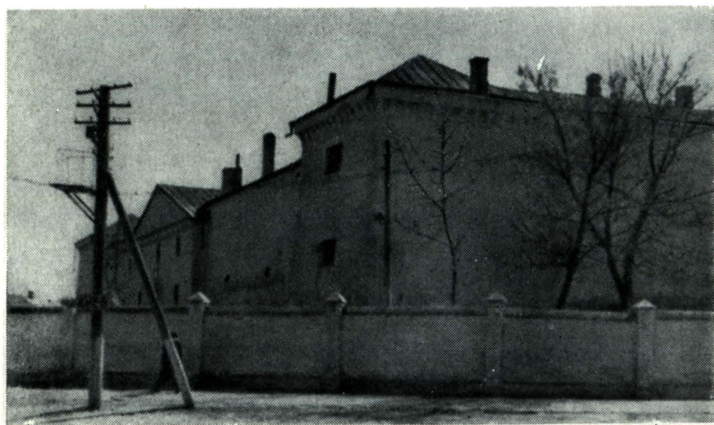

Михаил
Коцюбинский.

Страница из статейного списка на ссыльного поселенца В. М. Примакова.

Черниговская тюрьма, в которой сразу после ареста в 1915 году содержался В. М. Примаков.

В. М. Примаков.

Червонные казаки в походе.

Пантелеймон Романович
Потапенко.

Командарм И. П. Уборевич у червонных казаков. 1-й ряд, справа на лев о: С. А. Туровский, В. М. Примаков, И. П. Уборевич, И. В. Шувев, П. П. Григорьев, М. А. Демичев, П. Я. Ляховенко, Ф. И. Пилипенко. Ноябрь 1920 года.

Групповой снимок 2-го взвода 3-й сотни 7-го червонноказачьего полка. В центре (3-й ряд сверху): командир взвода С. Худяков — будущий маршал авиации. Изяслав. 1923 год.

Передача представителями ЦК комсомола Украины знамени червонным казакам. Винница. 1922 год. В центре стоят: В. М. Примаков, Д. А. Шмидт, М. Г. Багнюк.

В. М. Примаков. 1923 год.

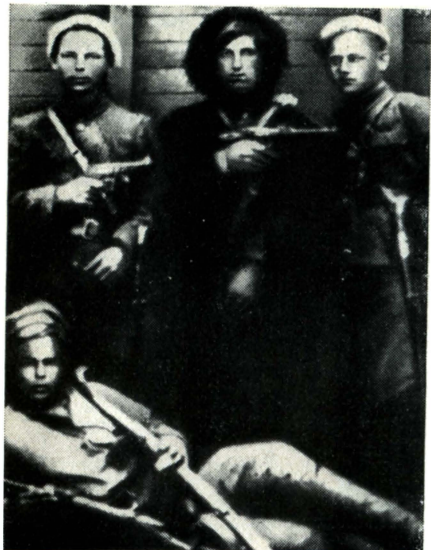

**Владимир Иосифович
Микулин.**

**Полусотник А. С. Иван-
нов, награжденный ор-
деном за отличия в бо-
ях с бандой Махно. Си-
д и т—политработник 1-го
полка Ладный.**

В. М. Примаков
со своими
адъютантами.

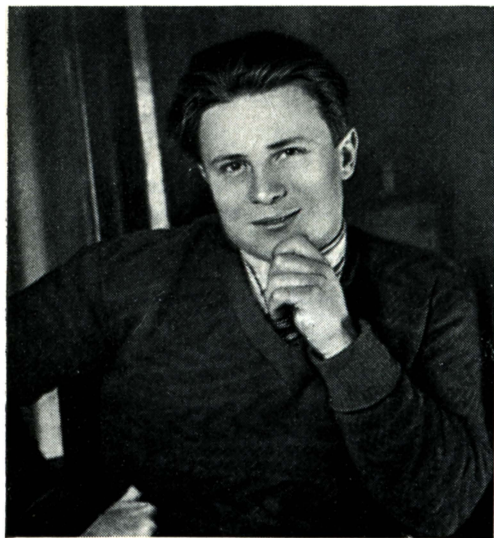
Червонные казаки. В
центре — комвзвода
Иванов, справа —
сотник Еремин, сле-
ва — казак Петруха,
лежит — казак Суббо-
та. Снимок сделан за час
до боя с Махно под Бе-
седовкой, в котором
черная конница заруби-
ла сотника Еремина.

Червонные казаки. В центре: Г. П. Сазыкин, питерский рабочий, доброволец червонного казачества. До недавнего времени возглавлял в Ленинграде крупный железнодорожный строительный трест.

М. А. Демичев, командовавший после Примакова 1-й дивизией червонного казачества, а с 1932 года — Первым конным корпусом червонного казачества.

Приблудный Иван

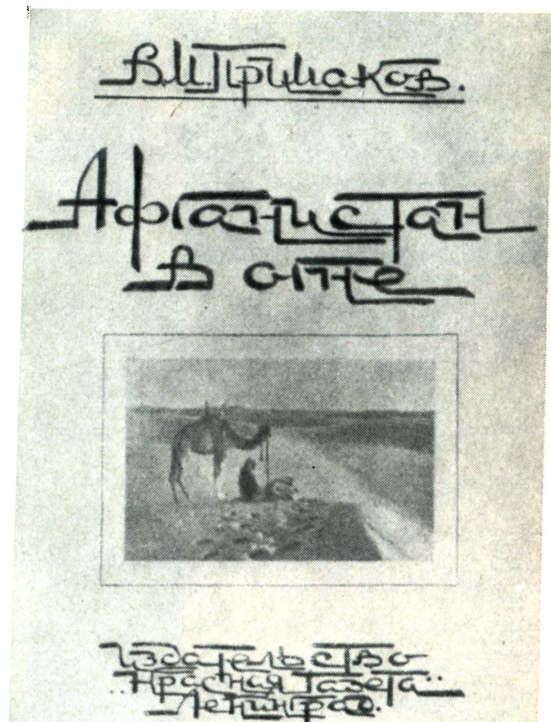
Обложка книги
«Записки волонтера».

Солдаты Фэн Юй-сяна.
Фото В. Примакова.

Примаков на горе Шат-и-Дарваз в Кабула. С ним Скитали-Вейс и Демидовы.

Обложка книги В. М. Примакова «Афганистан в огне».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и ММ ВКП(б).
№ 352 (5218) 3 декабря 1934 г. понедельник ЦЕНА 10 КОП.

15-Я ГОДОВЩИНА ПЕРВОЙ ЗАПОРОЖСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ ЧЕРВОННОГО КАЗАЧЕСТВА.

ДВАЖДЫ ОРДЕНОНОСНАЯ.

15 лет назад, в трудные дни гражданской войны, родилось знамя червонного казачества. Сформировалась на основе кавалерийской бригады черноморских казаков, воевавшая в первом же дни своей боевой истории, показала себя как могучая вооруженная сила революции.

Боевые успехи, героические содружественные действия дивизии, во случаях, — один из них была битва, сражавшаяся еще в 1917 году за торжество пролетарской революции на Украине, выигранная в январе 1918 г. на Кавказе, контрреволюционные предательства Центральной рады, Украинские концессионеры, рабочие, батраки и бедняки — крестьяне провели суровую школу марксистской борьбы с начала и до конца. Они были закалены в школе классово-капиталистической борьбы. Своими собственными усилиями, героизмом и беззаветной преданностью революции они вывели боевую мощь главных частей червонного казачества, внесли организаторский дары Дивизии под Орлом в Крым, под Харьковом и Бердичевом, громили Врангеля под Переволочной и на Южубовских позициях.

Пусть молодые поколения трудящихся знают историю героической дивизии и великой славы ее боевой дивизии. Пусть

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА 1-й ЧЕРВОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА СОЮЗА ССР.

За достигнутые успехи в боевой и политической подготовке 1-й Червонной казачьей дивизии, за активное участие личного состава дивизии в деле социалистического строительства страны и отечества во время заслуги в период гражданской войны, — Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:
Наградить 1-ю Червонную казачью дивизию орденом ЛЕНИНА.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН.
Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
А. ЕМУКДЗЕ.

Москва, Кремль. 29 ноября 1934 г.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР.

2 декабря 1934 г.

Подразделен бойцам, командирам и политработникам 1-й Запорожской Кавалерийской Дивизии Червонного Казачества с 15-й годовщиной войны и доблестной службы социалистической родине.

Постановление ЦИК СССР, приказ народного комиссара обороны, редакционная статья «Правды» о награждении 1-й дивизии червонного казачества орденом Ленина.

Представители французской и немецкой компартий на праздновании 15-летия червонного казачества в Проскурове. 1934 год.

В. М. Примаков. 1935 год.

Ветераны червоного казачества на праздновании в Хмельницком в связи с установкой мемориальной доски на доме, в котором долгие годы до Великой Отечественной войны размещался штаб 1-й дивизии червоного казачества. В центре — ветераны дивизии маршал войск связи И. Т. Пересыпкин и генерал-майор А. Д. Ветошкин. 1965 год.

Встреча ветеранов червоного казачества с красными следопытами Белоцерковской средней школы. В центре — генерал-лейтенант И. И. Карпезо, бывший командир 10-го полка.

Парк имени В. М. Примакова в Киеве.

Книги ветеранов червоного казачества.

Червоный казак. Плакат.

Против кумиров, против идолов. Три поклона знамени, то есть партии, и всего лишь один поклон ее создателю и вождю...

Но в 30-х годах уже не было великого доктора — человека, искренне преклонявшегося перед гением Ленина. Уже гоминьдан изменил светлomu учению Сунь Ят-сена, хотя демагогически прикрывался им. С идеями Сунь Ят-сена боролся против них. Уже партию возглавил предатель Чан Кай-ши. Тогда перевернули вверх ногами и китайские церемонии. Теперь в Китае, говорил Виталий Маркович, отвешивают по три поклона пигмеем Чан Кай-ши и по одному поклону партийному знамени гоминьдана... В Китае чтили доктора Суня, а теперь там заставляют чтить Чан Кай-ши. Но страшна та вера в вождя, которая требует не верить другу. А там теперь это так, подчеркнул Виталий, не переставший живо интересоваться китайскими делами.

Мало того — там, в Китае, в калганском военном клубе, один словоохотливый генерал повторил как-то высказывание их древнего политика. Оно звучит приблизительно так: «Человек ищет жену красивую и покладистую, а любовницу — сверкающую лоском и умом. Не замечая недостатков, человек приписывает им несуществующие достоинства. Так и народ — он хочет волевых, мудрых и чутких правителей. Не грех, если он им приписывает несуществующие качества. И большой промах, если он замалчивает их пристрастия, пороки и прегрешения...»

И тогда, в том доме, где раньше жил Маяковский, Виталий достал из лежавшей на столе полевой сумки написанную по-китайски книжечку. Меж ее страниц хранились листки с русским текстом. То был подаренный Фэн Юй-сяном своему советнику «Трактат о военном деле», написанный знаменитым полководцем У-Цзы.

Оказывается, мой старший товарищ не собирался пичкать меня премудростями ратного дела допотопных времен, а обратил мое внимание на то место, где древний философ говорил вовсе не о военных делах. «В древности все, кто заботился о государстве, непременно прежде всего просвещали свой народ и любили своих людей. Что значит любить народ? Это значит действовать так, как выгодно народу, а не так, как ему вредно. Это значит — созидать, а не разрушать. Беречь жизни, а не убивать. Давать, а не отнимать. Доставлять радость, а не страдания. Успокаивать, а не раздражать. И еще — когда безвинных не подвергают наказаниям, это означает, что народу дают жить!»

Прочтя с чувством последние строки, Виталий Маркович адресовал предателю Чан Кай-ши несколько далеко не лестных эпитетов и добавил, что вот У-Цзы, живший за четыре века до нашей эры, по крайней мере в своих высказываниях, является настоящим мудрецом.

Пряча в сумку «Трактат», Примаков высказал твердое убеждение, что на благодатной почве, тщательно возделанной доктором Сунем, не удержаться японским марионеткам. В основном потому, что там снова в загоне ораторы и в почете милиционеры. Рано или поздно Китай станет коммунистическим, а Чан Кай-ши будет изгнан.

Все еще кипя злобой против палача китайского народа, Примаков, по-своему переделав знаменитые слова Маркса, сказал: «История повторяется, но теперь уже не ез главе с титанами, а с пигмеями».

20. Крестник чекиста

В ту встречу мы с Примаковым вспомнили одного исключительно одаренного нашего питомца. Виталий Маркович достал томик стихов «Тополь на камне». Полистав его, он с чувством начал читать:

Погоним, покормим коров,
Повынесем яблук из сада,
И каждый румян и здоров,
И каждому больше не надо.
 А в сумерки мать за столом
 Нам теплую сказку расскажет,
 Накормит лапшой с молоком
 И медом пампушки намажет,
И так от ворот до ворот,
Полями возвращенные дети,
Мы самый беспечный народ
На этом измученном свете.

— Здорово! — сказал Виталий. — Как будто про всех нас, возвращенных полями детей сказано... А вот и местный колорит: «Повынесем яблук из сада...» Слово «повынесем» москвич никогда не скажет...

Необычную судьбу одаренного и не в меру дерзкого автора тех примечательных стихов, к сожалению ныне почти забытого, мы хорошо знали.

...Начнем рассказ по порядку. Иван Крылов, грозный особист одной из бригад червонного казачества, ненавидел контрреволюцию. Наши армейские чекисты знали свое дело. Пользовались всей премудростью разведчиков, чтобы расстроить ка-

верзы врага. При случае ходили в бой вместе с сабельными сотнями. Таковым был и Крылов.

А бывало, в самую горячую пору наш особист забирался в глухие урочища, в пользовавшиеся дурной славой хутора. Спросит строгую хозяйку, можно ли зайти, можно ли присесть, можно ли закурить. А зайдя, присев и закурив, начинал прямо с дела, без хитроумных заходов:

— Мамаша! Я добре знаю — вашего сына зовут Антон, а я Иван. Ему двадцать три годка, и мне столько же. Я езжу на коне, и он не слезает с лошади. По нем болит сердце ваше, и по мне горюет душа моей матушки...

Тут наш чекист сойдет с места, приблизится к хозяйке, деликатно пощупает рукав ее кофточки.

— Вот этот ситчик, не сомневаюсь, ткали у нас в Москве, на Трехгорке. Вся моя родня там гнула горб и гнет. Раньше — на хозяина, ныне — для народа. Там и мои старики, и брат Петр, и Марина с Марией — сестры. Знаю, мало попадает вам того красного товара, так и моя матушка пишет — скудно у них с хлебушком. А почему? Потому что много хлеборобов не сеет, не жнет, а в лесных землянках самогонку хлещет. А взять меня — шатаюсь вот тут по лесным хуторам. Вместо того чтобы мне слать вам ситчику, а вашему Антону отгружать нам хлеб, мы тут шлем друг другу пули... Это же не дело. Пора взяться за ум, мамаша...

Тут хуторянка, растроганная логикой особиста, уже тащит из подполья крынки со сметаной, а Иван отодвигает все эти соблазны и строго говорит:

— Нет, мамаша, не дотронусь и до вашей воды. А вот ежели сюда, за этот стол, в субботу, как стемнеет, придет ваш Антон, то и самогонки с ним выдую полную сулею. Ну, конечно, при вашей подходящей закуске... Я буду без оружия, а ваш сын — как хочет.

Заметив в глазах женщины и тревогу и надежду, он успокаивал ее:

— Мамаша! Я бы мог десять раз сцапать вашего хлопца. Если не живого, то мертвого. Раз плюнуть! Но мне не сцапать его надо. Мне надо, чтобы он, прохвост, сам пришел в сельсовет с повинной. И ежели суждено ему быть прощенным, то пусть ходит за своим плугом не с оглядкой, а с высоко поднятой головой, как ходит честный воин. Ошибавшийся, но честный...

И что ж? Доверившись голосу материнского сердца, приходил — правда, не без опаски — Антон с хутора к Ивану с Пресни...

Гремя стаканами и обсасывая косточки молодого поросенка, оба жарко спорили до рассвета. Бывало, что чубатый Антон хватался за обрез, но тут же на его порывистое плечо ложилась мудрая рука матери, утиравшей слезы кончиком ситцевого платка, возможно, и вытканного родней Крылова. А когда заголосят третьи петухи, Иван встает и строго говорит своему разгоряченному собеседнику:

— Так вот, хлопче, пока была ночь, мы с тобой чокались стаканами, а с зарей чокаться будем нашим оружием, я — своим наганом, ты — своим обрезом. Помни: я для тебя чекист, а ты для меня — бандитская морда, потлюровский выскребок. И сюда, на ваш хутор, я приду или же тебя ловить, или же твоей матери поклониться. Иначе меня и не жди. Выбирай...

И что же? Крепко придерживаясь данного слова, наш особист снова приходил на те, пользовавшиеся дурной славой хутора, чтобы поклониться мудрым деревенским матерям. Приходил и пил там не только воду...

Совершил наш Иван «нарушение» и тогда, когда его сотрудник «Конотоп» влюбился в телефонистку сельсовета. Это было весной 1921 года под Липовцем. Настоящая фамилия влюбленного была другая. А прозвище дал ему Крылов за то, что и его самого мало кто называл по фамилии, а больше «Пресня».

Молодые полюбили друг друга. И какие в те грозные дни могли быть свадьбы? Ни загсов, ни дворцов бракосочетаний... А все же они, свадьбы, были... Вместо пения скрипок молодых благословлял звон острых сабель, кодекс революционной совести заменял клятвы у амвонов, вместо ароматного шампанского молодых пьянила крепость первых горячих поцелуев...

На свадебный ужин к молодым пришел не только Крылов. Он привел и своих сотрудников... За выпивку в те сугубо пуританские времена командир лишился места, а комиссар — и партийного билета. Чекист же, в зависимости от ранга пьянки, мог потерять и голову... Очень просто! Но не слишком-то могли разгуляться родные невесты. И все же нарушение...

Снаружи, наблюдая за подступами к школе, ходил надежный страж-страховка и от дурного глаза и от дурной пули. Скорее даже от пули... Время было такое!.. И вот в разгар веселья поступил сигнал: «Чего-то новый ездовой тачанки все крутится близ школы. Нет-нет и рванется к окну...»

Самый молодой и в то же время самый бдительный уполномоченный выпалил:

— А что? Говорил я, дело нечистое... Взяли мальчика на свою голову! И еще этот «Кобзарь» за пазухой... Видел тако-

го артиста! Присмотрелись — за пазухой вместе с «Кобзарем» камень. Маскировка...

Крылов вышел во двор. Спустя минуту ввел в дом подростка, на котором военная гимнастерка и синие штаны с лампасами висели мешком. Но в глазах его сверкали огоньки. И ни тени испуга на лице, что более всего разочаровало сверхбдительного. От протянутого бутерброда парнишка наотрез отказался. Тогда Крылов спросил, пронизывая его взглядом сквозь толстые стекла очков:

— Что, тезка, наскучило возле лошадей?

— Мне лошади не наскучили... Спасибо... Доверили мне удобу. А это я так... Вот хочу им прочитать стих. — Он широко улыбнулся невесте. — Значит, по случаю такого большого дела...

— Что, стих Тараса Шевченко? — ехидно спросил тот, кто всюду видел подвохи, и перевел взгляд на грудь паренька, гимнастерка которого оттопыривалась лежащим за ней «Кобзарем».

— Могу и Тараса Шевченко. А я хочу свое почитать, вот:

О чернобровая Украина,
Мой край премудрый и простой,
Какая сказочная тайна
Твой затуманенный простор!
Покину кручи и байраки,
Покину хаты в рамках нив,
И кто-то долго будет плакать,
Косою очи заслонив...

Голос паренька все крепчал и крепчал, а мать невесты — учительница — от изумления так и застыла с широко открытым ртом... И лишь потом, когда разошлись гости, она долго говорила с Крыловым о его юном ездовом.

Слух об украинской боевой голоте, которая своими острыми саблями крошит гадов направо и налево, долетел и до глухой, разоренной Деникиным Старобельщины. Долетел вместе с задушевными народными думами о ее славном вожаке.

Стать червонным казаком сделалось неотступной мечтой подпаска Ивана Овчаренко. И упругий ветер хмельной мечты гнал его неудержимо из далекой Луганщины к Днепру через всю Украину. Надежным и верным парусом юному Ивану служил припрятанный за пазухой «Кобзарь».

В декабре 1920 года паренек появился в Тараще. Там стояла 2-я Черниговская дивизия. Изможденный, оборванный, он вызывал у одних жалость, у других подозрение. Крылов, поверив пареньку, сказал: «Будешь у нас ездовым!» А потом, когда требовалась тачанка, особист командовал: «Пусть лошадей подает Приблудный...»

Лошадей Иван любил. И умел ходить за ними. Выезд со-
держал в полном порядке, хотя ему и было пятнадцать
лет. В постоянных разъездах не расставался с «Кобзарем». До-
жидаясь начальства у тачанки, все мусолил карандаш,
что-то писал на обрывках бумаги. Потом читал своему тезке
собственные стихи. А тезка не забывал наставлений учитель-
ницы.

Обложка книги стихов Ивана Приблудного.

Осенью 1921 года Крылов послал со своим письмом Ивана Овчаренко в Москву. Секретарь райкома партии Красной Пресни Григорий Беленький определил паренька в интернат для одаренных ребят. А из интерната, который находился в Серебряном бору, Иван попал в Высший литературно-художественный институт имени Брюсова. Валерий Яковлевич помог молодому червонному казаку стать настоящим поэтом. Стихи его

появились в печати не под его настоящим именем, а под именем, которое ему экспромтом присвоил Крылов: «Приблудного».

В одном из стихов юный лирик обращался к Есенину:

Я еще слаб, мне едва восемнадцать,
Окрепну и песней поспорю с тобой,
Будем как дома — шуметь, смеяться,
Мой стройный, кудрявый, хороший мой...
Эта ли встреча так дорога мне,
Шелест ли тронул так душу мою...
Тополь на севере! Тополь на камне!
Ты ли шумишь и тебе ли пою!!!

После той встречи с Примаковым, спустя два года, вышла еще одна книга поэта — «С добрым утром». И это была лебединая песня одаренного лирика, славного бойца украинской конницы.

Лексика бывшего ездového прорвалась все же в одном его стихе:

Эти строчки, игривые строчки,
Как игривую юности кровь,
Запрягу в запятые и точки
И отдам под надзор пастухов.

Приблудный вспоминает полный смертельной опасности путь червоннь казачков:

Как такие злые дали
Безбоязненно прошли?
Под Проскуровом не пали,
Под Хотиним не легли?

Вот письмо, полученное мною от Сергея Бородин:

«Ивана Овчаренко я не только хорошо знал, но и подружил с ним. Большое воспитательное значение имела для него не столько студия Брюсова, сколько круг людей, в который вошел Приблудный. В этом кругу и сложились его отношения с Никитинскими субботниками...

Он писал много, хорошо читал стихи наизусть, свои, Есенина, Клюева, Блока. Читал нараспев, хриповатым, будто бы простуженным на ветрах гражданской войны голосом, запрокинув голову и слегка раскачиваясь, всей позой подражая Есенину... Позже Есенин привык к Ивану, и они часто вместе выступали.

В моей памяти он остался краснощеким, жизнерадостным парубком, любившим привлекать к себе внимание какой-либо экстравагантностью, любившим (в подражание Есенину) изредка покуролесить... Думаю, что этими бравада-

ми он и задел кого-либо из тех, кто мог и захотел его погубить...»

Вспоминаются вещи слова Куприна: «Искусство все перетерпит и все победит». Сила может пресечь дорогу таланту, но не уязвить его. Это та самая сила, которая в беседе с Примаковым требовала Соловков для поэтов...

Наш великий гуманист Алексей Максимович Горький заботился о советских поэтах, и особенно о молодых, совсем пиному. Приведем выдержку из письма Горького секретарию альманаха «Земля и фабрика» С. А. Обрадовичу:

«...Но если хотите, могу дать совет: как можно больше внимания молодежи! Как можно больше бережливого и заботливого отношения к ней! Из намеченных Вами сотрудников в «молодежь» я включаю Ар. Веселого, Казина, Н. Тихонова — как поэта и как прозаика, — А. Фадеева, — отлично талантливые люди. А почему не пригласить Леонова, Катаева, А. Платонова, Ив. Приблудного и еще многих!

Будьте здоровы, крепко жму руку.

А. Пешков».

Многие хорошо знают, что путь нашей молодой литературы был извилист и довольно тернист, особенно для юных, увлекающихся сердец. И мудрые правоведа вернули советскому народу настоящего поэта.

Делая только свои первые, еще робкие шаги и обращаясь к учительнице Варваре Васильевне Курячевой, Приблудный мечтал:

У неизведанных дорог,
на много лет и зим,
мне миром задан был урок.
И я им одержим.
Пусть далека глухая дверь,
пусть непосильна кладь,
мне все равно ее теперь
уже не избежать.
...Пока не выпадет мой день,
завещанный векам,
пока на высшую ступень
экзамена не сдам.
Когда же сдам и запою
легко и наизусть,
тебя, наставницу мою,
благодарить вернусь.
В село, где каждый белый дом
на все дома похож,
где в самом белом и большом
ты и теперь живешь.

Сбылась мечта поэта. Через проникновенные строки луганской газеты, сказавшей доброе слово о рано умолкнувшем певце-земляке, Приблудный вернулся в свое село, где «каждый белый дом на все дома похож».

...Сбылась мечта и особиста-дзержинца. После червонного казачества он вернулся к «ситчику». На протяжении сорока лет обеспечивал советских воинов всем «вещпайком», начиная с портянок, вещевых мешков и кончая парашютами, генеральским драпом.

Ныне он живет в родных местах — на Пресненском валу. При встрече с друзьями тех грозных лет Иван Крылов очень тепло вспоминает своего крестника — червонного казака Ивана Приблудного, с его «хриповатым, будто бы простуженным на ветрах гражданской войны голосом». И ныне он его видит темно-русым кареглазым пареньком, в несколько мешковатой гимнастерке, с «Кобзарем» за пазухой... С «Кобзарем», не с камнем...

21. Шпага Примакова и сабли червонцев

После Китая, после Пскова, в котором Примаков возглавлял стрелковый корпус, после двух поездок в Афганистан Виталий Маркович недолго работал в Японии. И все же из Страны восходящего солнца он вернулся с солидным грузом впечатлений.

Его блестящий очерк «По Японии» вышел под псевдонимом, как и его труд о Поднебесной империи. Имя автора, Витмар, расшифровывалось довольно просто — Виталий Маркович.

Примаков в той книге выступает и как острый публицист и как незаурядный художник. В стране, утверждает очеркист, земли и риса предостаточно. Чужие земли японскому народу не нужны, к ним тянутся лишь жадные руки империалистических хищников.

Много внимания уделяет автор зловещей роли в судьбах народа императорского двора, генштаба, концернов, банков, а также мировых хищников — сначала наблюдателей, а потом и активных участников событий. «Тихоокеанская проблема, главным элементом которой является китайский рынок, будет решаться империалистами путем вооруженной борьбы».

Слова Витмара сбылись спустя восемь лет. Началось оно с Пирл-Харбора: воздушного нападения японцев на базу американского флота.

Меткое слово находит автор записок для передачи своих богатых впечатлений о различных сторонах жизни страны — о японских богах, о выезде минадо, о землетрясении, о чайных плантациях, о гейшах, о японском фашизме, о парламентских нравах...

Очерк начинается эпиграфом из сочинений кичливого японского полководца древности Хидеоши: «Пойду за море и, как циновку, унесу под мышкой Китай».

А буря внесла в этот план свои коррективы — она раскидала флот хвастливого завоевателя.

Шел 1933 год. С версткой новой книги я полетел в Ростов, к Примакову.

Заглянув вместе со мной к командующему Дмитрию Наширину, одному из первых оренбургских казаков-большевиков, его заместитель Виталий Маркович привез меня к себе. За столом все интересовался житьем-бытьем наших ветеранов. Услышав о том, что боевой командир из шахтеров Домбровщины Иван Хвистецкий работает объездчиком в Жмеринском лесничестве, он весь потускнел и тут же стал соображать, как помочь товарищу.

После обеда с хозяином дома мы пошли в его огромный, казармоподобный, скромно обставленный кабинет. Прежде чем просмотреть привезенную мною верстку, Виталий, теперь уже выглядевший солиднее своих тридцати пяти лет, достал с полки книжку «Первая червонная».

Потом, взявшись за свою трубку, он заговорил о том, что надо готовить народ к новым испытаниям и к новым подвигам. Потому что там, в Берлине, в кабинет имперского канцлера рвется черная сила. А если она еще станет хозяином рейхсвера, тогда... И, ткнув трубкой в лежавшую на столе иностранную карту, сказал, что вот он готовит труд о том, чему немецкий генштаб учит своих генералов и офицеров. Пусть об этом узнают все наши товарищи, вся Красная Армия, чтобы потом нас не застигли врасплох...

После Японии, после командования стрелковым корпусом в Свердловске, вместе с большой группой крупнейших полководцев, в которую входили Якир, Дубовой, Уборевич, Дыбенко, Примакова послали усовершенствоваться в германскую, еще догитлеровскую, военную академию. Вот по своим берлинским впечатлениям он кое-что сделал...

— Народ и молодежь в особенности, — сказал автор будущей книги, — должны учиться на подвигах наших замеча-

тельных дивизий — Якира, Дубового, Федько, Чапаева, Азина, Котовского, Щорса, Буденного, Осадчего, Крапивянского.

Тут Примаков перевернул обложку, шмуцтитул «Первой червонной», положил свою небольшую ладонь на портрет. Блеснули в его глазах зеленые огоньки. И сказал, заметно волнуясь, что он весьма уважает этого товарища, но ведь не он создал и вел в бой червонных казаков. Он не тщеславен, но во всем нужна справедливость.

И опять подтвердилось положение диалектики: отсутствие антагонизмов не исключает наличия противоречий...

— Противоречие, — говорил как-то Виталий, — берет начало не извне, а в нас самих. Голова решает: надо больше напилить дров к зиме, а руки протестуют — устали. В купе твой лучший боевой друг, но ночью — это уже лютый враг: он храпит. Ты идешь на риск и рвешься в глубокие тылы противника, а твой сосед требует, чтобы ты никуда не уходил, оберегал его фланги. Противоречия! А ведь оба служим одному делу. Без противоречий нет жизни.

Виталий сказал, что недавно в Москве, в Центральном тире они встретились с наркомом. Климент Ефремович похвалил Примакова: «В очках, а как лупит...» После стрельбы они тепло побеседовали. И, видать, все старое забыто. Мне показалось, что все это очень радовало и окрыляло заместителя командующего Северо-Кавказским военным округом.

— Был у знаменитого Ротшильда племянник, — усмехнулся Виталий. — Дядя-банкир ему помогал, но дела у родственничка не процветали. Пришел он однажды к своему покровителю, а тот: «Опять деньги?» Племянник ответил: «Нет, дядюшка, пройдите со мной один лишь разок по Парижской бирже». Ротшильд выполнил просьбу — и дела племянника расцвели... Так и со мной. После той беседы в тире случилось чудо — кто со мной не здоровался пять лет, за пять километров козырял. И вот с ампула «летучего голландца» попал я на живую работу, в армию... Это могло бы, думаю, случиться и раньше. Но надо было напомнить кое-кому о его обещании... Мог бы это сделать один человек — Серго... Так не в моей натуре просить о себе...

Я вспомнил инцидент на польском фронте — приезд адъютанта Романа Хмельницкого в штаб к Примакову и дерзкую реплику Виталия в адрес Буденного. И попутно: рассказ Данило Сердяча — друга Дундича. После неудачного боя командарм с плеткой в руке обходил фронт. Сердяч, чуя недоброе, выхватил наган: «Виновен, отдайте в трибунал, но не смейте тронуть...» Командарм отступил, но в тот же день сделал

командира полка Сердича комбригом. За это тому полководцу честь и хвала! А вот Примакова...

Рассказ о встрече в тире пришелся мне по душе. Прежде всего, думал я, отпало то, что раньше так волновало Виталия. А потом... Мы часто вспоминали народную присказку: «Паны дерутся, а у мужиков чубы трещат»... Вспомнить хотя бы дело старейшего червонного казака, героя гражданской войны Пантелеймона Потапенко. Значит, наступила новая, светлая полоса во взаимоотношениях... Надолго ли? А ведь еще пять лет назад с грустью вырвалось у моего старшего товарища: «Есть работники, которые при любых веяниях удерживаются в седле, а есть, которые при любых веяниях летят под копыта...»

Стал Виталий потом жаловаться на недостаток времени.

— Лето — пора лагерей, учений, маневров. Надо торопиться с этой работой, — провел он трубкой по карте, — и страсть как хочется сказать теплое слово о червонных казаках. Кое-что уже сделано для сборника «С Маяковским».

Да, несколько новелл вошло в тот сборник. Те, что были уже написаны, а не те, что он собирался написать. Он их так и не сделал — времени уже было в обрез...

Потом я извлек из полевой сумки привезенную мной верстку «Золотой Липы». Увидев лишь титульный лист, Виталий Маркович многозначительно и с неприкрытым изумлением посмотрел на меня. На его губах появилась лукавая усмешка.

До этого мы виделись в Москве три года назад. Сразу же после афганской операции. Тогда у нас не было речи о том, что он собирается писать новеллы, а я — роман о нашем освободительном походе в Галицию. Тем более не мог тогда возникнуть разговор о названиях для произведений, которых не было даже в проекте. А получилось так, что записки для альманаха «С Маяковским» назывались «Над Золотой Липой».

Примаков первый объяснил это «чудо», хотя в ходу не было еще всеобъемлющего слова «телепатия».

Тема у двух авторов была одна. События — одни. Герои — одни. И география — одна. Вот та география, к которой часто прибегают не только начинающие авторы, таила в себе много заманчивого. Весьма популярная река Золотая Липа и в царскую войну и в гражданскую являлась исходным рубежом всех сражений за Галичину, за ее столицу — древний город Львов.

Примаков вспомнил мою книгу о разгроме Деникина «Контрудар».

— За посвящение спасибо! И за посвящение и за отвагу...

Это не всем может понравиться. Иное время — иные песни. Мне-то что, а вот автору...

На авантитуле книги значилось: «Червонному казачеству, закалившему меня. Большевику Примакову, закалившему червонное казачество».

Да, в отношении того посвящения Примаков как в воду глядел...

Влас Яковлевич Чубарь, премьер Украины, отпустил меня всего на сутки. И я, торопясь, прочел Виталию лишь одну стержневую главу романа — о совещании в Сарниках перед Стрыйским рейдом.

В печати уже появилось множество противоречивых оценок той весьма броской и малоэффективной операции. Писали о ней все корифеи оперативного искусства, в том числе Егоров и Якир. И еще один уважаемый автор утверждал, что хотя в Стрыйском рейде сабли червонцев действовали замечательно, шпага Примакова была не на высоте. Вот почему до опубликования романа его автор ощутил острую потребность в беседе с автором самой операции... И не только с ним. Много ценных советов дал мне, прочтя рукопись, Якир, активный участник Галицийской битвы.

В документе для военных историков Виталий Маркович пишет: «В Галицийском походе нам удалось сделать еще несколько рейдов, из которых наиболее интересен рейд на Стрый, заставивший противника отступить с линии р. Золотая Липа к реке Днестру».

Какой-то писатель изрек: «Скажи, друг, что моя книга плоха, но что она лучше предыдущей». Стрыйский рейд, Примаков и сам это признавал, был значительно хуже предыдущего — Проскуровского, зато после Стрыйского были иные. Они оказались куда лучше Карпатского. Их результатом была полная ликвидация большой армии Петлюры.

В Сарниках не без влияния Примакова было решено двинуться к Стрию и дальше — в Карпаты, раздуть там искры восстания, тлевшие в массе дрогобычских и бориславских горняков. Мечтали потом вместе с ними спуститься в долину Тиссы, в Венгрию... В доме Коцюбинских была благодатная почва для созревания и боевых мыслителей и мудрых мечтателей.

Во второй половине августа 1920 года решалась судьба всей антиантантовской кампании. Красные полки под ленинскими знаменами уже подошли вплотную к столице пана Пилсудского. Тухачевский, командующий Западным фронтом, в те дни тщетно добивался переброски Конной армии Буденного,

застрявшей под Львовом, к Люблину. А Якир и Буденный, штурмовавшие в эти же дни столицу Галичины Львов, ждали, что Примаков со своими казаками ударит с тыла — на Комарно-Городок.

Буденный считал, что Варшава будет взята Тухачевским собственными силами, без Конной армии, а Примаков был твердо уверен, что Буденный с Якиром сами овладеют Львовом без червонных казаков...

Конная армия вместо Люблина продолжала штурмовать Львов, а червонные казаки вместо движения на Львов с тыла устремились в Карпаты. В двадцатидвухлетнем начдиве Примакове победил не мыслитель, а мечтатель. Шутка ли — пылающие Карпаты и пожар мировой революции на просторах Венгрии!

Вот почему критики, воздавая должное шпаге Примакова за все прочие рейды, Стрыйский вписывали в ее пассив. Ну, а критика не всем приятна. А наш Виталий был, как сам он утверждал, из обыкновенных самый обыкновенный.

Ему не очень-то нравилась в моей книге глава о совещании в Сарниках. Он отырыл важные, неизвестные мне обстоятельства, обусловившие движение червонных казаков в Карпаты, а не ко Львову. Вернувшись в Харьков, я и внес в текст ряд исправлений.

Не исправил лишь я одного. В конном корпусе червонных казаков было шесть бригад, по два полка в каждой. Всего двенадцать полков. Внушительная сила! Полагая, что через малое можно показать и большое, я вывел в романе «Золотая Липа» червонное казачество не как корпус из шести бригад, а как бригаду из трех полков. То есть против реального уменьшил силу украинской конницы Примакова ровно в четыре раза...

Как раз тогда стали много писать о Первой Конной. Рассказывая о подвигах этого действительно славного соединения, историки оставляли в тени подвиги Второй Конной армии, конных корпусов Думенко, Каширина, Гая и украинской конницы — корпуса червонного казачества Примакова.

Виталий за эту «трехполковую бригаду» имел все основания укорять меня. И укорял...

Говорят, те выступления в печати, осуждавшие Стрыйский поход Примакова, весьма огорчили его. Ведь он, планируя операцию, размахнулся очень привольно. И полагал, что ее реализацией червонные казаки не только дадут толчок под-

земным силам революции там, за Карпатами, но и существенно помогут Буденному и Якиру, атакующим Львов. Особенно огорчила Виталия появившаяся в «Военном вестнике» статья лучшего его партийного и боевого друга Ионы Якира.

Незначительность эффекта Стрыйского рейда, вызвав досаду у всех истинных ценителей боевых свойств и качеств советской конницы, ничуть не умалила полководческого реноме Примакова. Его боевые удачи с лихвой перекрывают отдельные просчеты и срывы. Их было не так уж много. Но были...

Вспоминается бой за Синяву летом 1920 года. Досадная гибель отличного командира полка Новикова — любимца всего червонного казачества и самого начдива. Гибель командира полка и его лучших джигитов, тех, кто в прямом смысле этого слова шли за Новиковым в воду и в огонь. Шли и обжглись насмерть вместе со своим храбрейшим вожакom.

Хоронили их на тихом сельском кладбище-цвинтаре. И поныне, спустя почти полвека, жители Шпичинцев отдадут должное и памяти героев и их могилам.

«Безумству храбрых поем мы песню!». Песен не было, но полковой хор трубачей похоронным маршем «Вы жертвою пали» проводил в последний путь своего героя-командира и погибших вместе с ним бойцов.

Спросить бы тогда любого казака — и любой сказал бы: «Плакать — дело бабье». Но тогда хоть и скупые, а падали слезы на остриженные гривы. На стриженные гривы боевых коней, и на нестриженую гриву Мальчика — резвого скакуна начдива...

Словно стыдясь минутной слабости, Примаков поднял глаза. И тут во взгляде рядом стоявшего Евгения Петровского, своего земляка и военкома дивизии, он уловил безмолвный укор...

При выполнении священного долга перед Родиной все ее войны равны — и солдат и командир. Но один, выполняя тот долг, ставит под огонь лишь свою жизнь, другой — и свою и жизнь своих подчиненных.

Вот эта сложность, когда от человека требуется достичь труднодостижимое и в то же время быть в ответе за свои действия перед законом, перед родными солдата, перед своей совестью, и вызвало, очевидно, требование Петра Первого, вошедшее с тех пор в боевые уставы, — добиваться победы малой кровью...

Под Шпичинцами крови было много, а победы не было. Был, напротив, весьма ощутимый урон. Для червонного казачества, для Красной Армии. Понимали это все, и прежде всего

уяснил себе всю тяжесть промаха молодой начальник дивизии — автор той горькой операции.

Может, если бы не было позади боев за Киев с гайдамаками Центральной рады, славного похода из лесов Нейтральной зоны через Харьков к берегам капризной и коварной Горыни, рейдов на Фатеж—Поныри и на Льгов, решавших судьбу столицы Советской республики, жарких схваток с башибузками Улагая под Перекопом, начдив уловил бы укору за ту атаку и за Новикова не только во взгляде военкома...

Да! Все знают — Новиков отличался горячностью. Врага не всегда одолевают силой. На войне сплошь и рядом берет верх дерзость, безумство, натиск. Молодой офицер военного времени, польщенный доверием командования, не нуждался в понуканиях — сам лез в огонь и умел зажигать безумством храбрости своих джигитов. Это Новиков под Перекопом вылетал в широкую степь, выкликая на сабельный поединок улагаевских всадников.

Кто-кто, а Примаков хорошо знал и своих комбригов, и своих командиров полков, и своих сотников. Знал их особенности и дарования, привычки и манеры, их психический склад и темперамент — все то, из чего слагается боевой почерк и солдатский характер вожака.

А не хуже начдива изучил этих людей комиссар. Когда решался вопрос об атаке синявского участка, где легионеры, словно кроты, глубоко ушли в грунт, оградив себя с фронта и с флангов мощными капонирами, он назвал имя командира 2-го полка. Никто лучше Потапенко и его хлопцев не мог выполнить с успехом атаки, требующей методического, со строгим расчетом, напора.

Знал это и Виталий Маркович. Знал он хорошо, что 4-й полк не станет тратить время на скрупулезную подготовку штурма. Знал он, что натиск будет стремительным и бурным. Будет такая атака, которая повлечет за собой немало жертв, но эти жертвы окупятся сторицей... Не раз подвергая свою жизнь опасности, на сей раз Примаков поставил под огонь голы своих самых лучших подчиненных.

Но и ставить людей под огонь можно по-разному. Вот это понял тогда, после Шпичинцев, молодой начдив, чувствуя себя в ответе перед памятью своих храбрецов, перед их родными и семьями, перед своей совестью...

Вот почему и на нестриженую гриву коня начдива тогда, после синявского боя, падали скупые слезы...

22. Последняя книга Примакова

После той беседы Примаков поехал в штаб, посоветовав мне осмотреть город. Вечером я его застал дома. С цветными карандашами в руках, в белоснежной нижней рубаше, он склонился над топографической картой.

И вот мы снова одни. Очевидно, работа над немецкими картами вызвала в моем собеседнике определенные настроения.

— Это страшная сила, — начал он. — Страшная в своем стадном крысином напоре, в своей организованности. У немцев богатый опыт, наука! Это должно нас насторожить. И в то же время есть такой анекдот: восставшие немецкие пролетарии, даже пролетарии, уклонились от штурма берлинского вокзала, так как у них не было перронных билетов... Все, что идет вразрез с планом, вносит разлад. Почему? Потому что немецкому солдату внушено веками: «Покоряйся дисциплине! И не смей думать. За тебя думает офицер!»

Тут же хозяин дома вспомнил, как белые генералы объясняли свои неудачи тем, что красные воюют не по правилам. Да! Большевики воевали не по правилам, а они — по всей премудрости военной науки. Но отступали войска, предводимые учеными и многоопытными генералами, а наступали полки во главе с вчерашними солдатами, студентами, прапорщиками. Весь вопрос в том, что генералы-беляки не сумели разглядеть созданных революцией новых правил, по которым возможно было выигрывать не только бои, но и сражения, не только сражения, но и войну.

Революционному солдату строго вменялось и подчиняться дисциплине и думать. Постоянно думать!

О таком думающем бойце я и рассказал своему бывшему командиру корпуса.

Однажды против басмачей Джунаид-хана выступили три наших колонны. Жара! Передвигались лишь ночью, а враг тем не менее знал, откуда и куда идут красные. Это из-за ишаков 4-й, обозной колонны, которые с неистовым криком все время пытались освободиться от тяжелых боевых вьюков.

Позвали аксакалов. Один посоветовал давать животным особых лепешек, другой — особых палок. Не помогло! И вот однажды старший обоза 3-го полка Николаенко, который попал в Среднюю Азию вместе с тысячей добровольцев — червонных казаков, лукаво усмехнувшись, сказал: «Пусть не радуется Джунаид-хан, а с ним и бухар Эмирский... Моя худоба будет сегодня работать тихо». И в самом деле, в двух полках

ишаки заливаются по-прежнему на все Каракумы, а в 3-м — молчат. Командир велит вызвать Николаенко. Спрашивают его: «Что? Палки или лепешки?» А он: «Нет! Обыкновенные камни!»

Приметил наш червонный казак: перед тем, как кричать, ишак задирает хвост. Боец и привязал ко всем ишачьим хвостам камни...

Так солдатская смекалка лишила Джунаид-хана его, как теперь бы сказали, «пятой колонны»...

Примаков, всячески поощрял инициативу и военную хитрость бойцов. Его питомцев уже не остановило бы никакое отсутствие перронных билетов...

Красная Армия была сильна и своими исполнителями и своими мыслителями!

Примаков, вытирая набежавшие от смеха слезы, вспомнил белогвардейскую газету «Руль». В ней приводилась беседа двух видных генералов. Один сожалел, что у эсеровской террористки оказалась слабая рука. А другой отвечал: «Ну, ладно, не стало бы Ленина. И думаете вы, что не стало бы с ним и Совдепии? Отнюдь! В чем сила красных? Поймите: у них в каждой губернии, в каждом уезде, в каждой волости и в каждом селе, на каждом заводе и в каждом цехе есть свой Ленин. Можете вы их всех уничтожить? Нет. Значит, не уничтожим мы и Совдепии...»

Виталий сказал:

— Попадись мне этот «философ», я бы даровал ему жизнь. За то, что сумел подметить в нашем строе главное. В чем была наша сила? В том, что в якировской дивизии, в федьковской, в щорсовской, чапаевской, азинской, в каждом их полку, в каждом батальоне, в каждой роте были свои Якиры, Федько, Чапаевы, Азины и так далее. Ясно: Ленин был, есть и будет один. Он неповторим! А вот тех, кто, не щадя себя, бился за идеи Ленина, насчитывалось миллионы. И здесь наш заклятый враг оказался прав..

Перед сном Примаков напомнил, что комиссар корпуса Николай Савко — соавтор очерка «Первая червонная», в Прокурове, далеко от столицы, а вот мне, основному автору, перед тем как давать в книге тот огромный портрет, надо было посоветоваться со Станиславом Викентьевичем (Косиором). «Он бы сказал, что надо делать».

Рано утром военная машина отвезла меня на аэродром. На прощание Виталий еще раз посоветовал мне тщательно откорректировать спорную главу. Но даже ради всей моей любви к нему и к червонным казакам невозможно было, как писал Ленин, сделать небывшим бывшее, что я и сказал, по-

кидая дом заместителя командующего Северо-Кавказским округом.

Все, что было в моих силах, не уклоняясь от истины, я сделал, чтобы объективно осветить то совещание в Сарниках и сам Стрыйский рейд, в котором хоть и не очень-то сверкнула шпага Примакова, зато во всем блеске, как обычно, показали себя сабли червонных казаков.

В Харькове уже, на ближайшем заседании Комиссии Обороны, в которую входили Косиор, Чубарь, Якир, Скрышник, доложив, по долгу своей службы, очередные дела, я рассказал первому секретарю о ростовской встрече. Показал ему «Первую червонную». И Косиор, долго не думая, сказал, что, конечно, за шмуцтитолом и во всю страницу следует напечатать портрет Примакова. Это и было сделано в последующем выпуске книги.

Экземпляр того самого примечательного издания — правда, хранившийся много лет на чердаке в далеком селе на Сумщине и слегка изъеденный мышами — подарил мне недавно со слезами радости на глазах наш боевой ветеран — сотник-харьковчанин Иван Лазаренко.

Ну, а книга о немецкой тактике вышла вскоре в Москве, в Военном издательстве и сослужила добрую службу нашим командирам.

Нельзя считать, что последняя книга Примакова — «Тактические задачи германского генштаба» — не сыграла никакой роли в его судьбе. Очевидно, нарком учел не только ценность исследования, но и незаурядные данные самого автора. Знаменитого рейдиста позвали на работу в штаб РККА. Возложили на него руководство всеми высшими учебными заведениями Красной Армии, то есть военными академиями.

Надо прямо сказать, легче было тогда подобрать кандидата на место командующего округом, нежели на тот пост.

Вот с этого поста в декабре 1934 года и явился Примаков на празднование по случаю награждения орденом Ленина червонного казачества. В Проскурове съехавшиеся со всех уголков Советского Союза бойцы горячо встретили своего любимого командира. В связи с нараставшей фашистской угрозой высшие руководители делали все, чтобы воскресить боевые традиции прошлого. Правда, торжество омрачалось недавним злодейским убийством Кирова.

Юбилею червонного казачества «Правда» отвела вторую полосу, а за ней и все столичные газеты. Центральный орган партии писал: «Пусть молодые поколения трудящихся изу-

чат овеянную пороховым дымом и неувядаемой славой историей дивизии». «Правда» тогда же поместила статью Примакова «Путь неувядаемой славы».

В первый же день праздников я зашел к командиру корпуса Михаилу Афанасьевичу Демичеву, моему фронтовому товарищу. Только я раскрыл дверь, а Примаков, отодвинув кружку с чаем, порывисто поднялся и с протянутой рукой направился мне навстречу. Виталий Маркович тогда уже служил в Ленинграде на посту заместителя командующего войсками округа. Предпоследняя встреча с ним!

А потом была еще одна — последняя... Летом, в самую жару, уже в форме танкиста, сквозь густую толпу москвичей пробирался я от памятника Гоголю к зданию Наркомата обороны. А от его центрального подъезда наискосок к станции метро «Арбат» шел Виталий. Сосредоточенный, со сдвинутыми бровями, он не смотрел по сторонам.

И вспомнилась встреча с Котовским в Киеве в 1922 году. Выйдя из госпиталя после тяжелого ранения, еще с подвязанной рукой, я поднялся вверх по Александровской улице (ныне Кирова), а вниз по другой стороне спускался Котовский. Думал: если поздороваюсь, он не увидит, — далеко. А тут гляжу — Григорий Иванович, величественный и своим корпусом и яркой формой кавалериста, пересекает широкую мостовую и идет сам ко мне. Многому же он меня научил...

А тогда, летом 1936 года, ни Примаков не свернул ко мне, ни я, чего не могу себе простить и поныне, не поднял даже руки с боевым приветом: «Слава тебе, грозный рыцарь Украины!», чтобы сердцем услышать ответ: «Слава червонному козацтву!»

Некоторые изъяны первых выпусков «Золотой Липы», естественно, не могли прийтись по душе Примакову. Но нашлись охотники выискивать мнимые промахи. Те «судьи» шумели, что, обнаружив ход совещания в Сарниках, я дискредитировал вожака червонного казачества.

Часто-часто перед моим взором довольно явственно возникает такое видение: иду я от памятника Гоголю к зданию Министерства обороны, а от его центрального подъезда наискосок, к станции метро «Арбат», веселый, порывистый, как это было в памятные времена его знаменитых, восхищавших самого Ленина рейдов, шагает навстречу с сияющим лицом наш Виталий. И я, вздев над головой руку с зажатой в ней обновленной «Золотой Липой», кричу в полный голос на всю Арбатскую площадь: «Слава тебе, грозный рыцарь Украины!» И слышу в ответ: «Слава червонному козацтву вовек!»

23. Мемориал у Днепра

Находились раньше такие мудрецы, которые утверждали, что история армии — это история ее начальников. Мы же твердо знаем: история Советской Армии — это военная история народа, это история партии. Без Коммунистической партии не было бы полков, а без полков не было бы полководцев...

Тот, кто, забыв это, начал воображать, что своими победами партия обязана ему, а не он партии, какими бы полководческими талантами он ни обладал, делал первый шаг к отступничеству. За ним следовали другие — сначала авантюра, потом предательство. Клаузевиц и тот подчеркивал, что не кулаку командовать головой, а голове кулаком.

Во время гражданской войны Советская власть сумела сильной рукой покарать изменников и сильными словами образумить заблуждавшихся. И это не такая уж простая задача, так как добродетели легче бороться со злом, нежели с заблуждениями...

Пигмей, возомнившие себя наполеонами, погибли. Устояли исполины. Их имена окружены сиянием славы. Имена Фрунзе, Блюхера, Чапаева, Якира, Щорса, Примакова.

Летом 1918 года гетман Украины Павло Скоропадский обещал миллион карбованцев за голову Виталия Примакова. И не нашлось никого, кто пошел бы на такую мерзость. Голову Примакова не обменяли на чеходан карбованцев, ее не посекли ни гайдамацкие сабли, ни деникинские клинки, не порубили ни махновские палаши, ни белопольские шпаги, не одолел ни тесак хунхуза, ни ятаган афганского фанатика, ни бандитский обрез. Не удалось врагам Советской власти сжить со свету славного героя гражданской войны, талантливого советского полководца, верного сына большевистской партии.

В книге «Червонное казачество, изданной в 1923 году, сказано:

«В бою Примаков — неумолимо твердый командир. Вне боя — лучший товарищ и друг всех червонцев.

Дома, у матери на хуторе, форма — прочь, на голову соломенную шляпу, на ноги лапти — и в поле, косить, возить снопы...

Когда смотришь на его открытое лицо с прямым, твердым взглядом серых глаз, на его крепкую фигуру, слушаешь его мягкий голос, который в нужную минуту мгновенно перерождается в сталь, тебя невольно охватывает его обаяние... И все

это сочетается с мягким любовным отношением Примакова к человеку...»

А вот слово его бойцов:

«Я знал его горячую любовь к добру, любовь ко всему прекрасному и высокому, его ненависть ко всякой пошлости и произволу... Нельзя ли начать собирать средства для сооружения памятника В. М. Примакову? Действительно, это был бы памятник от народа».

с. Омбыш, Черниговская область, П. А. Маслак

«Как же не помнить Виталия Марковича Примакова, смелого командира типа Суворова? Богатырь — вечная ему память!

Ты пишешь, как у вас «действовали» немцы. Это бестии! Я уверен, что вы им дали как следует и они не забудут русскую «получку». Дорогой мой Иван Данилович! Будь так добр, пожалуйста, положи за меня на могилу кривоносовских мучеников кутики цветов.

Дорогой Иван Данилович! Скажи вашим, что мы все идем с вами во всех случаях. В хорошем и в плохом. Ведь только в нашем единстве наша сила и безопасность.

Твой верный друг и старый ваш командир
Юзеф Пршек».

Прага, 30 мая 1959 года

«Когда нужно было помочь Щорсу, Примаков наступал на Ямполь. Товарищ Ленин стал давать понемногу оружие, обмундирование. По всей дороге нашего наступления была победа. Гайдамаки боялись духа Примакова».

с. Дубровка, Сумская область, И. П. Романченко

«Когда я готовил свою 56-ю армию к операции по форсированию Керченского пролива, я ни на минуту не забывал, как тщательно и скрупулезно готовил всякую деликатную операцию Примаков и его командиры».

Москва. К. С. Мельник, генерал-лейтенант

«Вижу как сейчас Примакова на Мальчике, ясноглазого, с какой-то мягкой суровостью... Его простота вызывала к нему всеобщую любовь червонных казаков».

Ялта. Скугоров П. З., бывший помкомиссара
1-го полка червонных казаков,

«Знаменитые смелые рейды Примакова, которые проводились с большим искусством и неизменным успехом, явились прообразом будущих глубоких операций. Чем больше я его узнавал, тем больше росло мое уважение к нему».

Москва. Горбатов А. В., генерал армии

«Примаков отличался врожденным талантом командира. Примаков всегда учился и заставлял упорно и настойчиво учиться своих соратников».

Москва. Академик И. И. Минц

Шахтер и шахтерский сын, И. Т. Пересыпкин в пятнадцать лет взял винтовку в руки и в рядах знаменитой 42-й стрелковой шахтерской дивизии отстаивал родной Донбасс от Деникина. Окончилась гражданская война, Иван снова спускается в знакомые с детства штреки. В 1923 году по комсомольскому призыву Пересыпкина посылают учиться. После учебы он рвется в червонное казачество. И начал он там службу в качестве рядового казака.

Вот что пишет питомец примаковского корпуса:

«В. М. Примаков даже после того, когда он уже не командовал корпусом червонного казачества, оставался с ним. Организатор этого прославленного соединения Красной Армии, коммунист, замечательный товарищ и командир навсегда останется в памяти тех, кто служил под знаменами червонного казачества».

Москва. И. Т. Пересыпкин, маршал войск связи

«При изучении боевых действий червонного казачества — примаковцев на меня наибольшее впечатление производили твердое управление со стороны начальников, железная дисциплина и преданность личного состава нашей Коммунистической партии и Советскому правительству».

Москва. Генерал армии М. И. Казаков

В Антонинах, на Подолии, в родовом парке Потоцких долгое время сохранялся монумент с высеченной на нем по велению графа эпитафией: «In memoria leonis». Могущественный магнат чтит память царя зверей, жившего при нем много лет. Лев всегда остается львом. Имя неживого героя заслуживает еще больше почитания, нежели имя живого.

В Киеве, на берегу Днепра, от подножия лавры до моста Патона, протянулся один из лучших в столице парков. Отра-

жаясь в синих водах Славутича, словно расплетенные гривы и хвосты казачьих коней, тяжело свисают там густые ветви плачущих ив. Замкнув круг центра и протянувшись вдоль главной аллеи, высятся самые стройные, самые высокие в столице пирамидальные тополя.

Есть там и аллея шатровых кленов, аллея мощных лип, аллея облепихи, аллея сирени. И высокогорный уголок с альпийской фауной. И все это: «In memoria Primakovis!»

У главного входа распоряжением того, кто понимает, что память неживого героя чтят больше, нежели имя живого, сооружен монументальный мемориал — зеленый, с высаженными в нем яркими цветами банкет. За ним стена — щит из вечно-зеленой растительности, на котором отчетливо выделяется «Парк имени В. М. Примакова».

Нет в этом парке пока ни гранитного, ни бронзового обелиска, но он будет!

Два теплохода-грузеника, «Червонный казак» и «Виталий Примаков», бороздят седые воды Днепра, по льду которого в феврале 1918 года совсем еще юный Примаков, спеша на помощь арсенальцам, вел свои сотни к Пуща-Водице, чтобы оттуда, как снег на голову, обрушиться на зарвавшихся гайдамаков.

В Киеве, Харькове, Хмельницком, Александрии есть улицы Виталия Примакова и Червонного казачества.

Воздают должное непобедимому мастеру кавалерийских рейдов и сквозных конных атак все советские патриоты — старые и молодые.

Школьная молодежь Украины изучает овеванную славой легендарную историю червонных казаков.

Совет экспедиционного отряда «Червонец» пишет:

«12—14 мая 1967 года состоялся поход по местам боев червонного казачества красных следопытов ивано-франковской школы-интерната № 2 и Ганусивской школы вместе с ветеранами примаковских полков... Жители Рогатина хорошо встретили нас... В Шумлянках, где червонные казаки разгромили крупные силы интервентов, мы нашли деда Чмиля, свидетеля того боя.

Недалеко от Чертовой горы нашли могилы героев червонного казачества — командира разведчиков Глота и сотника Мурашко...

Набрали там земли для будущего Музея червонного казачества. Этот поход навсегда останется в нашей памяти».

Все живое наделено от природы благоразумием. Оно помогает добыть пищу и избежать опасности. Но людям в отли-

чне от прочего животного мира оно помогает еще отстаивать их человеческое достоинство.

Ветераны червонного казачества, боевые сподвижники Примакова, беззаветно служившего своему народу, великому делу Ленина казачьим клинком, ленинским словом и блестящим пером, во весь голос заявляют — испытанное благоразумие большевика Примакова неизменно стояло на страже его светлого и доброго имени.

Примаков ушел из жизни незадолго до Великой Отечественной войны. Но фашистов нещадно громили его ученики, питомцы славного червонного казачества — маршалы, генералы, полковники, рядовые бойцы.

— А разве это не знаменательно? Те, кому партия и страна поручили стоять на страже советских границ и рубежей социалистического мира, охранять труд граждан, прошли суровую боевую школу в рядах червонного казачества. Это командующий группы советских войск в Германии, дважды Герой Советского Союза генерал армии Петр Кириллович Кошевой, генерал армии Михаил Ильич Казаков, заместитель командующего Киевским военным округом генерал-полковник Владимир Филиппович Чиж.

Много питомцев Примакова на чисто военном поприще поднялись высоко. Но лишь тот учитель достоин носить это почетное и высокое звание, чьи ученики превзошли его.

Подвигами на фронтах гражданской войны червонные казаки Примакова вместе со всей Красной Армией сделали много и для будущего. Лишь та победа чего-нибудь стоит, которая таит в себе зародыши грядущих побед.

Да, ни одной крупинки из тех двух «золотых десятков» не брошено на ветер. До «серебра» Примаков не дотянул. Но и его «серебро», без сомнения, обернулось бы в «золото». Чем старше дерево, тем от него больше тени, чем старше человек, тем больше от него света.

А особенно если это человек, которого щедрая судьба наделила сразу и славным клинком, и тонким умом, и острым пером.

Человек, подобный грозе, которая несет в себе мощный заряд освежающей силы.

Человек — колокол громкого боя, чей волнующий набат вызывал мгновенный и мощный резонанс.

Победный бой того необычного колокола гремел над просторами Украины, на Дону, на полях Орловщины, у круч Перкопа и Карпат, у Великой китайской стены и над скалами Гиндукуша.

Гремел и волновал человеческие сердца.

Прометей осчастливил род людской не только огнем, но и великим даром забвения смерти. Получив его, человек, до того живший лишь днем сущим, стал думать о завтрашнем дне. И это свойственно всем людям. Но, кроме завтрашнего дня, есть и вечное.

Ради этого вечного напрягалась память. Чтобы увековечить подвиг народа и его богатырей, трудилось перо.

Да! «Отшумели, отгудели молодые воды...», а слава о червонных казаках и их мудром вожаке Виталии Примакове, зовя молодежь на новые подвиги во имя Родины, шумит и гудит поныне...

Основные даты жизни и деятельности В. М. Примакова

- 18 (31) декабря 1897 года** — Родился Виталий Примаков.
- 1909, январь** — Поступил в первый класс Черниговской гимназии.
- 1910** — Знакомство с семьей Михайла Коцюбинского.
- 1912** — Вступил в ученический революционный кружок.
- 1913** — Руководит подпольным кружком заготовщиков и табачников.
- 1914—1915** — Работа среди солдат Черниговского гарнизона. Выпуск и распространение революционных листовок.
- 1915, 15 февраля** — Арест, исключение из гимназии.
- 14 июля** — Киевский военно-окружной суд лишает Примакова всех гражданских прав и навечно ссылает в Сибирь.
- 1916, январь** — Прибытие в село Шелаево Енисейской губернии.
- Май** — Местом ссылки становится Абан.
- 1917, 4 марта** — Участие в обезоруживании абанской полиции.
- Апрель** — Возвращение из ссылки.
- Май** — В. Примакова избирают членом Киевского городского комитета партии.
- 21 мая** — Первое выступление в газете «Голос социал-демократа».
- Август** — Поступает в 13-й запасный полк в Чернигове. Избирается в Черниговский комитет партии.
- Октябрь** — Делегат II Всероссийского съезда Советов, участвует в штурме Зимнего. На Пулковских высотах во главе отряда Красной гвардии отражает красноармейские банды.
- Декабрь** — Харьков, комиссар по организации червонного казачества. Красный атаман 1-го полка червонных казаков.
- 1918, 6 января** — Руководит первым боем червонных казаков под Полтавой.
- 27 января** — Совершает первый рейд через Днепр в тыл гайдамакам, обороняющим Киев.
- Февраль** — Чрезвычайный комиссар по охране Киева, член Чрезвычайного Комитета Оборона Украины.

- Март** — Командующий Бахмачским участком фронта.
- Апрель** — Участвует в боях за Харьков и Новочеркасск. Сопровождает со своими червонными казаками украинское правительство в Москву.
- 13 июля** — Участие в разгроме новгород-северского гарнизона немецких оккупантов и гетманцев.
- 1919, 4 января** — Бои за Харьков и его освобождение.
- 10 января** — Получает от украинского правительства первое знамя за подвиги червонного казачества.
- 19 января** — Руководит боями у Полтавы.
- Март** — Делегат III съезда КП(б)У, избирается в состав ВУЦИК. У Литина разбивает Черноморскую дивизию Петлюры.
- Апрель** — Совершает зимние рейды по тылам Петлюры на Старо-Константинов, Изяслав, Острог.
- Май** — Участвует в разгроме григорьевского восстания.
- Июнь—июль** — Бои в Донбассе и под Полтавой.
- 17 июля** — Совершает рейд на Кигичевку по тылам денкинцев.
- 14 августа** — Разворачивает полк червонных казаков в бригаду.
- Август—сентябрь** — Начальник Черниговского боевого участка.
- 8 октября** — Входит со своей бригадой в состав Ударной группы в Карачеве.
- 12 октября** — У Мелехова наносит решительный удар дроздовцам — денкинской гвардии.
- 21 октября** — Назначается начдивом дивизии червонных казаков.
- 2 ноября** — Отправляется с дивизией в снежный рейд на Фатеж — Поньри.
- 15 ноября** — Идет в рейд на Льгов.
- Конец ноября** — Награждается первым орденом Красного Знамени.
- 12 декабря** — После жестокого боя у Мерёфы занимает Харьков.
- 1920, 17 апреля** — Громит под Перекопом мощный десант белых.
- 20 мая** — Делегат IV Всеукраинского съезда Советов. Член ВУЦИК.
- Конец мая** — Уводит червонных казаков на Пилсудского.
- 4—9 июля** — Совершает с червонными казаками Проскуровский рейд по тылам белополяков. Громит штаб их шестой армии.
- Конец июля** — Награждается вторым орденом Красного Знамени.
- 19—21 августа** — Рейдирует по тылам интервентов. Освобождает Стрый.
- 26 октября** — Разворачивает дивизию червонных казаков в Конный корпус. Становится командиром корпуса.
- Ноябрь** — Участвует в разгроме армии Петлюры.
- 1921, январь** — руководит боями у Сквиры против армии Махно.
- Июль** — Летучий отряд примаковского корпуса окончательно добывает Махно на Полтавщине.
- Июнь—ноябрь** — Начальник Подольского губучастка по ликвидации бандитизма.

- Ноябрь** — Руководит операцией по разгрому закордонной банды атамана Палия.
- 1922, октябрь — 1923, август** — Учится в Москве на Высших академических курсах.
- 1922, декабрь** — Делегат I съезда Советов СССР, член ЦИК СССР.
- 1923, август** — Возвращение в Корпус червонного казачества.
- 1924, январь** — Делегат II съезда Советов СССР.
- Май** — Назначается начальником Высшей кавшколы в Ленинграде.
- 1925, апрель — 1926, февраль** — военный советник 1-й Национальной армии в Китае.
- 1926, май** — Получает в командование 1-й стрелковый корпус в Пскове.
- 1927, сентябрь** — Назначается военным атташе в Афганистан.
- 1928, март** — Военный советник афганского короля в операциях по борьбе с Баче-Сакао. Награждается третьим орденом Красного Знамени за разгром банд Ибрагимбека и Шана-Халифи в Средней Азии.
- 1929, май** — Отправляется в Японию военным атташе.
- 1930, август** — Командир и комиссар 13-го стрелкового корпуса в Свердловске.
- 1931** — Учеба в германской академии генштаба.
- 1932, февраль** — Назначается замкомвойсками Северо-Кавказского военного округа.
- 1934, декабрь** — Переводится в Москву на работу заместителем инспектора высших учебных заведений РККА. Участвует в празднествах червонного казачества, награжденного орденом Ленина, в Проскурове.
- 1936, январь** — Включается в состав Военного Совета НКО СССР.
- Май** — Переводится в Ленинград на должность замкомвойсками ЛВО.
- 1937, 12 июня** — Смерть В. М. Примакова.

Краткая библиография

- Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 39.
Орджоникидзе Г. К., Статьи и речи, т. I. М., 1957.
Антонов-Овсеенко В. А., Записки о гражданской войне, т. 1—3. М., 1924.
Бош Евгения, Год борьбы. М., 1925.
Якир И. Э., Воспоминания о гражданской войне. М., 1957.
Коцюбинский Ю., Летопись Революции, 1927, Харьков.
Примаков В. М., Борьба за Советскую власть на Украине; Путь неувядаемой славы; Червонцы; Смертью героев; Смелость города берет. В сборнике «Этапы большого пути». М., 1962.
Примаков В. М., Записки волонтера. М., 1967.
Дубинский И., Корпус червонных казаков. Харьков, 1933. «Завируха», «Вітчизна», 1967, № 5. «Колокол громкого боя», «Новый мир», 1967, № 2.
Дубинский И., Савко Н., Перша червона. Харьков, 1931—1933. Первая червонная. М., 1934.
Дубинский И., Шевчук Г., Червоне козацтво. Киев, 1961, 1965.
Малышко К. Ф., Легендарный герой гражданской войны. «Укр. історичний журнал», 1962, № 6.
Петров В. И., Комкор червоних козаків. Киев, 1964.
«История гражданской войны», тт. 1—5. Москва, 1961.
«Червонное казачество», сборник. Харьков, 1923.

Содержание

1. Встреча в «Княжьем дворе»	5
2. История и география	14
3. Украинский «Буревестник»	17
4. Под знаменем истины и добра	21
5. Обида	24
6. Возвращение	28
7. «Колокол громкого боя»	35
8. Славное боевое гнездо	39
9. Первая сабля Советской Украины	47
10. Героические рейды червонцев	55
11. Снова на запад	61
12. Галичина	63
13. На слугу двадцати двух господ	72
14. Под крылом ветряка	82
15. Завируха	91
16. Скиньте шапки!	112
17. Слово и штык	122
18. Перо Примакова	130
19. «Слуга аллаха»	141
20. Крестник чекиста	146
21. Шпага Примакова и сабли червонцев	153
22. Последняя книга Примакова	161
23. Мемориал у Днепра	165
Основные даты жизни и деятельности В. М. При- макова	171
Краткая библиография	174

Дубинский Илья Владимирович

ПРИМАКОВ. М., «Молодая гвардия», 1968.

176 с., с илл. («Жизнь замечательных людей».
Серия биографий. Вып. 2(445))

9(С)22

Редактор Е. Любушкина

Серийная обложка Ю. Арндта

Худож. редактор А. Степанова

Техн. редактор М. Сольшко

Сдано в набор 29/1 1968 г. Подписано к печати
11/VI 1968 г. А04583. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
типографская № 2. Печ. л. 5,5 (9,24) + 9 вкл.
Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 100 000 экз. Цена 54 коп.
Т. П. 1968 г., № 421. Заказ 70.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

54 коп.

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я